Индекс 54916 ISSN 2218-1644

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Периодическое издание
Выходит 4 раза в год
2015, № 3 (12)

Учредитель
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Редколлегия:

Слепцов П.А. (гл. редактор), *Андреева Т.Е.*, *Антонов Е.П.*,
Боякова С.И. (зам. гл. редактора), *Бурцева Ж.В.*, *Варламов А.Н.*,
Винокурова Д.М., Данилова Н.И.,
Ефремов Н.Н. (отв. секретарь), *Жукова Л.Н.*, *Игнатьева В.Б.*,
Ларионова А.С., *Попова Н.И.* (зам. гл. редактора),
Романова Е.Н., *Романова Л.Н.*

Ответственный за выпуск *Ж.В. Бурцева*
Редакторы: *Е.Ф. Молотков, Н.И. Дегтярева*
Английский текст: *О.Н. Кочмар*
Верстка: *А.Н. Степанова*
Обложка: *А.И. Харитонов*

ISSN 2218-1644 © ИГИиПМНС СО РАН, 2015

Index 54916 ISSN 2218-1644

NORTH-EASTERN JOURNAL OF THE HUMANITIES

Scientific journal
Periodical
Published four times a year
2015, № 3 (12)

Founder
Institute for Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science

Editorial board:

Sleptsov P.A. (editor in chief), *Andreeva T.E., Antonov E.P., Boyakova S.I.* (dep. editor in chief), *Burtseva Zh.V.*, *Varlamov A.N., Vinokurova D.M., Danilova N.I., Efremov N.N.* (executive secretary), *Zhukova L.N.*, *Ignatjeva V.B., Larionava A.S., Popova N.I.* (dep. editor in chief), *Romanova E.N., Romanova L.N.*

Responsible for issue *Zh.V. Burtseva*
Editor: *E.F. Molotkov, N.I. Degtyarova*
English text: *O.N. Kochmar*
Makeup: *A.N. Stepanova*
Cover: *A.I. Kharitonov*

ISSN 2218-1644 © IHIPN SB RAS, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические науки

Молодин В.И. Некоторые результаты археологических исследований отдела палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН в последнее пятилетие XXI века..... 5

Шуньков М.В. Основные результаты изучения древнейшей истории Алтая..... 10

Бравина Р.И. Археологические исследования древних культур Якутии..... 15

Жукова Л.Н. Неолитическое погребение Каменка II на средней Колыме (палеоэтнографический анализ)... 19

Бравина Р.И., Дьяконов В.М. Раннеякутские средневековые погребения XIV–XVII вв.: совокупность отличительных признаков..... 27

Кирьянов Н.С. Памятник Лепсей II в Верхоянском районе РС(Я) и фольклорные материалы И.А. Худякова 32

Акеров Т.А. Енисейские кыргызы. Кыргызский каганат в орбите этнополитических и миграционных процессов в Центральной Азии в VIII–XIV вв..... 38

Павлинская Л.Р. Историческая Евразия. Этнокультурный аспект..... 42

Филологические науки

Слепцов П.А. О многотомном Большом академическом толковом словаре якутского языка..... 47

Иванов С.А. Итоги и задачи изучения якутской диалектологии..... 53

Николаев Е.Р. Об изучении якутских антропонимов..... 57

Самсонова Е.М. Объектный дистрибутив и его разновидности в якутском языке..... 63

Иванова И.Б. Функционально-семантическое поле временной количественности в якутском языке (суточное время)..... 68

Шарина С.И. Вклад якутских исследователей в изучение эвенского языка..... 72

Прокопьева П.Е. Юкагироведческие исследования в ИГИиПМНС СО РАН..... 79

Курилова С.Н. К проблеме разграничения явлений смешения кодов в рамках одного слова и лексических заимствований в юкагирском языке..... 83

Ван Гоуин. О фонологических соответствиях в области консонантизма тунгусских языков..... 87

Бурыкин А.А. Современные социолингвистические проблемы функционирования языков КМНС Севера России в свете социальных функций языка..... 90

Бурцев А.А. Поэтика «местного колорита» в романах В. Далана..... 95

Непомнящих Н.А. Мотивы утраты, умирания, памяти в русской деревенской прозе и в русскоязычных произведениях писателей о коренных народах Сибири 102

Илларионов В.В. Десятилетие Государственной целевой программы олонхо: итоги и задачи..... 108

Варламова Г.И. Традиции и новации в фольклоре народов Севера..... 115

Чарина О.И. Изучение русского фольклора северо-востока Якутии в начале XXI века..... 119

Ларионова А.С. Певческие традиции олонхо (диахронический аспект)..... 124

Сведения об авторах..... 129

Правила оформления рукописей..... 132

CONTENTS

Historical sciences

Molodin V.I. Some results of archaeological researches the Department of Paleometal, Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Science in the last 5 years, XXI century..... 5

Shun'kov M.V. The main results of the study of the ancient history of Altay region..... 10

Bravina R.I. Archaeological researches of the ancient cultures of Yakutia..... 15

Zhukova L.N. Neolithic burial Kamenka II in the Middle Kolyma (paleoethnographic analysis)..... 19

Bravina R.I., Dyakonov V.M. Early Yakut medieval burials of XIV-XVII centuries: distinctive features..... 27

Kiryanov N.S. Monument Lepsey II in Verkhoyansk region the Republic of Sakha (Yakutia) and I.A. Khudyakov's folk materials..... 32

Akerov T.A. Yenisey Kyrgyz. The Kyrgyz Kaganate in an orbit of ethno-political and migratory processes in Central Asia, VIII-XIV centuries..... 38

Pavlinskaya L.R. Historical Eurasia. Ethno-cultural dimension..... 42

Philological sciences

Sleptsov P.A. About the multivolume Big Academy Explanatory Dictionary of the Yakut language..... 47

Ivanov S.A. Results and problems of studying of the Yakut dialectology..... 53

Nikolaev E.R. About learning Yakut anthroponyms..... 57

Samsonova E.M. Object distribution and its variants in the Yakut language..... 63

Ivanova I.B. Functional-semantic field of quantitative temporal (daily time)..... 68

Sharina S.I. The contribution of the Yakut researchers in the study of the Even language..... 72

Prokopyeva P.E. Yukagirs' researches in the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North Siberian Branch Russian Academy of Science..... 79

Kurilova S.N. On the problem of distinguishing the effects of mixing code in one word and lexical borrowing in Tundra Yukagir..... 83

Van Gouin. About phonological correspondences in the sphere of consonantism Tungus languages..... 87

Burykin A.A. Contemporary sociological problems of functioning of languages of the native peoples of the Russian North in the light of social functions of language..... 90

Burtsev A.A. The poetics of "local colour" in the novels of V. Dalan..... 95

Nepomnyashchikh N.A. Motives of loss, dying, and memory in Russian "village prose" and in Siberian Russian literature..... 102

Illarionov V.V. The Olonkho Decade: results and tasks..... 108

Varlamova G.I. Traditions and innovations in the folklore of the North..... 115

Charina O.I. The study of Russian folklore of the North-East of Yakutia at the beginning of the XXI century..... 119

Larionova A.S. Singing traditions of Olonkho (diachronic aspect)..... 124

Information about authors..... 130

The manuscripts rules..... 132

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 902(571.1/.5)

В.И. Молодин

Некоторые результаты археологических исследований отдела палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН в последнее пятилетие XXI века

Дается обзор главных научных и организационных достижений отдела палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН приблизительно за последние пять лет. Показаны итоги аналитических и полевых исследований в области изучения культур эпохи неолита, бронзы, раннего железа, средневековья. Продемонстрирован широкий территориальный охват исследования (Западная Сибирь, Дальний Восток, Монголия, Япония), мультидисциплинарный подход к анализу источников. Дана характеристика количественного и качественного состава подразделения, грантовой поддержки, публикационной активности.

Ключевые слова: отдел палеометалла, Западная Сибирь, Дальний Восток, неолит, бронза, раннее железо, средневековье.

Институт археологии и этнографии СО РАН – правопреемник созданного академиком А.П. Окладниковым Института истории, филологии и философии СО АН СССР еще достаточно молод, хотя его сотрудники за последнее десятилетие добились весьма существенных результатов, отмеченных как научным сообществом, так и государством. Достаточно сказать, что только в текущем веке сотрудники Института были удостоены трех Государственных премий по науке и технологии [Молодин, 2015]. Бессменным лидером Института, формирующим стратегии развития и успешного существования, является академик А.П. Деревянко, с именем которого связаны блестящие открытия последних лет в Южной Сибири, в том числе нового человека (Homo altaiensis) [Деревянко, Шуньков, 2014, с. 3–16].

Одной из главных научно-исследовательских структур Института является отдел палеометалла, с деятельностью которого в последние годы я, как его руководитель, и хочу познакомить читателя.

Приоритетными, по сути стратегическими направлениями в работе отдела можно считать следующие:

- детальная реконструкция этнокультурных процессов в Северной Азии (в Западной и Южной Сибири, на Алтае, на Дальнем Востоке России) и сопредельных территориях в эпоху бронзы – средневековья;

- комплексный мультидисциплинарный подход, привлечение на всех стадиях поиска, анализа и интерпретации археологических источников специалистов естественно-научных направлений (геология и почвоведение, палеогеография, палеогенетика, палеозоология, палеоботаника, металлография, магниторазведка, геофизический мониторинг, методы компьютерного моделирования и т.д.);

- публикация результатов научных исследований в наиболее авторитетных отечественных и международных журналах с высоким рейтингом и импакт-фактором, регулярное участие в работе крупнейших научных форумов в России и за рубежом; издание монографий, обобщающих исследования;

- разностороннее сотрудничество с научными центрами, университетами и исследовательскими лабораториями стран Европы, Азии и Амери-

© В.И. Молодин, 2015

ки в рамках совместных проектов и долговременных партнерских программ;

- активное участие в подготовке молодых специалистов (студентов, магистрантов, аспирантов) по археологии, вовлечение их в исследовательский процесс, поддержка молодежных проектов и стажировок, издание учебных и учебно-методических пособий. Приоритетным является сотрудничество с «дочерними» лабораториями сибирских университетов и, прежде всего, с НГУ;

- постоянный диалог со средствами массовой информации, популяризация научных открытий на региональном, общероссийском и международном уровне.

В отделе работают 35 научных сотрудников, в том числе академик РАН, член-корреспондент РАН, 9 докторов наук, 18 кандидатов наук и 6 научных сотрудников без степени. Для оптимизации исследований в отделе существуют три тематических научных подразделения: сектор археологии бронзы и железного века (зав. д.и.н. С.П. Нестерова), сектор антропологии (зав. д.и.н. Т.А. Чикишева) и сектор зарубежной археологии (зав. д.и.н. А.В. Табарев).

Экспедиционная деятельность проводится ежегодно силами 12–15 археологических отрядов и ведется на территории Новосибирской, Иркутской, Амурской областей, Республики Алтай, Ханты-Мансийского АО, Алтайского, Красноярского и Забайкальского краев, Монголии и стран Мезоамерики. Исследования проводятся на поселениях, городищах, могильниках, объектах петроглифического искусства – памятниках археологии от эпохи неолита до позднего средневековья.

Заданный объем статьи не позволяет в полной мере исчерпывающе осветить научные результаты отдела, поэтому остановимся на главных.

Исключительно важные научные результаты получены при раскопках погребальных комплексов эпохи неолита на памятнике Венгерово-2А. Два комплекса состоят из округлых разомкнутых рвов, окружающих центральные усыпальницы, в которых были совершены коллективные захоронения (от 9 до 19 особей), представленные преимущественно вторичными захоронениями. Интересно основное погребение первого комплекса. Захоронена женщина, помещенная в могилу полусидя. Сопровождающий инвентарь – массивные скребла, в левой руке зажата крупная пластина с ретушью. Погребальный инвентарь, в число которого входит керамика с приостренным дном, каменные орудия, замечательные костяные предметы, в том числе декоративно-прикладного искусства, имеет западный, северо-западный вектор аналогий на таких памятниках, как Быстрый, Кульёган-66, Окуневский АМР, Шигирский Торфяник, Лубанское озеро и др. [Молодин, Мыльникова, Нестерова и др., 2012]. Более того, полученные данные по антропологии и палеогенетике позволяют уверенно включать данный комплекс в состав северо-западной провинции, распространяющейся от Прибалтики до правобережного Прииртышья в VI тыс. до н.э. [Молодин, Мыльникова, Нестерова и др., 2013]. Полученные данные имеют принципиальное значение для разработки относительной периодизации эпохи неолита–бронзы Западносибирской лесостепи, а также понимания сложного характера переходной стадии от неолита к ранней бронзе, трансформации антропологической и генетической характеристики аборигенов.

Продолжая характеристику исследований, осуществляемых в Западносибирской лесостепи, следует сказать о разработке на качественно новом уровне периодизации культур эпохи ранней–развитой бронзы Барабинской лесостепи. К наиболее древней относится усть-тартасская культура (IV – начало III тыс. до н.э.). Одиновская культура датируется III тыс. до н.э., кротовская – второй половиной III тыс. до н.э. [Молодин, 2010]. На могильнике Тартас-1 данная последовательность культур получила надежное стратиграфическое подтверждение. Зафиксированные погребения не только отчетливо ранжируются стратиграфически, но и типичны для своих образований по погребальной практике и инвентарю. Представленная стратиграфическая колонка подкреплена спектром радиоуглеродных дат [Молодин, Мыльникова, Новикова и др., 2011].

Разработана концепция миграционных импульсов носителей андроновской (федоровской) культурно-исторической общности в Барабинскую лесостепь. Предложено несколько вариантов моделей и исходных пунктов миграций, осуществлявшихся в лесостепь Обь-Иртышья с рубежа III–II тыс. до н.э. до первой половины II тыс. до н.э. Показано, что в результате длительных контактов в регионе уже в период развитой бронзы формируется достаточно мозаичная этнокультурная ситуация. Предлагаемая концепция подтверждается результатами антропологических и палеогенетических исследований [Мо-

лодин, 2011; Молодин, Пилипенко, Чикишева и др., 2013].

Международным исследовательским коллективом, в состав которого вошли представители гуманитарных, естественных и точных наук, обобщены материалы поселений переходного от бронзового к железному веку времени Чича-1 и Линево-1. Изучением разнообразных категорий источников занимались антропологи, генетики, палеозоологи, химики, почвоведы, специалисты по металлографии и т.д. Были проведены десятки анализов, получена внушительная серия радиоуглеродных дат. Результаты подтверждают гипотезу о ситуации экологического «стресса», имевшего место в начале I тыс. до н.э. и спровоцировавшего миграции населения и изменения в жизнедеятельности человеческих коллективов.

Установлено, что специфической чертой поселенческих комплексов лесостепной зоны Западной Сибири этого периода является совместное бытование носителей различных керамических традиций: ирменской-позднеирменской (автохтонной) и инокультурных (лесостепного, степного и таежного круга культур). Достаточно четко для изученных памятников зафиксировано наличие синкретичных форм керамики, сочетающих на одном сосуде орнаментальные традиции основных выделяемых групп. Сосуществование в рамках одного поселения групп, являющихся носителями разных культурных традиций, подтверждается выявленными различиями в хозяйственной деятельности жителей, в технологиях керамического и бронзолитейного производств. Анализ краниологических, одонтологических и палеогенетических данных также показал, что население городища Чича-1 не было гомогенным. Высказано предположение о наличии брачных контактов между мигрантами и автохтонными группами населения, что привело к формированию дуальной (или дуально-фратриальной) организации общества.

Тесные контакты между пришлыми группами (носителями берликской, красноозерской, сузгунской, завьяловской и, вероятно, атлымской и гамаюнской культур) и местным позднеирменским населением способствовали появлению новаций в материальной и духовной культуре: отмечены нетипичные для региона элементы градостроительства, возведения фортификационных сооружений, ремесленничества, обрядовой деятельности (погребения младенцев в жилищах [Чича …, 2009].

Целенаправленные исследования проведены в рамках апробации корреляции радиоуглеродного и дендрохронологического датирования погребальных комплексов эпохи раннего железного века Верхнего Приобья. В результате была разработана внутренняя периодизация культуры на базовом памятнике Быстровка-2, в пределах V–II вв. до н.э. [Бородовский, 2012].

Активные ежегодные исследования проводятся по программе паспортизации и картирования археологических памятников Горного Алтая. Составлена археологическая карта горной долины Нижней Катуни. Представлена характеристика материальной культуры и этногенеза населения одного из ключевых районов Северного Алтая. Для ряда археологических культур эпохи палеометалла уточнены территориальные границы, установлена хронология миграционной активности населения.

Кроме того, на территории Горного Алтая продолжены исследования петроглифов, с акцентом на использование трасологического метода в определении инструментария их нанесения (камень, бронза, железо). Уникальными являются изображения древнейшего пласта, датируемые концом эпохи палеолита (Калгутинский рудник) [Молодин, Черемисин, 1999]. Определены технологические особенности и эволюция стилистики ряда петроглифических групп в широком хронологическом диапазоне.

Многолетние целенаправленные исследования на территории Дальнего Востока позволили разработать концепцию взаимоотношения этнических групп населения Западного Приамурья во второй половине I тыс. до н.э. Согласно ей, на первом этапе контакты местного монголоязычного населения бэй шивэй с тунгусоязычными мигрантами хэйшуй мохэ и двуязычными (тунгусо-монголоязычными) бохайскими сумо мохэ осложнялись антагонизмом между бэй шивэй и хэйшуй мохэ вследствие разноязычия и агрессивного вторжения последних на территории бэй шивэй, а также конфронтации между хэйшуй мохэ и бохайскими мохэ.

Анализ археологического материала из Западного Приамурья показывает, что интеграция бэй шивэй в бохайское общество была быстрой и глубокой, что привело к созданию так называемой троицкой группы, однако только в X в. бэй шивэй были окончательно ассимилированы бохайскими мохэ [Деревянко, Ким Ён Вон, Нестерова и др., 2010].

Вышли в свет обобщающая, мультидисциплинарная по сути, монография [Молодин, Парцингер, Цэвээндорж, 2012], освещающая результаты работы Российско-германско-монгольской экспедиции в северо-западной Монголии, где было исследовано «замерзшее» погребение пазырыкской культуры – памятник Олон-Курин-Гол-10. Данный памятник маркирует южную границу ареала пазырыкской культуры. По степени сохранности и совокупности обнаруженных предметов он может быть назван эталонным. Благодаря мерзлоте великолепно сохранились все предметы из органических материалов: погребальный сруб, меховая шуба, другие атрибуты одежды, деревянные и роговые изделия. Впервые в пазырыкском погребении обнаружен целый «скифский» лук и крышка горита, находящиеся in situ.

Монографическое исследование продемонстрировало возможности интеграции наук гуманитарного (археология) и естественного (геофизика, генетика, мерзлотоведение, микробиология) профиля, интеграции нескольких научных школ (российской, германской, монгольской), а также интеграции науки и производства (НПО «Луч» по спецзаказу подготовило геофизическую аппаратуру).

Проведено дендрохронологическое исследование древесины из пазырыкских могильников Северо-Западной Монголии: Олон-Курин-Гол-6 и Олон-Курин-Гол-10. В результате перекрестного датирования установлены как относительные, так и абсолютные даты пазырыкских курганов Монголии. По С14 – это конец IV – начало III в. до н.э.

Впервые в мировой археологии проведены крупномасштабные исследования уникальных погребений хуннской знати в курганном комплексе Ноин-Ула в Северной Монголии. Раскопки курганов №20, 22, 31 позволили сделать вывод об эклектичности материальной культуры высшего и среднего слоя хунну конца I в. до н.э. – начала I в. н.э. Первый пласт нашел отражение в погребальном обряде: хунну придерживались ханьских традиций. Установлено, что каменные перекрытия могильной ямы являются общей конструктивной особенностью для всех курганов хуннской знати. Сама конструкция могильной ямы, вырытой уступами, а с определенной глубины имеющей вид глубокой четырехугольной в плане шахты, имеет близкие аналогии среди китайских материалов. Присутствие ханьской колесницы в ноин-улинском кургане также непосредственно указывает на китайское влияние. Второй пласт материальной культуры хунну, выделенный по находкам в элитных курганах, может быть назван «западным». Он связан с т.н. государствами Западного края, расположенными на территории Синьцзяна, и с Шелковым путем, который в разные периоды своей истории контролировался хунну. Шелковый путь стал для хунну источником оригинальных вещей из Парфии, Бактрии и, возможно, других, более отдаленных регионов и государств, в частности Рима. Империя хунну использовала достижения цивилизаций Запада и Востока, перенимая многие мировоззренческие представления своих соседей.

К «западным» вещам, обнаруженным в ноинулинских курганах, относятся шерстяные и шелковые ткани, в том числе оригинальные вышитые завесы, содержащие уникальную информацию о внешнем облике, костюме, вооружении, религиозных представлениях и художественных традициях народов, проживающих далеко от монгольских степей [Полосьмак, Богданов, Цэвээндорж, 2011].

Выявлено происхождение большинства предметов из могильников хунну (украшений конской упряжи, лаковых и нефритовых изделий, шерстяных и шелковых тканей), установлены пути и время их попадания в руки знатных хунну. Значительная часть дорогих предметов являлась подарками китайского двора хуннским правителям.

Проведены целенаправленные работы в ряде университетов Японии, направленные на изучение глиняной пластики. Выявлено тождество традиций изготовления антропоморфной пластики древних культур Евразии, Тихоокеанского бассейна и Японии. Комплексы мелкой глиняной пластики имеют удивительное сходство не только с индивидуальными пластическими изображениями, но и со всеми основными категориями предметов пластики, характерными для евразийской традиции [Молодин, Соловьев, Соловьева и др., 2009].

Археолого-геофизический отряд организован с целью поддержки и развития интеграционных программ в области археолого-геофизических исследований. За время работы отряда методами магнитометрии и геоэлектрики обследовано 37312 кв. м площади разнотипных археологических памятников, относящихся к широкому хронологическому диапазону – от эпохи неолита до времени освоения территории Сибири русским населением (Венгерово-2, Новоильинка-III, Старый Тартас-5, Тартас-1, Яшкино-1, Белоярская

крепость, храм в с. Легостаево). Применение неразрушающих геофизических методов для исследования археологических объектов отражает современные тенденции в области изучения мирового историко-культурного наследия. Геофизическое картирование позволило идентифицировать объекты, оценить их планиграфические возможности и существенно повысило эффективность планирования археологических работ [Дядьков, Позднякова, 2015].

Археологами отдела разработана концепция древней дифференциации населения Северной Евразии на два антропологических субстрата, для которых предлагается статус рас второго порядка (в составе большой монголоидной расы 1-го порядка). Эти субстраты обнаруживаются в сложившемся виде в эпоху неолита (6 тыс. до н.э.) на территории Западной Сибири и на рубеже неолита–энеолита (4 тыс. до н.э.) на территории Южной Сибири. Предлагается называть их северной и южной евразийскими расовыми (антропологическими) формациями. Им отводится ведущая роль в расогенезе постнеолитического населения Северной Евразии. Судьба морфологического комплекса северной евразийской антропологической формации прослеживается практически без хронологических перерывов вплоть до современности [Чикишева, 2012].

Подводя краткие итоги уместно констатировать, что только за последние 5 лет (2010–2014) сотрудниками отдела палеометалла подготовлено 1237 публикаций, в том числе: 22 монографии (из них 5 монографий издано за рубежом); 194 статьи в журналах из списка ВАК; 88 статей в журналах WoS и Scopus; 303 статьи в прочих изданиях; 88 тезисов докладов; 21 учебно-методическое издание ; 77 научно-популярных публикаций.

Защищена 1 докторская и 9 кандидатских диссертаций.

Было получено 177 грантов, в том числе: РГНФ – 61; РФФИ – 40; государственная поддержка ведущих научных школ – 5; интеграционные проекты РАН – 31; интеграционные проекты СО РАН – 20; экспедиционные проекты МО РАН – 48; интеграция УНЦ НГУ – 1; интеграция ЯмННЦИА – 1; ФЦП «Научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. – 1.

Сотрудники отдела палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН с оптимизмом смотрят в будущее. Впереди новые исследования и открытия.

Литература

Бородовский А.П. Датирование многомогильных курганов эпохи раннего железа Верхнего Приобья естественно-научными и традиционными методами (по материалам Быстровского некрополя) // Методы наук о земле и человеке в археологических исследованиях. – Новосибирск: Ред.-издат. центр НГУ, 2012. – С. 335–393.

Деревянко А.П., Ким Ён Вон, Нестеров С.П., Юн Кван Джин, Ли Гю Хун, Хан Джи Сон, Мыльникова Л.Н., Лоскутова Я.Ю., Шеломихин О.А., Пак Джон Сон, Ли Кён Ха. Материалы и исследования Российско-корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье. – Тэджон: Изд-во Государ. исслед. Ин-та культ. наследия Республики Кореи, 2010. – Вып. III: Раскопки раннесредневекового поселения Осиновое Озеро в 2009 году. – 318 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Новые археологические открытия на Алтае и проблема формирования Homo Sapiens // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2008–2013 гг. – М.: Наука, 2014. – С. 3–16.

Дядьков П.Г., Позднякова О.А. Итоги и перспективы применения метода магнитометрии для изучения археологических памятников Западной Сибири // Мультидисциплинарные методы в археологии. Новейшие итоги и перспективы. Программа. Тезисы докладов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – С. 59–62.

Молодин В.И. Современные представления об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи (к постановке проблемы) // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею профессора Т.Н. Троицкой). – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. – С. 61–76.

Молодин В.И. Миграции носителей андроновской культурно-исторической общности в Барабинской лесостепи // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова. Труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. VIII. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 2011. – С. 58–69.

Молодин В.И. От Института истории, филологии и философии СО АН СССР – к Институту археологии и этнографии СО РАН. Развитие археологической науки на Востоке страны // Ученые и идеи: страницы истории археологического знания. Тезисы докладов Международной научной конференции. Москва, 24–25 февраля 2015. – М.: Изд-во ИА РАН. – С. 38–40.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Ефремова Н.С., Ковыршина Ю.Н., Борзых К.А. Особенности погребально-ритуальных комплексов неолитического могильника Венгерово-2А // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Том XIX. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – С. 124–129.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Орлова Л.А. Уникальный погребально-ритуальный комплекс эпохи неолита в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Том XVIII. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 117–122.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Соловьев А.И. К периодизации культур эпохи бронзы Обь-Иртышской лесостепи: стратиграфическая позиция погребальных комплексов ранней – развитой бронзы на памятнике Тартас-1 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 3(47). – 2011. – С. 40–56.

Молодин В.И., Парцинегр Г., Цэвээндорж Д. Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). – М.: ИД Триумф Принт, 2012. – 566 с.

Молодин В.И., Пилипенко А.С., Чикишева Т.А., Ромащенко А.Г., Журавлев А.А., Поздняков Д.В., Трапезов Р.О. Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи IV–I тыс. до н.э.: археологический, палеогенетический и антропологический аспекты (Интеграционные проекты СО РАН, Вып. 46). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. – С. 220.

Молодин В.И., Соловьев А.И., Соловьева Е.А., Чемякина М.А. Мелкая глиняная пластика Евразии (неожиданные параллели) // Проблемы археологии и истории Северной Евразии. – Томск: Изд-во ТГУ, 2009. – С. 46–57.

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. – Новосибирск: Наука, 1999. – 159 с.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Двадцатый Ноин-Улинский курган. – Новосибирск: Изд-во ИНФОЛИО, 2011. – 184 с.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 468 с.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи /Молодин В.И., Парцингер Г., Кривоногов С.К. и др./. – Том 3. – Новосибирск – Берлин: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 248 с.

V. I. Molodin

Some results of archaeological researches the Department of Paleometal, Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Science in the last 5 years, XXI century

The article is devoted to the review of the main scientific and organizational achievements of Department of Paleometal, Institute of Archeology and Ethnography of SB RAS for about the last five years. Results of analytical and field researches in the study of cultures of the Neolithic, the Bronze Age, the Early Iron Age, the Middle Ages are shown. The broad territorial coverage of research (Western Siberia, the Far East, Mongolia, Japan), multidisciplinary approach to the analysis of sources was shown. The characteristic of quantitative and qualitative structure of division, grant support, publication activity is given.

Keywords: Department of Paleometal, Western Siberia, the Far East, the Neolithic, the Bronze, the Early Iron, the Middle Ages.

УДК 902(571.15)

М.В. Шуньков

Основные результаты изучения древнейшей истории Алтая*

В настоящее время на Алтае проводятся междисциплинарные исследования многослойных палеолитических комплексов, наиболее полно характеризующих древнейшую историю Северной и Центральной Азии. В отложениях Денисовой пещеры, стоянок Карама, Усть-Каракол и других археологических объектов, расположенных в долине верхнего течения р. Ануй, вместе с многочисленными артефактами зафиксированы массовые палеонтологические материалы, позволяющие проследить процесс развития палеолитической культуры и реконструировать условия обитания первобытного человека на различных палеогеографических этапах плейсто-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-50-00036)

© М.В. Шуньков, 2015

цена. Кроме того, новейшие антропологические открытия в этом районе связаны с основными проблемами происхождения и формирования человека современного физического облика.

Ключевые слова: Горный Алтай, Денисова пещера, палеолит, каменная индустрия, палеогеография, палеогенетика, денисовец.

В настоящее время на Алтае, расположенном на границе Северной и Центральной Азии, сосредоточены наиболее информативные археологические комплексы, характеризующие древнейшую историю огромного пространства от Урала до Тихого океана и от Монголии до Северного Ледовитого океана. Кроме того, с новейшими открытиями в этом регионе связаны основные проблемы всей древнейшей истории человечества, в том числе, проблема происхождения и формирования человека современного физического облика.

Наиболее древний этап проникновения палеолитического человека на территорию Алтая представляют архаичные галечные орудия, обнаруженные на стоянке Карама. Из четырех культурных горизонтов стоянки**,** сформированных красноцветными отложениями нижнего плейстоцена, извлечены гальки, оббитые поперек длинной оси в виде массивных рубящих орудий – чопперов, скребловидные инструменты на уплощенных гальках с естественным обушком и приостренным лезвием, а также галечные орудия с выделенным шиповидным выступом в виде носика. Эти орудия типичны для эпохи раннего палеолита и представляют индустрию галечного типа.

Согласно результатам палеоботанических исследований, процесс первоначального заселения человеком Алтая проходил в благоприятных климатических условиях. В это время в окрестностях Карамы произрастали березовые и сосновые леса с участием темнохвойных пород и экзотических элементов дендрофлоры [Болиховская, Шуньков, 2014], в том числе неморальных европейских и дальневосточных таксонов – граба сердцелистного, грабинника, хмелеграба, дуба черешчатого, липы сердцелистной, липы амурской, липы маньчжурской, вяза мелколистного и шелковицы. Основой существования древнейших обитателей стоянки являлись охота и собирательство. Охотились главным образом на мелких и средних млекопитающих, таких как барсук, сурок, суслик, заяц. Кроме того, древний человек постоянно промышлял сбором остатков добычи хищных животных – волка, гиены, медведя.

Результаты климатостратиграфического расчленения разреза и полученные палеоклиматические реконструкции свидетельствуют о формировании этих отложений во время четырех палеогеографических этапов раннего неоплейстоцена, отвечающих сменам двух теплых и двух холодных эпох межледникового и ледникового рангов [Bolikhovskaya, Derevianko, Shunkov, 2006]. В совокупности материалы палинологического анализа и другие аналитические данные позволяют предположить, что накопление этих отложений соответствует стадиям 16–19 изотопно-кислородной шкалы, т.е. определить их возраст в диапазоне 600–800 тыс. лет.

Раннепалеолитическая галечная индустрия Карамы свидетельствует о заселении территории Алтая популяциями *Homo erectus*, пришедшими, скорее всего, с первой миграционной волной из Африки [Деревянко, 2009]. Первая волна древнейших мигрантов двигалась в двух основных направлениях: первое – через Ближний Восток на юг Европы – на Кавказ и в районы Средиземноморья, второе – через западные районы Азии на восток. Предполагается, что на восток гоминины двигались двумя путями. Один из них пролегал, видимо, южнее Гималаев и Тибетского нагорья через Индостан в Восточную и Юго-Восточную Азию. Другой, северный миграционный путь проходил, скорее всего, через Переднеазиатские нагорья в Центральную и Северную Азию.

Хроностратиграфическая колонка Карамы свидетельствует, что представители первой миграционной волны обитали на Алтае на протяжении почти всей первой половины раннего неоплейстоцена. После холодного максимума, соответствующего изотопной стадии 16, в связи с общим ухудшением природной обстановки ранние гоминины, скорее всего, ушли в районы с более умеренным климатом. Оставшаяся часть популяции, видимо, не смогла адаптироваться к изменившимся ландшафтно-климатическим условиям и прекратила существование.

Следующий документированный период древнейшей истории Алтая представлен археологическими и палеонтологическими материалами из базальных отложений Денисовой пещеры, датированных второй половиной среднего неоплейстоцена. В начальный период заселения пещеры

в окружающих ландшафтах были широко развиты разнотравно-злаковые степи, служившие пастбищем для многочисленных копытных – бизонов, сайгаков, благородных оленей, лошадей. Стада этих животных являлись главным объектом охоты палеолитического человека. Нижнюю часть горных склонов покрывали смешанные сосново-березовые леса с примесью дуба, клена, липы и вяза. В этих местах паслись косуля, марал и медведь. Верхнюю часть крутых склонов занимали каменистые осыпи, прикрытые кустарником и травянистой растительностью. Здесь, у гребней хребтов обитали архар и сибирский горный козел.

Главным технологическим завоеванием человека среднего палеолита стали особые приемы обработки камня, названные техникой леваллуа. С их помощью от специально подготовленного обломка исходного каменного сырья – нуклеуса откалывались крупные пластины и острия с симметричными острыми краями. Эти сколы, тонкие в сечении и очень удобные в работе, использовались в качестве орудий практически без дополнительной обработки. Технические достижения в расщеплении камня позволили значительно усовершенствовать форму и рабочие свойства двух основных типов орудий – остроконечника и скребла.

Активное заселение среднепалеолитическим человеком Алтая относится к первой половине верхнего неоплейстоцена, в период 120–50 тыс. лет. Согласно палеогеографическим данным, на протяжении этого периода постепенно сокращались площади лесов и расширялись степные биотопы. В сообществах млекопитающих уменьшалась численность лесных полевок и древесных форм грызунов, а доля степных и луговых видов, напротив, возрастала. В свою очередь, с деградацией лесной растительности была тесно связана возросшая активность первобытного человека. Сокращение лесов, увеличение площади луговой и степной растительности с густым травянистым покровом привело к росту численности крупных травоядных животных – основы охотничьего промысла древнего человека.

Для наборов каменных инструментов среднего палеолита, найденных на Алтае, характерно разное соотношение технических приемов обработки камня и типов орудий, вследствие чего их можно поделить на три основных индустриальных варианта [Деревянко, Шуньков, 2002; Деревянко, Маркин, Шуньков, 2013]. В одном ведущими типами орудий являлись скребла различных модификаций, в другом – остроконечники и пластины с тонкими острыми краями, в третьем – мустьерские формы, прежде всего, угловатые скребла типа *dejete*.

Жизнь палеолитического человека в основном протекала на долговременных поселениях в пещерах и на сезонных охотничьих стойбищах. В сезонных лагерях изготавливался в основном специальный охотничий инвентарь в виде треугольных и листовидных остроконечников. В наборах орудий из пещер доминируют универсальные скоблящие и режущие инструменты – скребла, а также орудия с выемками и зубчатыми лезвиями.

В период от 50 до 40 тыс. лет назад на территории Алтая на основе местных традиций происходит постепенное становление культурного комплекса верхнего палеолита. Начало этой эпохи отмечено общим смягчением климата, расширением площади лесов и лугов, высокой степенью мозаичности ландшафтов. На склонах речных долин в это время обитали животные разных экологических групп – архар, сайга, дзерен и сибирский горный козел паслись по соседству с шерстистым носорогом, бизоном и маралом. В целом характер природной обстановки в эпоху верхнего палеолита был довольно неустойчивым, а его заключительный этап (24–12 тыс. лет) сопровождался прогрессирующим похолоданием, что привело к самому ощутимому за весь период плейстоцена ухудшению природных условий. В это время максимально возросла доля травянистых растений и кустарников, небольшие участки леса состояли в основном из темнохвойных пород. Среди животных преобладали обитатели скал и степей.

Алтайские коллекции каменных изделий верхнего палеолита свидетельствуют о массовом производстве узких тонких пластин с острыми краями, служивших основой для изготовления разнообразных специализированных орудий. Среди каменных изделий появляются микропластины, выполнявшие функцию лезвия в составных орудиях. Еще одна важная инновация – орудия и украшения из кости. В культурных слоях начальной стадии верхнего палеолита Денисовой пещеры найдены миниатюрные иглы с просверленным ушком, острия-проколки, пронизки с рядами кольцевых нарезок, бусины и кольца из бивня мамонта, подвески из зубов животных, плоские бусины-колечки из окаменевшей скорлупы яиц страуса, а также подвески из мягкого поделочно-

го камня, кольцо из белого мрамора и браслет из темно-зеленого хлоритолита. Трасологическое изучение каменных украшений показало, что при их изготовлении использовались шлифовка на абразивах, полировка кожей и шкурой, а также уникальные для палеолитического времени технологии – скоростное станковое сверление и внутренняя расточка инструментом в виде рашпиля [Деревянко, Шуньков, Волков, 2008].

Уже на раннем этапе верхнего палеолита на фоне общих культурных традиций прослеживается разделение алтайских каменных индустрий на две самостоятельные линии развития [Деревянко, Шуньков, 2004]. Первая связана с дальнейшим развитием приемов пластинчатого расщепления камня, в результате чего основу инвентаря составляли орудия из серийно изготовленных крупных пластин – концевые скребки, срединные резцы, ножи с ретушированным обушком и остроконечники с уплощенным основанием. Помимо Алтая, такие технологии прослеживаются в ряде других районов Сибири.

В рамках второго технологического варианта развивалась техника микропластинчатого расщепления и производство листовидных острий. В составе каменного инвентаря самые яркие группы образуют орудия т.н. ориньякской формы – концевые скребки на пластинах, скребки высокой формы, крупные пластины с ретушированными продольными краями, микропластины с притупленным краем, а также бифасиальные остроконечники листовидной формы. Становление этой технической традиции на Алтае в начале верхнего палеолита, очевидно, дало основной импульс для распространения подобных технологий из юго-западных районов Сибири на восток и северо-восток. В этот ареал последовательно вошли не только практически вся Восточная Азия, но и Север Американского материка.

В целом наборы каменных и костяных орудий, а также предметы символической деятельности, свидетельствуют о достаточно высоком уровне материальной и духовной культуры обитателей Алтая в начале верхнего палеолита. В этой связи огромный интерес представляют антропологические остатки из культурного слоя начальной стадии верхнего палеолита (50–40 тыс. лет назад) в Денисовой пещере. Они принадлежат гоминину, существенно отличавшемуся по типу митохондриальной и ядерной ДНК от неандертальца и от человека современного физического вида [Krause et al., 2010; Meyer et al., 2012]. Новая популяция гомининов, обозначенная как «денисовцы», сосуществовала на этой территории вместе с наиболее восточной группой неандертальцев, установленной по данным анализа митохондриальной ДНК останков ископаемого человека из пещер Окладникова и Чагырской [Krause et al., 2007]. Полученные результаты показывают, что в Евразии в период верхнего плейстоцена вместе с человеком современного физического типа существовало как минимум еще две формы гомининов: западная форма, обозначенная как неандертальцы, и восточная форма, к которой относятся денисовцы.

Новейшие данные, полученные преимущественно при расшифровке уже не митохондриальной, а ядерной ДНК, показали, что до 4% генома современного человека «принадлежит» неандертальцам, что свидетельствует о возможном скрещивании этих двух видов на определенном эволюционном этапе. Что касается денисовцев, то 4–6% их генома несут современные жители южного полушария: коренное население Австралии и островов Меланезии. Нужно отметить, что на протяжении различных периодов плейстоцена уровень мирового океана значительно колебался, и весь этот суперрегион время от времени представлял собой сушу – протоматерики Сунда и Сахул. Поэтому в период приблизительно от 70 до 50 тыс. лет назад были этапы, когда человек мог передвигаться из Азии в южном направлении и заселять эти территории вплоть до Австралии, о чем и свидетельствуют современные генетические данные.

Таким образом, и неандертальцы, и денисовцы получили право войти в число предков современного человека. Эти новейшие открытия позволяют говорить о новой модели антропогенеза в противовес теории моноцентризма, согласно которой единственным очагом становления человека современного физического облика являлась Восточная Африка, откуда потом и произошло его расселение по территории Евразии.

Теория полицентризма о существовании нескольких очагов формирования человека современного физического облика успешно разрабатывается в течение ряда лет академиком А.П. Деревянко и его научной школой в Институте археологии и этнографии СО РАН [Деревянко, 2011]. Развитию этой теории во многом способствовали результаты уникальных многолетних исследований новосибирских археологов на Алтае, куль-

минацией которых и стало открытие денисовца. В этом регионе исследователям удалось зафиксировать картину постепенного и непрерывного развития человеческой культуры за огромный период времени – как минимум, 300 тыс. лет, причем шло оно на местной основе. И, судя по археологическим находкам, отражающим уровень материальной и духовной культуры, денисовцы абсолютно ни в чем не уступали людям современного физического облика, жившим в одно и то же время с ними на других территориях.

В совокупности археологические, антропологические и палеогенетические данные позволили уверенно утверждать, что приблизительно 50–30 тыс. лет назад в северо-западной низкогорной части Алтая, в бассейнах рек Ануй и Чарыш обитали по соседству две разные группы первобытных людей. При этом неандертальцы пришли сюда примерно 50 тыс. лет назад, скорее всего, с территории современного Узбекистана. А корни культуры, носителями которой были денисовцы, прослеживаются в древнейших горизонтах Денисовой пещеры.

Литература

Болиховская Н.С., Шуньков М.В. Палеогеографические особенности развития растительности и климата Северо-Западного Алтая в плейстоцене // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 2 (58). – С. 2–17.

Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. – 232 с.

Деревянко А.П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. – 560 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Шуньков М.В. Сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 1 (53). – С. 89–103.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1 (9). – С. 16–42.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3 (19) – С. 12–40.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Волков П.В. Палеолитический браслет из Денисовой пещеры // Археология, этнография и антропология Евразии. –2008. – № 2 (34). – С. 13–25.

Bolikhovskaya N.S., Derevianko A.P., Shunkov M.V. The fossil palynoflora, geological age, and dimatostratigraphy of the earliest deposits of the Karama site (Early Paleolithic, Altai Mountains) // Paleontological Journal. – 2006. – V. 40. – P. 558–566.

Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Prüfer K., Richards M.P., Hublin J.J., Hänni C., Derevianko A.P., Pääbo S. Neanderthals in Central Asia and Siberia // Nature. – 2007. – Vol. 449. – P. 902–904.

Krause J., Fu Q., Good J., Viola B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Pääbo S. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia // Nature. – 2010. – V. 464. – P. 894–897.

Meyer M., Kircher M., Gansauge M.-T., Li H., Racimo F., Mallick S., Schraiber J.G., Jay F., Prüfer K., de Filippo C., Sudmant P.H., Alkan C., Fu Q., Do R., Rohland N., Tandon A., Siebauer M., Green R.E., Bryc K., Briggs A.W., Stenzel U., Dabney J., Shendure J., Kitzman J., Hammer M.F., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Patterson N., Andrés A.M., Eichler E.E., Slatkin M., Reich D., Kelso J., Pääbo S. A High-Coverage Genome Sequence from an Archaic Denisovan Individual // Science. – 2012. – Vol. 338. – P. 222–226.

M.V. Shunkov

Principal results obtained from prehistory studies in the altai region

To date, multidisciplinary research of deeply stratified Palaeolithic complexes offering an ultimate understanding of prehistory in North and Central Asia is underway. Denisova Cave, the sites of Karama, Ust-Karakol and other archaeological sites, located in the upper reaches of the Anui River valley, revealed deposits yielding large scale palaeontological evidence, alongside abundant artifacts, providing insights into development of the Palaeolithic culture and enabling the reconstruction of the environmental conditions experienced by early humans during various palaeogeographic phases in Pleistocene. In addition, recent anthropological discoveries in the area are related to major issues on the origin and development of anatomically modern humans.

Key words: Altai Mountains, Denisova Cave, Palaeolithic, lithic industry, palaeogeography, palaeogenetics, Denisovan.

УДК 902 (571.56)

Р.И. Бравина

Археологические исследования древних культур Якутии

Статья посвящена обзору результатов работы сектора археологии ИГИиПМНС СО РАН за последние пять лет. Рассматриваются основные итоги полевых работ и комплексных исследований в изучении древних и средневековых культур Якутии.

Ключевые слова: археология, Якутия, сектор археологии, археологические памятники, этногенез и этническая история, взаимовлияние археологических культур, методы датирования, междисциплинарные связи.

Подведение итогов за определенные исторические промежутки стимулирует осмысление пройденного пути и заставляет задуматься о постановке перспектив на будущее. Целенаправленное археологическое изучение Якутии началось в начале XX в. и связано с именем первого якутского ученого-археолога Е.Д. Стрелова. В этот период происходило становление археологических исследований в регионе. Полевыми работами по изучению погребальных памятников якутов в основном занимались краеведы-энтузиасты, среди них И.В. Попов, С.И. Боло, И.Д. Новгородов, А.А. Саввин и др. В 1939 г. с целью организации систематических археологических исследований была сформирована Ленская историко-археологическая экспедиция под руководством А.П. Окладникова, приступившая к крупномасштабным исследованиям древних и средневековых культур Якутии. Основные достижения экспедиции нашли отражение в первом томе фундаментальной работы «История Якутии» (1955 г.). Особенно интенсивно исследования стали проводиться после создания в начале 1960-х гг. лаборатории археологии и постоянно действующей Приленской археологической экспедиции ЯФ СО АН СССР. В ходе многолетних археологических исследований была сформирована широкая источниковая база, что позволило приступить к созданию фундаментальных монографических работ, в которых были показаны основные этапы исторической динамики древних и средневековых культур региона и раскрыты отдельные важные аспекты данной проблематики. В 1990-х гг. В.А. Кашин, к.и.н.; С.И. Эверстов, к.и.н. – сотрудники сектора истории, археологии и этнографии Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН занимались исследованием неолита Индигирки и Колымы [Кашин, 2013].

Нынешний этап можно отсчитывать с 2009 г., когда в Институте гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН вновь создается сектор археологии, заведующим которого стала д.и.н. Р.И. Бравина. В секторе пять научных сотрудников: доктор исторических наук А.Н. Алексеев, кандидаты исторических наук В.Г. Аргунов, В.М. Дьяконов, Е.А. Строгова, лаборанты – В.В. Калинина, Т.Е. Симокайтис, К.Е. Слепцов, В.В. Сыроватский, Е.Н. Николаев, Д.М. Петров.

Основными направлениями деятельности сектора являются комплексное изучение археологических культур древности и средневековья Якутии и сопредельных территорий; исследование проблем этногенеза и этнической истории народов Северо-Востока Азии; реконструкция моделей их традиционных культур, в том числе русских старожилов Севера; экспертные и охранно-спасательные работы по сохранению объектов историко-культурного наследия на территории региона.

В 2010–2015 гг. научно-исследовательская работа ведется по базовым проектам «Этнокультурные процессы в Якутии по материалам археологических памятников каменного века и средневековья» (2010–2012 гг.) и «Взаимодействие археологических культур и этнических общностей Якутии и сопредельных территорий» (2013–2017 гг.), а также по проекту Президиума РАН «Преемственность и трансформация погребального обряда в археологических культурах Якутии (неолит – позднее средневековье)» и междисциплинарному интеграционному проекту СО РАН № 92 «Этногенез автохтонных народов Сибири и Северной Азии: компаративный исторический, этносоциальный и геномный анализ». Основные результаты научных исследований опубликованы в ряде

© *Р.И. Бравина, 2015*

работ сотрудников сектора [Алексеев, 2013; 2015; Алексеев, Дьяконов, 2013; Бравина, 2012а,б; Дьяконов, 2014; Строгова, 2014 и др.].

За рассматриваемый период в рамках научных проектов проведено около 40 археологических экспедиций по всей территории Якутии, а также в Иркутской области и Хабаровском крае. Открыты и исследованы сотни объектов археологии, датируемых в широких пределах – от мезолита до эпохи средневековья: стоянки, поселения, мастерские, писаницы, святилища, погребения, могильники. Начаты работы по комплексным исследованиям их материалов.

В начале XXI в. в археологии появились новые методы датирования, различные химические и физические методы анализа артефактов, костей животных, экофактов, методы палеопатологии болезней, генетики, геоинформационные технологии и т.д. – все это позволяет получить совершенно новые результаты, а иногда пересмотреть устоявшиеся представления. Подобного рода работа в секторе хорошо иллюстрируется, например, на изучении двойного неолитического погребения Вилюйское Шоссе, обнаруженного в г. Якутске. На основе полученных в ИГиМ СО РАН (г. Новосибирск) и Университете штата Аризона (г. Тусон, США) радиоуглеродных дат обосновывается абсолютный возраст этого погребения и предлагается концепция существования трансляции архаичного обряда ярусных антитезных погребений от Прибайкалья (китойская традиция) на верхнюю Лену в Якутию и на Чукотку. Методом АМС было получено две радиоуглеродных даты: 4200 ± 55 л.н. (AA-79324) – по фрагменту черепа ребёнка, 4235 ± 60 л.н. (AA-79325) – по рёбрам женщины. Калиброванный возраст первой даты (± 2 сигма) приурочен к интервалу 2910–2620 гг. до н.э., второй – 3010–2620 гг. до н.э. Обе полученные даты чётко указали на один временной интервал и приурочили погребение Вилюйское Шоссе к середине первой половины III тыс. до н.э., что не дало оснований надёжно соотнести его с определённой археологической культурой, т.к. в указанный период в Якутии сосуществовали белькачинская и ымыяхтахская традиции в стадии смены первой на вторую. Антропологические исследования показали, что сопогребенные женщина и ребенок принадлежали большой монголоидной расе с сочетанием признаков арктической расы в строении мозговой коробки и черт байкальского расового типа в морфологии лицевого отдела. Одонтологические и остеологические особенности индивидуумов (микродонтизм, общая массивность и крупные размеры костяка женщины, значительные широтные размеры эпифизов и диафизов верхних конечностей, усиление роста дистальных сегментов нижних конечностей) позволили допустить также участие европеоидного компонента. По данным последних междисциплинарных исследований (радиоуглеродному датированию, генетическим и антропологическим анализам) погребения Бугачанское, Куллатинское и Покровское I, которые ранее относили либо к бронзовому веку (А.П. Окладников), либо к позднему неолиту (С.А. Федосеева), относятся к раннему железному веку. Генетические исследования Покровского погребения II показывают, что население раннего железного века Якутии имело генетическую близость с кочевниками Центральной Азии, Южной и Средней Сибири (Монголия, Бурятия, Алтае-Саянский регион). В погребальном обряде населения Якутии раннего железного века проявляются элементы, которые в дальнейшем прослеживаются в погребальном обряде культур позднего средневековья (следы огня во внутримогильных камерах, ориентация по течению рек, варианты трупоположения и др.) [Дьяконов, Кузьмин, Ходжинс, 2012].

Значимыми достижениями сектора за последние годы являются выявление и изучение погребений, относящихся к раннеякутской кулунатахской культуре XIV–XVI вв.: Атласовское I, II, Сергеляхское, Балыктах, Кудук, Ат Быран I и IV. В лаборатории антропологии ИПОС СО РАН (г. Тюмень) велись работы по восстановлению облика человека по черепу из Атласовского погребения I, проведены подробные антропологический, палеопатологический, одонтологический анализы. Исследование этого одного из наиболее ранних якутских погребений показывает морфологическое сходство с антропологическим типом современных бурят и монголов. По патологическим изменениям костей и травмам черепа сделана попытка реконструкции образа жизни и смертельного исхода погребенного. В Лаборатории ускорительной масс-спектрометрии Университета Аризоны (г. Тусон, США) по кости Атласовского погребения была получена радиоуглеродная дата 515 ± 45 л.н. (AA-86203). Калиброванный возраст даты (± 2 сигма) – 1310–1450 гг. н.э. [Дьяконов, Степанов, Багашев и др., 2014].

В настоящее время мы располагаем данными радиоуглеродного и дендрохронологического датирования около 20 раннеякутских погребений, сделанных в разных лабораториях страны и за рубежом: Институте мерзлотоведения СО РАН (Якутск), Лаборатории ускорительной масс-спектрометрии Университета Аризоны (г. Тусон, США), Центре изотопных исследований университета Гронингена (Нидерланды) и др. Продолжается сотрудничество со специалистами лаборатории антропологии ИПОС СО РАН (г. Тюмень) и Медико-криминалистического отделения Бюро судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения РС (Я) по проведению антропологических и паталогоанатомических исследований древних останков погребенных. Сотрудники сектора также принимают участие в совместных исследованиях ученых Якутского научного центра комплексных медицинских проблем СО РАН и СВФУ им. М.К. Аммосова с исследователями из Института биохимии и генетики Уфимского научного центра РАН (г. Уфа) и Эстонского биоцентра (г. Тарту) по изучению генетической истории аборигенного населения Якутии, по результатам которых издана коллективная монография (Генетическая история населения Якутии, 2015).

Сектор ведет целенаправленные исследования археологических объектов в северных районах Якутии. На территории Томпонского района открыто поселение Буор Хайа (Хомустаах) I, где были выявлены фрагменты керамики, продолжающие традиции керамического производства автохтонных племен железного века, раннеякутской кулун-атахской культуры XIV–XVI вв. и якутской культуры XVII–XIX вв., железные изделия, отходы кузнечного производства в виде шлаков, кости домашнего скота, диких млекопитающих, птиц и рыб. Палеозоологический анализ остеологического материала был сделан д.б.н. Г.Н. Боескоровым. Материалы поселения свидетельствуют о смешанном скотоводческо-охотничье-рыболовном хозяйстве носителей кулун-атахской культуры XIV–XVI вв. и позволяет выдвинуть предположение о раннем освоении скотоводами-якутами северо-восточных районов Якутии. Интересные материалы представлены в якутских погребениях, раскопанных в Оймяконском и Верхоянском районах. В погребениях Обугэ I и II зафиксированы: железная пальма-батас, фрагменты сложносоставного лука с костяными концевыми вкладышами, характерными кулун-атахской культуре, железные наконечники стрел, железные удила с витыми кольчатыми псалиями и двусоставными звеньями грызла неравной длины, а также украшения в виде парных конских голов, характерные для археологических культур кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. В Верхоянском районе открыты погребения с парным трупоположением в гробу с продольной перегородкой хуннского типа и захоронение с конем [Бравина, 2013].

Таким образом, конкретные археологические материалы показывают, что миграционные потоки из сопредельных с Якутией территорий прослеживаются уже с эпохи каменного века, которые интенсивно продолжаются и в последующие эпохи, проникая в высокие, арктические широты, где, начиная с XVI–XVII вв., помимо самобытных культур охотников и рыболовов, складывается скотоводческий культурно-хозяйственный тип.

В рамках проекта «История Якутии», помимо целенаправленных археологических исследований по поиску и изучению новых памятников с целью привлечения новых источников по ранней этнической культуре народа саха, ведутся работы по атрибуции экспонатов музеев Якутии, Сибири и Дальнего Востока. В ходе этих работ в фондах Тойбохойского краеведческого музея впервые научно обследован уникальный сложносоставной лук, состоящий из 13 роговых и костяных накладок, в том числе из бивня мамонта. В Центре изотопных исследований университета Гронингена (Нидерланды) проф. Й. ван дер Плихтом по фрагменту роговой накладки получена радиоуглеродная дата 195±30 л.н. (GrA-60340), показывающая, что он был, вероятнее всего, изготовлен в 1640–1810 гг. В Вилюйском краеведческом музее им. П.Х. Староватова была атрибутирована свистящая стрела хуннского типа. В Нюрбинском музее дружбы народов им. К.Д. Уткина изучены бронзовый топор-кельт раннетагарского времени красноярско-ангарского типа, бронзовый бубенчик с китайскими иероглифами и китайский халат из якутского погребения XVIII в.. Получена экспертная справка по расшифровке иероглифов, сделанная В.П. Зайцевым, н.с. отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН (СПб.). Артефакты из музейных фондов свидетельствуют о наличии древних исторических связей с регионами сопредельных территорий.

Сектор выполняет также хоздоговорные археологические работы по объектам строительства,

в том числе таким, как «Магистральный газопровод "Якутия – Хабаровск – Владивосток"» (вариант 2), «Обустройство Чаяндинского НГКМ», «Магистральный газопровод "Сила Сибири"» (этап 2), строительство и реконструкция федеральных автодорог «Вилюй» и «Колыма» и др.

Одной из современных тенденций в развитии региональных отраслей науки является интеграция в мировое научное пространство. В этом плане продолжается сотрудничество с французскими исследователями из Университета им. Поля Сабатье и Национального Центра сибирских исследований (г. Тулуза, Франция) в рамках совместной Саха-французской экспедиции по комплексному изучению материалов древних погребений приполярных районов Якутии, что сопровождается совместными международными публикациями [Мир древних предков, 2012; Crubezy E., Alekseev A. et al. 2010 и др.].

Таким образом, сектор археологии Института вошел в новое тысячелетие с неплохими результатами и перспективами на будущее. Современное состояние археологических исследований характеризуется тесной интеграцией с естественными науками, развитием международного сотрудничества и созданием более гибких интерпретаций прошлого. Поскольку территория Якутии огромна, а степень исследованности относительно невелика, по-прежнему важными задачами остается поиск новых памятников различных исторических периодов, проведение стационарных раскопок, систематизация и всесторонний анализ собранного материала, уточнение хронологии, охрана археологического наследия. Дальнейшее развитие междисциплинарных связей и интеграция в российское и мировое археологическое пространство дадут новые импульсы региональной археологической науке и будут способствовать получению новых знаний о древнейших этапах прошлого Якутии.

Литература

Алексеев А.Н. Ранние кочевники в Якутии // Вестник СВФУ им. М.К. Аммосова, 2013. – Т.10. – №5. – С. 62–69.

Алексеев А.Н. О происхождении якутских чоронов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2015. – № 1(10). – С. 55–61.

Алексеев А.Н., Дьяконов В.М. Святилище Джампа – новый памятник древних обитателей Ленской тайги // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: К 70-летию академика А.П. Деревянко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – С. 460–468.

Бравина Р.И. Этнокультурные контакты якутов с народами Приамурья // Дальневосточно-сибирские древности: сборник научных трудов, посвященный 70-летию со дня рождения В.Е. Медведева. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012а. – С. 144–150.

Бравина Р.И. К датировке якутских погребений в свете концепции Г.В. Ксенофонтова // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2012б. – № 1(4). – С. 48–57.

Бравина Р.И. Погребальные памятники якутов Верхоянья (XVII–XVIII вв.) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2013. – № 1. – С. 3–9.

Генетическая история народов Якутии и наследственно-обусловленные болезни / под ред. Федоровой С.А., Хуснутдиновой Э.К. – Новосибирск: Наука, 2015. – 328 с.

Дьяконов В.М. Находка костяного игольника с иглами на неолитической стоянке Владимировка III («Шаман-Гора») в Центральной Якутии: вопросы аналогий и феномен персистентности в культурном развитии // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. – 2014. – №1. – С. 89–96.

Дьяконов В.М., Кузьмин Я.В., Ходжинс Г.В.Л. Погребение Вилюйское Шоссе в Якутске: проблемы определения абсолютного возраста и культурной принадлежности // Известия Лаборатории древних технологий. – 2012. – Вып. 9. – С. 122–128.

Дьяконов В.М., Степанов А.Д., Багашев А.Н., Ражев Д.И., Кузьмин Я.В., Ходжинс Г.В.Л. Атласовское захоронение XIV–XV вв. кулун –атахской культуры в контексте проблем этногенеза якутов // Всадники Северной Азии и рождение этноса: этногенез и этническая история саха. – Новосибирск: Наука, 2014. – С. 233 – 240.

Кашин В.А. Неолит средней Колымы: сборник трудов. – Новосибирск: Наука, 2013. – 224 с.

Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам Саха-французской археологической экспедиции) / Под ред. Э. Крюбези, А. Алексеева. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2012. – 226 с.

Строгова Е.А. Русское население Якутии в XVIII в. Естественное движение, социальный состав, семейный строй. – Саарбрюкен, Германия: Lambert Academic Publisching, 2014. – 149 с.

Alexeev A.N., Dabernat H., Thèves C., Bouakaxe C., Keyser C., Géraut A., Duchesne S., Gérard P., Crubézy E., Ludes B., Nikolaeva D., Mokrousov I., Tuberculosis Epidemiology and Selection in an Autochthonous Siberian Population from the 16th–19th century // PLoS ONE. – 2014. – T. 9. – № 2. – e89877.

Crubezy E., Alekseev A. et al. Human evolution in Siberia: from frozen bodies to ancient DNA // BMC Evolutionary Biology 2010, 10:25 http://www.biomedcentral.com /1471–2148/10/25.

R.I. Bravina

Archaeological researches of the ancient cultures of Yakutia

The article reviews the results of the Archaeological Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, over the last five years and presents the main results of the field works and comprehensive researches in the study of ancient and medieval cultures of Yakutia.

Keywords: archeology, Yakutia, Department of archeology, archaeological sites, mutual influence of archaeological cultures, ethnogenesis and ethnic history, dating methods, interdisciplinary connections.

УДК 902+39(571. 56)

Л.Н. Жукова

Неолитическое погребение Каменка II на средней Колыме (палеоэтнографический анализ)

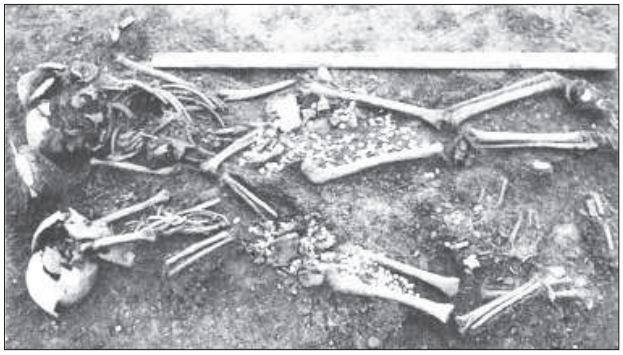
Предпринимается попытка объяснить с точки зрения этнографии и палеоэтнографии отдельные элементы погребального обряда в поздненеолитическом захоронении, обнаруженном и исследованном к.и.н. В.А. Кашиным. Это преднамеренное разрушение черепов погребаемых и символическое значение фрагмента глиняного сосуда, отсутствие тазовых и некоторых других костей в групповом детском грунтовом захоронении свидетельствует о его вскрытии еще в древности.

Ключевые слова: три детских костяка, состояние черепов, ритуал, репродуктивная магия, аборигенные и привнесенные элементы.

В начале XX в. пионер юкагироведения В.И. Иохельсон [2005а, с. 187, примечание № 5; см. также: 2005б, с. 305–321] считал, что в прошлом древние насельники Северо-Востока Азии не хоронили покойников в грунте. «Этот способ погребения (в земле. – *Л. Ж.*) древним обитателям края юкагирам, чукчам и корякам раньше не был известен». В 1930 г. писатель и ученый, к.э.н. Н.И. Спиридонов (Тэки Одулок) [1996, с. 52] писал о своих сородичах – лесных юкагирах следующее: «Предавать покойника земле – большой грех и мучение для покойника и его живых сородичей. Последний способ, однако, под влиянием христианства стал отчасти также распространяться». Эти исследователи характеризовали древние дохристианские могилы юкагиров как наземные и воздушные.

Территорией традиционного проживания юкагиров (юк. *одул*) и их предков считаются пространства к востоку от нижнего течения р. Лены, в том числе Колымский регион. В 1980–1990-х гг. на нижней и средней Колыме археологами были обнаружены и исследованы несколько грунтовых могил, принадлежавших периоду неолита [Кистенев, 1980; 1992; Кашин, 1993; Кашин, Калинина, 1997; Кашин, 2001; 2013, с. 21–23, 140–141]. Палеоэтнографический анализ некоторых погребений показал присутствие культурных элементов, привнесенных из Байкальского региона и Приморья [Жукова, 2015а].

В среднем течении р. Колымы ымыяхтахскую кратковременную стоянку Каменка II с грунтовой могилой открыл и исследовал к.и.н. В.А. Кашин в 1997 г. В могиле (см. фото) обнаружены останки трех человек. «Погребение находилось



Каменка II. Поздненеолитическое захоронение детей [Кашин, 2013]

© *Л.Н. Жукова, 2015*

под дерном, в культуросодержащем коричневом суглинке. Контуры могильной ямы ни в плане, ни в разрезе не прослеживались, хотя о ее устройстве свидетельствовало положение антропологических останков в кровле бежевого суглинка» [Кашин, 2001, с. 78]. В северной части могилы костяки лежали непосредственно на скальном основании террасы. Глубина могильной ямы 18–20 см., глубина от современной поверхности 24–27 см.

У двух скелетов (длина 1,2 м и 1 м) черепа раздавлены, между ними в области берцовых костей находился третий, малый скелет, плохо сохранившийся. «Размеры черепов, костей, зубов и в целом скелетов, – пишет В.А. Кашин, – уже в ходе раскопок не оставляли сомнений в том, что это детское погребение» [Там же]. Позже со ссылкой на определения Е.Г. Шпаковой В.А. Кашин [2013, с. 140] писал: «Антропологические исследования показали, что погребенными были генетически родственные мальчик 8–9 лет, девочка 6–7 лет и новорожденная девочка. Выявленное у детей своеобразное сочетание краниологических и одонтологических признаков связывается с метисационными процессами, происходившими в среде представителей арктических и североазиатских монголоидов».

Некоторое недоумение вызывает примененная методика для исследования черепов. Антрополог Е.Г. Шпакова [2001, с. 141]пишет: «Для проведения дальнейшего сравнения с имеющимися в научной литературе краниологическими параметрами древнего населения Восточной Сибири метрические данные детских черепов из Якутии были видоизменены до «взрослых» размеров. Для этого была использована методика Н.С. Сысака…, [что позволило] определить предположительные параметры черепов из Каменка II, которые они приобрели бы после окончания роста… Учитывая несомненную условность подобного приема, необходимо все же отметить его значительно большую объективность по сравнению с визуальной оценкой морфологических особенностей детских черепов».

Возникает вопрос, насколько примененный метод учитывает физические особенности древних арктических аборигенов Северной Азии. В конце XIX – начале XX в. на основе антропометрических замеров В.И. Иохельсон [2005б, с. 59] считал юкагиров «самым низкорослым народом Северо-Восточной Сибири», средний рост мужчин – 1560 мм, женщин – 1470 мм. К концу XIX в. колымские юкагиры уже были смешанным народом, в особенности, с тунгусами. Этот фактор мог оказать влияние на антропометрические характеристики народа в сторону их увеличения. К тому же из-за архаических способов захоронений (воздушные и наземные) наука едва ли располагает древними костными останками аборигенного населения Якутии.

Палеоэтнографический анализ коллективного поздненеолитического захоронения Каменка II с привлечением этнографических материалов, в особенности юкагирских, позволил выявить в обряде захоронения детей некоторые специфические черты.

Исследователи обратили внимание на состояние черепов, несущих следы прижизненных и посмертных ударов. Это касается черепов двух старших детей, поскольку от костяка новорожденной девочки «сохранились лишь мелкие фрагменты» [Шпакова, 2001, с. 141]. Причиной смерти старшей девочки мог быть сильный удар: «после ранения в левую височную область ребенок мог прожить, по крайней мере, в течение нескольких дней» [Там же, с. 143]. В отношении черепов мальчика и девочки выявлен ритуал преднамеренного посмертного деформирования путем нанесения ударов тупым предметом. «Оба черепа характеризуются однотипными повреждениями основания, свода и лицевого отдела… Наличие подобных травм могло быть обусловлено определенным набором ритуальных действий» [Там же, с. 141, 144][*].

Предположение о ритуальном деформировании подтверждает женское Родинкское захоронение на нижней Колыме: при относительно хорошей сохранности всего костяка череп женщины разрушен. Родинкское захоронение не несет следов позднего вскрытия с какими-либо целями: ограбления инвентаря, нанесения вреда останкам врага и проч. [Кистенев, 1980]. С.А. Федосеева [1988, с. 90] проанализировала археологические

[*] У чукчей в конце XIX в. существовало разделение умерших по тому, какой смертью умер человек. По одним представлениям, северное сияние – «местообитание мертвецов, которые умерли внезапной, преимущественно насильственной смертью». Согласно другим данным, под северным сиянием, в царстве Тьмы, неподалеку от Луны, «живут» убитые дубинами [Богораз, 1939, с. 44].

материалы о причинах разграбления могил еще в древности. Выясняется, что иногда «разоряли захоронения не с целью грабежа ценных бронзовых, золотых и нефритовых вещей: последние оставались нетронутыми. Раскапывали могилы, разбивали черепа и разрушали останки верхних частей туловища с намерением нанести непоправимый вред врагу». В данном случае череп женщины был преднамеренно разрушен, по-видимому, при ее захоронении.

Вопрос в том, почему неолитические жители р. Колымы преднамеренно разрушали черепа погребаемых в землю (родственников?). Возможно, для того, чтобы высвободить из физического тела его духовную субстанцию – дух/душу. Вместилищем этой субстанции, скорее всего, представлялась голова человека. У многих народов мира считалось, что «голова имеет органы ориентации и управления, благодаря которым человек ориентируется в пространстве и находит свою дорогу вопреки возможным трудностям» [Жюльен, 1999, с. 467].

Приведем ситуативно-сходные этнографические параллели по северным народам. Когда умирал верхнеколымский юкагир (женщина или мужчина) присутствующий вкладывал ему в рот щепку/ложку для того, чтобы разжать зубы и «выпустить дух» (ПМА; сообщение В.И. Шадрина*).

То же зафиксировано у северных манси: вставляли в рот умирающему палочку, чтобы он не стискивал зубы, иначе душа «не сможет выйти» [Семейная обрядность…, 1980, с. 127]. Не исключено, что с целью «освобождения» души осуществлялся древний ритуал разрушения черепа покойника при погребении. Впоследствии ритуал мог быть заменен на менее жесткий – разжимание зубов умирающего. К этим же обрядовым действиям могут быть отнесены следующие, выявленные исследователями. Тундровые юкагиры при изготовлении крышки гроба на уровне носа и ушей делают три отверстия, чтобы через них вылетел дух умершего [Атласова, 2000, с. 39]**. Лесные юкагиры просверливают на крышке четыре отверстия [Юкагиры, 1975, с. 50]. Селькупы на правой стенке гроба сверлили небольшое отверстие. «Это делалось на тот случай, если шаману потребуется общаться с душой умершего, чтобы душа могла входить и выходить» [Семейная обрядность…, 1980, с. 155–156]. Ханты и манси считали, что на гробе не должно быть отверстий. «Когда умерший лежал в доме, делали его изображение – вместилище его души… Это изображение хранили на любимом месте умершего, «кормили» его, укладывали спать. По истечении срока траура изображение сжигали или бросали в могилу» [Там же, с. 142]. Подобные изменения можно объяснить естественной трансформацией обряда на протяжении значительного времени.

В случае, если не был осуществлен ритуал с высвобождением тени/души (несчастный случай, эпидемии, голодовки), последняя могла мыслиться, как продолжающая находиться в мертвом теле, точнее в его голове. Тогда тело и душа погибшего по сложившейся еще в древности системе двоичных оппозиций (живой – мертвый, хороший – плохой, горячий – холодный) и в соответствии с семантическим рядом мертвый – плохой – холодный приобретали отрицательную коннотацию. Подобные представления могли быть источниками суеверий о привидениях.

Предполагается, что тень/душа «правильно» захороненного человека реинкарнирует в нового члена родового коллектива, в новорожденного. В прошлом вера в реинкарнационное переселение души была известна многим народам, она ныне существует у юкагиров [Винокурова, Шадрин, 2006; Жукова, 2012, с. 215–216; Иохельсон, 2005б, с. 233; Прокопьева, 2011]. Становятся понятными слова родителей юкагирской девушки, согласившихся на присоединение к своей семье избранника-жениха: он «…наши кости хорошо положить сумеет (похоронит)» [Иохельсон, 2005а, № 102]. В них выражена надежда на «правильное» исполнение похоронного обряда, что обеспечит в будущем перерождение теней/душ старых людей.

Такое объяснение причин преднамеренного разрушения черепов в неолитических грунтовых могилах находит подтверждение в наличии среди сопровождающих предметов символов репродуктивной магии. Здесь обнаруживается еще одна особенность захоронения детей.

---

* В.И. Шадрин – представитель лесных юкагиров, научный сотрудник сектора арктических исследований ИГИиПМНС СО РАН.

** Со слов автора, к.ф.н. Э.С. Атласовой, в статье допущена неточность: в ней названо всего одно отверстие. – *Л.Ж.*

В детском коллективном погребении нет глиняных сосудов или их фрагментов, положенных с утилитарной целью. Единственный небольшой фрагмент вафельной ымыяхтахской керамики лежал на лобной кости разрушенного черепа мальчика. Эта находка подтверждает семантическую соотнесенность головы человека и глиняного сосуда, в данном случае представленного символически его обломком. Полагаем, что сосуд семантизирует женское начало и имеет отношение к реинкарнационному циклу тени/души умершего, т.е. находка подтверждает гипотезу о сакральной значимости керамики в погребальной обрядности [Жукова, 2012, с. 319–325]. Таким способом отмечена важность возвращения тени/души будущего мужчины – воина и промысловика. Либо символ реинкарнации мог иметь особую магическую силу, распространявшуюся на всех погребенных. Отсутствие обломка керамики на черепе девочки показывает особую связь женщины/девочки с глиняным горшком, которую не требуется дополнительно манифестировать.

Не исключено, что фрагмент сосуда попал в погребение позже – по ряду признаков погребение было вскрыто еще в древности спустя несколько лет после захоронения. Свидетельствует об этом то, что у обоих костяков тазовые кости представлены небольшими фрагментами (pars pro tote), что могло быть результатом изъятия крупных тазовых костей мальчика и девочки. Исследовавший памятник В.А. Кашин [2001, с. 79] писал, что эти кости вместе с костями кистей рук и стоп не сохранились.

В отличие от схематического рисунка [Там же], качественное фото [Кашин, 2013, рис. 116] показывает, что анатомическое положение костяка девочки нарушено, в особенности это явствует из положения берцовых костей – они близко сдвинуты. Сверху от пояса и до колен костяк усыпан украшениями – перламутровыми колечками из створок пресноводных ракушек. Берцовые кости костяка мальчика сохраняют анатомическое положение, пространство между ними вниз от пояса засыпано такими же украшениями. Перламутровые колечки, должно быть, принесены в качестве дара/жертвоприношения взамен изъятых костей. Судя по фотографии, площадь распространения колечек не выходит за пределы берцовых костей, т.е. они не представляли украшений одежды, как предположил В.А. Кашин. Возможно, часть колечек была нанизана на сухожильные нити. Принесение украшений в качестве дара/жертвоприношения известно юкагирам. «Основную часть подношений (божествам, духам местности, предкам и проч. – *Л. Ж.*) составляют материалы, из которых делают украшения», в их числе названы лоскутки ткани, кусочки одежды, сухожильные нитки, конский волос, олений мех, монеты [Иохельсон, 2005б, с. 300].

Если наше предположение об изъятии крупных костей таза у двух костяков верно (т.е. они не были разрушены по естественным причинам), то правомерен вопрос, с какой целью они были взяты. Обратимся вновь к материалам этнографии.

В прошлом многие народы каждой части тела человека приписывали определенную символическую силу и значение. На приобретении этой силы основан ритуальный каннибализм. «Широко распространен обычай ритуального съедения бога в образе его представителей (человека или животного) или в виде хлеба, выпеченного в форме человека или животного… Употребляя тело человека или животного в пищу, – писал Д.Д. Фрэзер [1984, с. 463], – [дикарь] пребывает в уверенности, что приобретает не только его физические, но нравственные и интеллектуальные качества. Что же касается бога, то вместе с его телом первобытный человек по простоте душевной рассчитывал проглотить часть его божественной субстанции». Когда воинам горных племен Юго-Восточной Африки (XIX в.) «удается убить врага, отличавшегося храбростью, они из его тела вырезают и сжигают печень (местопребывание мужества), уши (вместилище ума), кожу со лба (вместилище стойкости), тестикулы (вместилище силы), а также члены, которые считаются вместилищем других добродетелей. Пепел тщательно хранят в бычьем роге, и племенной жрец, смешав его с другими ингредиентами, дает его юношам во время обряда обрезания». Это делается для того, чтобы «вдохнуть в новичков мужество, ум и другие положительные качества» [Там же, с. 466].

Пример ритуального каннибализма находим в фольклоре лесных юкагиров. Употребление в пищу фрагмента тела предка не рассматривается одульской сказкой как противоправное действие и не влечет за собой гибель персонажа, в то время как в сказках постоянно звучит тема запрета на поедание родственника, независимо от голода, по незнанию и проч., за нарушение запрета неминуемо следовала смерть [Иохельсон, 2005а, № 23].

В сказке юноша сварил в котле кусок отвалившейся кожи с живота старухи-предка. Во время варки кожа стала лосиным жиром, который юноша съел. Тогда старуха-предок-лосиха превратилась в девушку-невесту. Знание обрядового поведения (варка в котле и употребление ритуальной пищи) в отношении мифологического предка по женской линии открыло герою перспективу достижения поставленной цели. Сюжетная линия построена на поиске невесты и продолжении рода. Этот сказочный эпизод, считаем, имеет отношение к культу предка-лося, культу женщины и культу плодородия. В действиях главного персонажа можно видеть следы древнего ритуального каннибализма, как акта посвящения: испробовав ритуальной пищи, человек приобщился к миру благодательных сил – родовых покровителей [Жукова, 2012, с. 45–51]. Особо отметим значимость котла в метаморфозах персонажей.

У юкагиров свое значение имели сердце, печень, особо почиталась голова предка, из которой изготовляли родовую святыню. Еще в конце XIX–начале XX в. тела умерших шаманов или уважаемых людей, расчленив, сушили; делили между членами рода кости и мягкие ткани, свой пай каждый хранил и использовал в качестве амулета-охранителя и помощника [Иохельсон, 2005а, № 37; 2005б, с. 70, 238–239, 430]. По этому поводу Тэки Одулок (Н.И. Спиридонов) [1987, с. 218] писал следующее: «… костями он (предок. – *Л. Ж.*) постоянно связан со своими родичами. Его конечности и весь он простирается на все пространство, на котором находится каждый из его сородичей, обладающий какой-либо частью скелета». Далее автор описывает обращение к черепу предка в целях магической защиты от назойливого якутского купца: «…наш большак укрепил у входа в юрту купца с наружной стороны череп нашего предка и попросил его прогнать этого жадного человека. Так и вышло…» [Там же, с. 219].

Есть основание полагать, что из Каменского захоронения кости были изъяты с определенной магической целью. Тазовая часть тела человека имеет отношение к деторождению и биологическому воспроизводству (ср. со сказочным эпизодом о значимости кожи с живота старухи-предка). Отсутствие тазовых костей разнополых детей может указывать на изъятие их с целью использования в обрядах репродуктивной магии. Для косвенных параллелей вновь обратимся к юкагирским материалам.

«К талисманам любви относятся: пара лягушек, накрытых во время полового совокупления. Их берут, связывают в позе и высушивают» [Спиридонов, 1996, с. 52]. Во многих традициях лягушка является символом плодородия, производительной силы, возрождения и женщины [Топоров, 1982]. Высушенная в определенной позе пара земноводных и изъятые тазовые кости двух разнополых детей могли являться атрибутами специфических обрядов. Н.И. Спиридонов [1996, с. 52] писал, что талисманы любви «нужно хранить в укромном местечке в строжайшей тайне. В противном случае их сила улетучивается, т.е. они теряют магическую силу своего назначения». На наш взгляд, просматривается смысловое тождество разных вещественных атрибутов любовной магии, документированных для разных хронологических эпох и разделенных многими тысячелетиями (поздний неолит – начало XX в.).

В условиях древнего матрилинейного рода практическая магия преимущественно обслуживалась женщинами, на этом основании полагаем, что одна или несколько женщин могли иметь отношение к вскрытию захоронения с целью приобретения магических предметов и принесения жертвоприношений бусами-украшениями. Неизвестно, было ли что-то еще изъято из погребения (например, фаланги пальцев) или наоборот, положено. Не исключено, что тогда же на череп мальчика был положен фрагмент глиняного сосуда.

К другим атрибутам первобытной магии в захоронении Каменка II относятся следующие предметы. «Особо примечательны находки трех разных по размеру (согласно количеству и физико-возрастным данным усопших) зубов снежного барана и двух симметрично обломанных и сошлифованных по дистальным отделам половинок нижней челюсти жвачного животного. Само их присутствие в погребении и положение в изголовье указывает на то, что они имели некое сакральное значение и играли важную роль в наборе ритуальных действий» [Кашин, 2013, с. 140]. Примечательно, что названы зубы снежного барана и половинки нижней челюсти жвачного животного, т.е. представлены травоядные, а не хищники. Особое отношение к нижней челюсти старика-людоеда отмечено в сказочном фольклоре одулов: с помощью этой дугообразной кости людоед возвращает сбежавших от него детей [Иохельсон, 2005а, № 19]; по нижней челюсти зайца юкагиры гадали.

Кроме украшений и предметов магии в погребении найдены орудия. Трем костякам детей соответствуют три колюще-режущих предмета. Между черепами мальчика и девочки одно на другом лежали шило из метаподии лося длиной около 12 см и тщательно обработанный со всех сторон нож из халцедона. Возле останков новорожденной девочки слева внизу находился миниатюрный ножичек из кремня. Каменные ножи являлись необходимыми предметами домашнего обихода и находились слева от костяков девочек, костяное шило – справа от мальчика (местонахождение предметов согласуется с древней системой парных классификаторов: женское – левое, мужское – правое). По определению В.А. Кашина, ножи тяготеют к североазиатским памятникам (нижняя Индигирка, нижняя Колыма, Чукотка). Шило близко по форме нижнеиндигирскому изделию из поздненеолитической стоянки Бурулгино [Кашин, 2001, с. 81], в культурных слоях и сборах которой представлена серия костяных остроконечников разных форм и величин [Федосеева, 1980б, рис. 85, 86, 93]. Шило, по-видимому, является оружием ближнего боя, костяным кинжалом. Как варианты костяного шила-кинжала можно рассматривать каменные остроконечники длиной более 10 см, они также обнаружены на средней Колыме [Кашин, 2013, рис. 85, *4*; 86, *1*].

На территории Якутии костяные шилья находят на древних стоянках и в захоронениях. В сопроводительном инвентаре женского Родинкского захоронения имеются несколько таких изделий [Кистенев, 1980, табл. 4, рис. 1, 6, 8; табл. 6, рис. 4]. С.П. Кистенев [1992, с. 78] сравнивает их с проколками и шильями из костей лося/оленя погребений Большого Оленьего острова на Кольском полуострове. Исследователь приводит рисунки двух оленеостровских костяных кинжалов, рукояти которых украшены резными орнаментами [Там же, табл. 4, рис. 4, 5] и сопоставляет их с каменным (из роговика) кинжалом Родинкского захоронения [Кистенев, 1980, табл. 5, рис. 9]. Можно предположить, что найденные на нижней и средней Колыме, нижней Индигирке отдельные поздненеолитические костяные шилья и каменные кинжалы относятся к одному ряду оружия ближнего боя.

Костяной остроконечник (кинжал-шило) обнаружен в IV средненеолитическом слое стоянки Таланда II на среднем Вилюе [Федосеева, 1980а, табл. 3, рис. 8]. На нижней Лене в Бугачанском поздненеолитическом погребении найдены два плоских костяных кинжала длиной до 15 см. У одного рукоять и прилегающая к ней часть лезвия украшены резным орнаментом, у другого на конце рукояти имеется сквозное отверстие [Федосеева, 1980б, с. 59, рис. 44, *10, 11*]. Последнее изделие на одной из широких боковых плоскостей имеет характерный желобок вдоль спинки и относится к праформам поздних «якутских/юкагирских» ножей из металла [Жукова, 2013]. Рукоять такого костяного кинжала могли усиливать двумя деревянными накладками, соединив их крупной шпонкой и обмотав сверху шнуром*.

Таким образом, в позднем неолите Якутии костяные орудия ближнего боя представлены разными формами: от простейших (шило из метаподии лося) до орнаментированных кинжалов. Длина изделий колеблется от 7 до 15 см. К этой же группе личного оружия принадлежат вкладышевые кинжалы с основой из кости или дерева, а также тщательно обработанные каменные остроконечники. В рассматриваемом захоронении на стоянке Каменка II найдено архаическое и простейшее оружие этой группы – шило из метаподии.

Анализ погребения детей на ымыяхтахской стоянке Каменка II показал, что оно оставлено населением со смешанными антропологическими и культурными элементами. Исследование черепов привело Е.Г. Шпакову [2001, с. 145] к заключению: «Сложная морфологическая комбинация краниологических особенностей двух неолитических черепов из Северной Якутии вобрала в себя признаки, присущие представителям как арктических, так и североазиатских монголоидов. В генезисе представленной группы, скорее всего, могли принимать участие более южные группы неолитического забайкальского населения – носители признаков байкальского типа и представители арктической расы из северо-восточных областей ее распространения».

* В коллекции Бурятского научного центра имеются медно-бронзовые и бронзовые ножи [Симухин, 2013], прототипами которых были, скорее всего, костяные орудия ближнего боя. Ножи из металла сходны с бугачанскими костяными кинжалами: они имеют сквозные отверстия на конце рукояти, клиновидные или желобчатые сечения и копируют шилья из метаподии.

Выводы антрополога подкрепляют результаты палеоэтнографического анализа. О северных автохтонных элементах в погребальном инвентаре свидетельствуют каменные ножи и простейшей формы костяной кинжал-шило. К этим же северным элементам, по нашему мнению, предварительно следует отнести ритуал разрушения черепов погребаемых. Этот древний ритуал и наземно-воздушные способы захоронения оставляют археологам мало шансов найти целые черепа праюкагиров. Вскрытие могил в древности известно повсеместно, но изъятие отдельных костей скелета с магическими целями, полагаем, является архаической особенностью колымских погребений.

Также повсеместно глиняные сосуды имели магическую составляющую. Однако у юкагиров эта составляющая возобладала настолько, что использование глины оказалось вовсе под запретом. Этим можно объяснить отсутствие у них изделий из глины в историческое время, в том числе посуды. Для данного погребения на стоянке Каменка II не ясно, является ли отсутствие утилитарных керамических сосудов явлением аборигенной традиции.

Влиянием на местные ымыяхтахские племена пришлой южной группы населения, возможно из Байкальского региона, надо считать способ захоронения в грунтовой могиле. Как привнесенный, грунтовый способ захоронения умерших не закрепился в силу разных причин, в особенности, мировоззренческих и природно-климатических. Юкагирские традиционные древние наземные и воздушные могилы просуществовали на Колыме вплоть до начала XX в.

В поздненеолитических ымыяхтахцах большинство ученых видят возможных предков юкагиров. «Можно предположить, что ымыяхтахцы сыграли немаловажную роль в сложении северовосточных палеоазиатов. Не исключено, что какая-то часть ымыяхтахцев, ассимилированная новыми пришельцами, могла принять участие и в этногенезе юкагиров» [Федосеева, 1980б, с. 215]. В свете этого предположения привлечение для сравнительно-исторических сопоставлений юкагирских этнографических материалов имеет веское обоснование.

Таким образом, палеоэтнографические изыскания подтверждают предположение ученых о том, что колымские юкагиры представляют результат длительного смешения базового арктического и пришлого южного компонентов. Выявлены, например, следы влияния древнекитайских мифов на фольклор лесных юкагиров [Жукова, 2015б].

Элементы культуры аборигенного населения Якутии (носители арктического антропологического типа) дольше всего сохранялись в высоких северных широтах. Исследователи предложили выделить зону Арктики и Субарктики на востоке Азии в неолитическое время в особую культурную область [Алексеев, 1999]. Для продолжения работ в этом направлении требуются дальнейшие сравнительные палеоэтнографические исследования археологических памятников Северо-Востока Азии, Центральной Якутии и сопредельных территорий.

Сокращения

ПМА – полевые материалы автора

Литература

Алексеев А.Н. «Северный» локальный вариант ымыяхтахской культуры позднего неолита // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. – Новосибирск: Наука, 1999. – С. 22 –26.

Атласова Э.С. Современный погребальный обряд у нижнеколымских юкагиров // Традиции и обычаи у народов России. – Т. 1. – СПб., 2000. – С. 38–40.

Богораз-Тан В.Г. Чукчи. – Т. 2: Религия. – Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. – 195 с.

Винокурова Л.И., Шадрин В.И. Лесные юкагиры Якутии: Состояние этнической культуры // Межэтнические взаимодействия и социокультурная адаптация народов Севера России. – М.: Стратегия, 2006. – С. 75–95.

Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре. – Ч. 2: Мифологическая модель мира. – Новосибирск: Наука, 2012. – 360 с.

Жукова Л.Н. Феномен «якутского» ножа // Очерки по юкагирской культуре. – Ч. 3: (Из ранее опубликованного). – Якутск: Бичик, 2013. – С.71–79.

Жукова Л.Н. Древние грунтовые погребения р. Колымы (палеоэтнографический анализ) // Homo Eurasicus в системах социальных коммуникаций: (Материалы VI Всероссийской науч.-практ. конференции. СПб., 26 окт. 2015). – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015а. – С. 317–342.

Жукова Л.Н. Юкагирско-китайские фольклорные параллели // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015б. – № 7. – С. 72–76.

Жюльен Н. Словарь символов: (Иллюстрированный справочник). – Челябинск: Изд-во Урал LTD, 1999. – 498 с.

Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. – Якутск: Бичик, 2005а. – 270 с.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / Пер. с англ. В.Х. Иванова и З.И. Ивановой-Унаровой. – Новосибирск: Наука, 2005б. – 675 с.

Кашин В.А. Погребальный обряд в неолите Колымы // Языки, культура и будущее народов Арктики. – Якутск, 1993. – Ч. 2. – С. 94.

Кашин В.А. Неолитическое захоронение детей на средней Колыме // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 2. – С. 78–81.

Кашин В.А. Неолит средней Колымы (сборник трудов). – Новосибирск: Наука, 2013. – 224 с.

Кашин В.А., Калинина В.В. Помазкинский археологический комплекс как часть циркумполярной культуры. – Якутск: Северовед, 1997. – 109 с.

Кистенев С.П. Новые археологические памятники бассейна Колымы // Новое в археологии Якутии. – Якутск: Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1980. – С. 74–87.

Кистенев С.П. Родинкское неолитическое захоронение и его значение для реконструкции художественных и эстетических возможностей человека в экстремальных условиях Крайнего Севера // Археологические исследования в Якутии. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 68–83.

Прокопьева П.Е. Узнавание души новорожденного в культурной традиции лесных юкагиров // Праздники и обряды как феномен этнической культуры: материалы X Санкт-Петербургских этнографических чтений. – СПБ.: ИПЦ СПГУТД, 2011. – С. 219–221.

Семейная обрядность народов Сибири: (Опыт сравнительного изучения). – М.: Наука, 1980. – 240 с.

Симухин А.И. Коллекция бронзовых ножей музея Бурятского научного центра СО РАН (II–I тыс. до н.э.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Ч. 2. – Чита: Изд-во ЗабГУ, 2013. – С. 277–286.

Спиридонов Н.И. (Тэки Одулок). Одулы (юкагиры) Колымского округа // Советский Север. – 1930. – № 9–10. – С. 166–214. *То же*. – Изд. 2-е. – Якутск: Северовед, 1996. – 80 с.

Топоров В.Н. Лягушка // Мифы народов мира. – Т. 2. – М.: Советская энциклопедия, 1982. – С. 84–85.

Тэки Одулок (Спиридонов Н.И.). На Крайнем Севере. – Якутск, Кн. изд-во, 1987. – С. 96–236.

Федосеева С.А. Археологические памятники среднего Вилюя // Новое в археологии Якутии. – Якутск: Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1980а. – С. 46–54.

Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980б. – 224 с.

Федосеева С.А. Диринг-Юряхский могильник: (Ограбление могил и проблема зарождения первобытного атеизма) // Археология Якутии. – Якутск, Изд-во Якут. ун-та, 1988. – С. 79–98.

Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. – М.: Политиздат, 1984. – 703 с.

Шпакова Е.Г. Антропологическая характеристика детского погребения позднеолитического времени со стоянки Каменка II // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 2. – С. 140–152.

Юкагиры. Историко-этнографический очерк / Под ред. А.П. Окладникова. – М.: Наука, 1975. – 244 с.

L.N. Zhukova

Neolithic burial Kamenka II in the Middle Kolyma (paleoethnographic analysis)

An attempt is made to explain from the point of view of ethnography and paleo-ethnography individual elements of burial ritual in the Late Neolithic burial site, discovered and studied PhD in History V.A. Kashin. It is the deliberate destruction of skulls the buried and symbolic meaning of a fragment of a clay vessel, the lack of pelvic bones and some other group of children in a soil burial shows its opened in ancient times.

Keywords: three children's bones, the condition of the skulls, ritual, reproductive magic, indigenous and introduced elements.

УДК 902 (571.56)"13/16"

Р.И. Бравина, В.М. Дьяконов

Раннеякутские средневековые погребения XIV–XVII вв.: совокупность отличительных признаков

В статье обобщен материал, полученный в результате изучения раннеякутских погребений XIV–XVII вв. Выделяются их основные признаки, в том числе отличия в погребальных конструкциях, варианты трупоположения, состав сопроводительного инвентаря и т.д. Впервые приводится сводная таблица возраста средневековых якутских погребений, полученного радиоуглеродным и дендрохронологическим методами датирования.

Ключевые слова: археология, якуты, кулун-атахская культура, погребения, радиоуглеродное датирование, элементный состав погребений, отличительные признаки.

Раннеякутская кулун-атахская культура, датируемая XIV–XVI вв. изучена в основном по материалам поселений [Гоголев, 1990, 1993]. Погребения, чётко датируемые временем ранее XVII в., единичны, и выделение их было до последнего времени достаточно проблематичным и условным. Исходя из мнения, что грунтовые погребения распространились у якутов после прихода русских, большинство исследователей склонны были датировать их временем не ранее XVII в. [Константинов, 1971, с. 22–23]). Трудность выделения якутских погребений этого периода в первую очередь связана была с отсутствием радиоуглеродных и дендрохронологических датировок погребений. В настоящее время ситуация несколько изменилась в связи с новыми открытиями, а также с применением междисциплинарных исследований и современных методов датирования, в результате чего стало возможным выделить ряд раннеякутских погребений, относящихся к периоду XIV–XVII вв. включительно. Для обзора и анализа их совокупных признаков нами отобраны погребения, материалы которых в той или иной мере введены в научный оборот [Гоголев 1990; Mission archeologique..., 2005, 2008; Прокопьева 2006; Crubezy, Alexeev, 2007; Бравина, Попов, 2008; Николаева, 2008; Попов, Николаев, 2008; Мир древних якутов, 2012; Дьяконов и др., 2014] (таблица).

Датировки раннеякутских погребений

№ п/п	Погребение	Материал	Индекс даты	Дата л. н. (от 1950 г.)	Калиброванная дата, в гг. н.э.	Источник
1	2	3	4	5	6	7
1	Сергеляхское	Кость	MPI-28	640±	1220–1440	Радиоуглеродная лаборатория ИМЗ СО РАН
		Кость	GrA-60345	390±	1440–1640	
2	Атласовское I	Кость	AA-86203	515±	1300–1460	Дьяконов и др., 2014
3	Кёрдюген (Усун Эбэ)	Кость	Beta Analytic-193452	450±	1420–1470	Crubezy, Alexeev, 2007, p. 51; Мир древних якутов, 2012, с. 66, 67.
4	Кудук	Кость	MPI-58	320±	1440–1670	Радиоуглеродная лаборатория ИМЗ СО РАН
5	Атласовское II	Древесина	MPI-60	270±	1480–1680	Радиоуглеродная лаборатория ИМЗ СО РАН
		Кость	MPI-61	245±	1480–1700	

© Р.И. Бравина, В.М. Дьяконов, 2015

Окончание

1	2	3	4	5	6	7
6	Ат-Дабан III	Кость	СОАН-7015	535±	1280–1490	Попов, Николаев, 2008, с. 205
7	Балыктах	Кость	Beta Analytic-193453	450±	1420–1470	Мир древних якутов, 2012 с. 66, 67.
8	*Буогарыма I*[1]				*1420–1470*	*Crubezy, Alexeev, 2007, p. 51*
9	*Улахан Алас*				*1420–1470*	*Crubezy, Alexeev, 2007, p. 51*
10	*Бютэйдэх*				*1420–1470*	*Crubezy, Alexeev, 2007, p. 51*
11	*Орто Ары*				*1420–1470*	*Crubezy, Alexeev, 2007, p. 51*
12	Ожулун (Дьёсулен)	Кость	Beta Analytic-198198	340±	1440–1660	Мир древних якутов, 2012, с. 66, 67.
13	*Нэлэгэр*				*1440–1660*	*Crubezy, Alexeev, 2007, p. 51*
14	*Тит Баппыт*				*1440–1660*	*Crubezy, Alexeev, 2007, p. 51*
15	Ойогос Тумула	Кость	Beta Analytic-	265±	1510–1670	Мир древних якутов, 2012, с. 66, 67, 69.
16	*Таралай*	*Дерево*			*1689*	*Мир древних якутов, 2012, с. 66.*
17	Уорай (Суопай Осуорай)	Кость	Beta Analytic-193454	210±	1640–1690	Мир древних якутов, 2012, с. 66, 69

[1] Курсивом выделены даты требующие уточнения.

Нижние даты калиброванного календарного возраста археологических образцов 14 из 19 погребений (Сергеляхское, Ат-Дабаан 3, Атласовское I, Усун Эбэ (Кёрдюген), Балыктах, Ожулун (Дьёсулен), Кудук (Улаах-Ан), Буогарыма I, Улахан-Алас, Бютэйдэх, Орто-Арыы, Нелегер, Тиит-Баппыт, Ойогос Тумула) укладываются в рамках XIII–XVI вв., 5 погребений (Атласовское II, Таралай, Уорай (Суопай Осуорай), Тымпы и Урун Мыран II) отнесены к XVII в. Эти погребения условно делятся на две группы: раннеякутские, относящиеся к кулун-атахской культуре, и переходные, предшествовавшие традиционной культуре якутов XVIII – начала XX в.

Для погребений XVIII – начала XX в. характерно размещение могил на мысах или краях преимущественно высоких террас озёр или рек с видом на родовую территорию с сенокосно-пастбищными угодьями. **В отличие от них,** раннеякутские погребения расположены в основном на луговых пространствах *кырдалов* надпойменных террас озёр или же в некотором отдалении от пологих и невысоких склонов озерных террас.

Могильные ямы имеют в плане подпрямоугольную или овальную/округлую форму. Длина и ширина могил взрослых умерших обоих полов примерно одинаковая и укладывается в размеры 2,6×1,4 м. Величина глубины ямы от современной дневной поверхности до внутримогильного перекрытия для раннеякутских погребений составляет в среднем 0,48 м. Исключение – погребение Буогарыма I с трупоположением ничком, где глубина ямы до гроба равняется 1 м. Для погребений переходного этапа этот показатель составляет 0,68 см, а для погребений XVIII в. – 0,7–1,2 м [Константинов, 1971, с. 27–50]. Следовательно, меньшая глубина могильной ямы может быть признана одним из хронологических индикаторов ранних погребений.

Внутримогильные камеры условно можно разделить на 6 типов: 1) захоронения без внутримогильных конструкций; 2) гробовина; 3) колода; 4) ящик-гроб; 5) гроб-сруб (гроб срубной конструкции). Все они представлены почти в равной мере по 4 погребения, что составляет по 21%. Исключение составляет ящик-гроб из плах, т.е. бревён, расколотых вдоль на две части, что зафиксировано в 6 случаях (31,5%).

Захоронения в могильной яме без внутримогильных конструкций зафиксированы в 4 погре-

бениях (Кёрдюген и Уорай с помещением тела умершего на бересте; Кудук и Ожулун – на деревянном настиле). Данный тип является одним из маркирующих признаков ранних погребений.

Гробовина *тэбиэх* сооружалась на грунте без дна и представляла собой раму, которая в отличие от подобных конструкций XVIII в., составленных преимущественно из плах, сооружалась исключительно из брёвен или жердин. Средние их размеры 262×80 см.

Колода изготовлялась из прикомлевой части ствола лиственницы. Наиболее распространённым типом в ранних погребениях является ящик-гроб. Этот тип погребальных конструкций наибольшее распространение получил во II в. до н.э. – III в. н.э. в погребальных комплексах хунну [Коновалов, 1976, с. 156]. По своим параметрам и устройству гробы-ящики у якутов очень схожи с хуннскими, что усиливается наличием внешней камеры – гробовины, специального отсека для предметов погребального инвентаря и продольной перегородки в случаях сопогребения.

Гроб-сруб представляет собой низкое прямоугольное сооружение, составленное из брёвен-тонкомеров или жердей, сложенных в 2–3 венца и скреплённых встык. В целом, он встречается только в ранних погребениях. В среднем длина таких гробов 214 см, ширина 100 м. Перекрытие сооружалось из двух-трёх плах. Данный тип в погребениях XVIII в. почти не встречается [см. Константинов, 1971, с. 27].

В 12 погребениях в устройстве внутримогильных камер использована береста, что составляет 63%, в том числе в качестве покрытия погребальных конструкций 10 раз (52,6%).

В погребениях Атласовское II, Урун Мыран II гробы имеют следы воздействия огня. В первом погребении следы огня зафиксированы лишь на внешней стороне погребальной камеры, тогда как во втором погребении имеет место значительное обожжение нижней части костяка [Бравина, Попов, 2008, с. 151]. Видимо, речь идет о разных видах ритуального использования огня. Первый случай можно определить как ритуальное очищение могилы. Во втором случае, вероятно, речь идет о частичной кремации тела умершего на месте захоронения.

Из 19 погребений 13 – мужские, 3 – женские, 3 – детские. Средний возраст взрослых умерших – 35–36 лет. На мужских костяках из шести погребений зафиксированы следы рубленых и колотых повреждений. У некоторых погребённых наблюдается деформация поясничных позвонков и тазовых костей, что, вероятно, явилась результатом верховой езды, либо чрезмерных нагрузок на позвоночник, связанных с тяжелым трудом.

Ориентировка покойников в 72,2% раннеякутских погребений связана с западным направлением, а в 22,2% – с северным (С, СЗ, СВ). Тенденция к более устойчивой ориентировке покойных, возможно, отражает выработку определенных представлений о направлении, в котором находился загробный мир. В традиционной картине мира якутов, запад, как и север, ассоциируется с Нижним миром, миром мертвых.

Среди способов помещения тела умершего в внутримогильное сооружение можно выделить пять вариантов:

Вариант 1. Трупоположение горизонтальное, на спине – 12 погребений (63%). В большинстве ранних погребений голова располагается на левой или правой стороне и направлена лицом на юг или север. Положение рук зафиксировано в 9 погребениях. В 7 из них руки согнуты, кисти рук сложены на лобковых, тазовых костях и на животе (77,8 %); в 2 – одна рука вытянута, вторая согнута, кисть находится на бедре. Положение ног в 9 случаях из 12 вытянутое (75%), в 3 – левая нога вытянута, правая подогнута (25%).

Вариант 2. Скорченное трупоположение на боку (левом или правом) зафиксировано в 4 погребениях, что составляет 22 %.

Вариант 3. Сидячее трупоположение описано в 1 погребении (Атласовское I).

Вариант 4. Трупоположение, вытянутое на боку, отмечно в 1 погребении (Урун Мыран II).

Вариант 5. Вытянутое трупоположение на животе лицом вниз (ничком) известно в 1 погребении (Буогарыма I). По этнографическим данным, якуты хоронили вниз лицом «опасных покойников», к которым относились, прежде всего, шаманы и самоубийцы.

В трех погребениях голова покойных помещалась на седле. Подобная традиция в материалах XVIII в. отмечена в погребении Куому в Чурапчинском улусе [Константинов, 1971, с. 43].

Сопроводительный инвентарь погребений состоит из 6 основных групп.

Предметы хозяйства и быта. Самым распространенным предметом в составе погребального инвентаря является нож, обнаруженный в 7 погребениях, что составляет 43,7% общего числа

взрослых погребений. В эту группу также входят: «овечьи» ножницы (Атласовское II), деревянный пик для раздрабливания льда (Таралай), черепки керамических сосудов (Кёрдюген и Уорай), фрагменты глиняной основы горна и шлаки крицы (Кёрдюген), деревянная ложка (Нелегер), деревянная миска *кытыйа* (Нелегер, Ойогос Тумула), трехногий чорон (Улахан Алас, Тит Баппыт), берестяной сосуд (Ойогос Тумула, Тит Баппыт), железный котелок (Ожулун), трут в кожаном мешочке (Улахан Алас), заячье одеяло (Нелегер, Таралай), подстилка из конской шкуры (Нелегер).

Предметы снаряжения коня – удила; части оголовья: тройники-распределители ремней, бляшки-украшения; седла и их части: кольца, петли торока; стремена; подпружные пряжки – зафиксированы в 7 погребениях, что составляет 43,7% взрослых погребений.

Предметы вооружения и орудия охоты. Фрагменты лука обнаружены в 5 погребениях, что составляет 38,4% общего числа мужских погребений; железные и костяные наконечники стрел – в 6 мужских и в 1 женском, что составляет 43,7% взрослых погребений; пальма-батас – в 6 мужских погребениях; наконечник копья – в 1. В эту группу входят также фрагменты предметов снаряжения: чехлы для лука и колчаны для стрел – 5.

Одежда и головные уборы в раннеякутских погребениях представлены крайне фрагментарно, что затрудняет определение их вида и покроя. Головные уборы отмечены в 6 погребениях. В двух погребениях шапки сшиты из собольей шкуры. К головному убору из погребения Ожулун пришит металлический диск *туосахта*, шапка из погребения Нелегер имела два рожка, вышитых бисером. В погребении Атласовское II обнаружены металлические детали украшения головного убора: круглое навершие шапки со спиралевидным орнаментом и отверстием посередине, на которое ставилась трубочка для крепления плюмажа, а также две подтреугольные фигурные пластины с отчеканенным на них сложным орнаментом. Верхняя одежда представлена шубами и пальто, сшитыми преимущественно из конских шкур, в двух случаях – на собольей и заячьей подкладке. Наплечная нательная одежда представлена рубахами из собольей шкуры (Нелегер) и ровдуги (Бютэйдээх, Таралай). На шее умершего из погребения Буогарыма I имелось боа из собольего хвоста, а в погребении Тит Баппыт руки покойника были вдеты в собольи рукавицы мехом наружу. Нижняя нательная одежда в виде натазников и ноговиц присутствует в 5 погребениях. Обувь представлена торбазами из ровдуги и куруму из задымленной кожи лося (Буогарыма I). В двух погребениях под обувь одеты носки *кээнчэ*, одни из них сшиты из собольей шкуры мехом внутрь (Буогарыма I). В качестве утеплителя внутри торбазов встречается подстилка из сена.

Украшения. В трёх погребениях найдены проволочные серьги в виде знака вопроса. Серьга из женского погребения Атласовское II, обнаруженная в области груди, имеет крупную биконическую бусину-нанизку из кости, покрытую цветным металлом. Кроме того, на груди погребённой сохранились кожаные нагрудные панно с нашитыми на них металлическими бляшками различной формы. Серьги из погребения Ат Дабаан III имеют такой же формы металлическую бусину-нанизку. Серьги из мужского погребения Ожулун имеют нанизки из семи круглых чередующихся бусинок белого и черного цвета. В описи предметов сопроводительного инвентаря мальчика-подростка из погребения Ат Дабан III значатся металлический диск *туосахта* и медная гривна *кылдьыы*. В пяти мужских погребениях найдены кожаные фрагменты, бронзовые и медные пряжки и медные бляхи пояса. Ременной пояс из мужского погребения Ожулун украшен фигурными медными бляхами, окантованными тройными рядами белого и чёрного бисера. Одна из блях ажурная [Николаева, 2008, с. 55–56]. По материалам погребений XVIII в. ажурные бляхи из цветных металлов встречаются только на женских поясах [Константинов, 1971, с. 69].

Кости животных найдены в 8 погребениях. В 7 погребениях уложены кости лошади, в т.ч. ребра, позвонки, нижняя челюсть и копыто – в 1. В погребении Ат Дабаан III рядом с погребением мальчика была обнаружена яма, где находилась лошадь в расчлененном виде [Бравина, Попов, 2008, с. 7].

В погребении Сергеляхское зафиксирована чешуя рыбы, а в погребении Таралай – кости водоплавающей птицы, что свидетельствует о том, что ранние якуты наряду с скотоводством занимались рыболовством и охотой.

Таким образом, артефакты из раннеякутских погребений в целом имеют аналогии среди материалов кулун-атахской культуры XIV–XVI вв. и якутской традиционной культуры XVII–XVIII вв.

Особняком стоят предметы из погребений Сергеляхское (костяные накладки сложносоставного лука монгольского типа) и Атласовское II (нож с костяной рукояткой неякутского типа, металлические части сфероконического навершия головного убора и кожаные нагрудные пластины с металлическими бляшками и др.), которые требуют дальнейшего исследования на основе историко-сравнительного и типологического анализов с применением методов естественных наук. Вероятно, некоторые из этих предметов были привезены некогда выходцами из прилегающих территорий, а другие, например бисер чёрного и белого цветов, свидетельствуют о наличии обменных или торговых контактов с древним населением Сибири и Дальнего Востока. По количеству и разнообразию предметов набор раннеякутских погребений по сравнению с XVIII в. значительно беднее и содержит самое необходимое снаряжение всадника и воина. Значительное пространство длинных и широких гробов, как бы предназначенных для размещения большого количества вещей остается свободным.

Таким образом, в число маркирующих признаков ранних якутских погребений можно включить небольшую глубину могильных ям, трупоположение на грунте на бересте и деревянном настиле, гробовину, сооруженную из брёвен или жердин, гроб-сруб, следы огня на гробах, скорченное трупоположение, позу – голова на седле, положение ног – левая вытянута, правая подогнута, предметный состав погребального инвентаря в рамках XVI–XVII вв. и архаичные элементы ритуальной сферы. Согласно совокупности этих признаков к XVI–XVII вв. можно отнести, кроме перечисленных выше, могильник Тыгынов курган возле оз. Сайсары, погребения Улуу Сысыы, Куому и Нелегер в Чурапчинском районе, а также Ат Быран I и IV в Хангаласском районе, открытые в 2015 г.

Подводя некоторые итоги изучения раннеякутских погребений XIV–XVII вв., можно сделать вывод, что они по многим параметрам генетически связаны с целым пластом древних и средневековых культур евразийских степей. Истоки их прослеживаются в археологических комплексах Сибири, где ближайшими аналогами выступают погребальные традиции средневековых племён Прибайкалья и Забайкалья.

Литература

Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). – Новосибирск: Наука, 2008. – 296 с.

Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV–XVIII вв.). – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. – 192 с.

Гоголев А.И. Якуты: (Проблемы этногенеза и формирования культуры). – Якутск: Якут. ун-т, 1993. – 200 с.

Дьяконов В.М., Степанов А.Д., Багашёв А.Н., Ражев Д.И., Кузьмин Я.В., Ходжинс Г.В.Л. Атласовское захоронение XIV–XV вв. кулун-атахской культуры в контексте проблем этногенеза якутов // Всадники Северной Азии и рождение этноса: этногенез и этническая история саха. – Новосибирск: Наука, 2014. – С. 233–240.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1976. – 220 с.

Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII века (по материалам погребений). – Якутск: Якуткнигоиздат, 1971. – 212 с.

Мир древних *як*утов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам Саха-французской археологической экспедиции) / Под ред. Эрика Крюбези, Анатолия Алексеева. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2012. – 226 с.

Николаева Д.А. Средневековое погребение Дьюсюлен // Материалы XLVI Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». – Новосибирск, 2008. – С. 55–56.

Попов В.В., Николаев В.С. Захоронения животных в обрядовой практике саха – якутов // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. Вып. 6. – С. 194–212.

Прокопьева А.Н. Средневековое детское погребение Кёрдюген // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: матлы XLVI Региональной (II Всероссийской) археолого-этнографической конф. студентов и молодых учёных, посвящ.160-летию со дня рожд. И.Т. Савенкова и 110-летию со дня рожд. В.И. Громова. г. Красноярск, 28–30 марта 2006 года / Ответ ред. Н.И. Дроздов. – Красноярск: КГПУ, 2006. Т. 2. – С. 55–57.

Crubezy E., Alekseev A.N. Chamane Kyys, jeune fille des claces. – Paris: Editions Errance, 2007. – 167 p.

Mission archeologique francaise en Siberie Orientale (M.A.F.S.O.). Rapport, 2005. – Toulouse: Universite Paul Sabatier, 2005. – 174 p.

Mission archeologique francaise en Siberie Orientale (M.A.F.S.O.). Rapport, 2008. – Toulouse: Universite Paul Sabatier, 2008. – 138 p.

R.I. Bravina, V.M. Dyakonov

Early Yakut medieval burials of XIV-XVII centuries: distinctive features

The article summarizes the results of the study of early Yakut burials of XIV-XVII centuries and identifies their basic features, including differences in burial structures, variety of placement of the corpses and types of accompanying grave goods, etc. The paper provides the first summary table of the age of medieval Yakut burials according to radiocarbon and dendrochronological dating methods.

Keywords: archaeology, Yakuts, Kulun Atakh culture, burials, radiocarbon dating, basic features of burials, distinctive features.

УДК 903.5+398

Н.С. Кирьянов

Памятник Лепсей II в Верхоянском районе РС(Я) и фольклорные материалы И.А. Худякова

Статья посвящена исследованиям Саха-французской археологической экспедиции в Верхоянском районе РС(Я), когда было обнаружено погребение молодой женщины с двумя новорожденными. В известном труде И.А. Худякова «Краткое описание Верхоянского округа» (написан в 1868–1869 гг.) упоминается предание о дочери шамана, умершей во время родов. По ряду выявленных совпадений исследователи делают вывод о тождестве обнаруженного памятника с легендой.

Ключевые слова: Верхоянск, Дулгалаах, Лепсей, Саха-французская археологическая экспедиция, И.А. Худяков, захоронение.

В 2011 г. в ходе работ международной Саха-французской археологической экспедиции* в Дулгалахском наслеге Верхоянского района Республики Саха (Якутия), в местности Лепсей, вблизи урочища Балаганнаах было обнаружено захоронение молодой женщины в возрасте около 25 лет, погребенной с двумя новорожденными (рис. 1) [Crubezy, 2011, p. 109–113; Кирьянов, 2015, с. 36–55]. Надмогильное сооружение памятника сохранилось в виде нескольких деревянных фрагментов, по расположению которых можно судить, что это мог быть *чардаат*. Выявленная внутримогильная постройка представляет собой типичную двойную конструкцию *тэбиэх* – когда гроб вложен внутрь гробовины (гробницы), все элементы которой сделаны из лиственничных дощатых плах толщиною 5–10 см. Общие размеры гробовины составляют – 235 см х 90–110 см х 78 см, гроба – 205 см х 40–56 см х 60 см. Пространство между стенками гроба и гробовины забутовано, также между ними вставлены распорочные пикеты. Крепились стенки традиционным способом – путем вставки клинообразного конца поперечной стенки в трапециевидный паз продольной. В крышке могильного сооружения зиял пролом – большая дыра размером 135 см х 36 см, внутреннее пространство которой заполнено землей (рис. 2). Крышка гроба покрыта лопнувшим на две части полотнищем размером около 0,8 м х 2,0 (2,15?) м из прошитой сухожильными нитями выделанной оленьей кожи (ровдуги), сохранившимся частично только с южной стороны (рис. 3). Такое покрытие являлось частью покрова традиционного летнего жилища якутов – *урасы* и часто использовалось при совершении похорон [Бравина, Попов, 2008, с. 67–69].

Внутри могильного сооружения покоится костяк молодой женщины, положенный на меховую конскую подстилку до уровня колен (вероятно, в качестве подстилки могли служить шуба или пальто) (рис. 4). Тело лежит на спине и ориентировано головой в сторону запада, ногами – на

*Организаторы экспедиции: Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск, Россия) и Университет III г. Тулузы им. Поля Сабатье (Франция).

© Н.С. Кирьянов, 2015

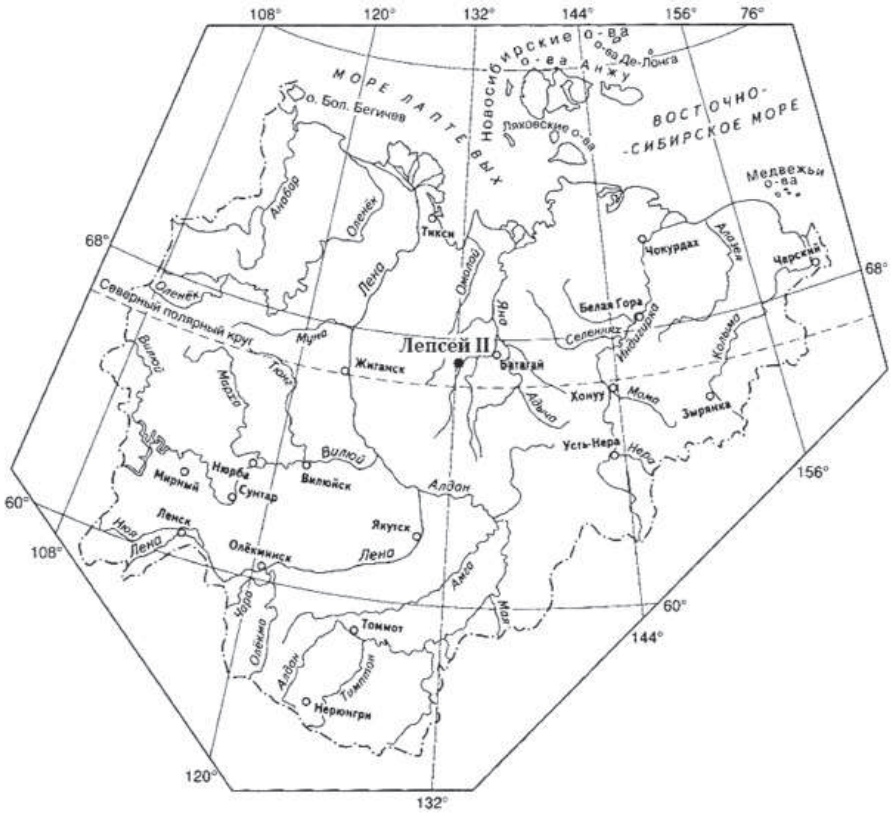


Рис. 1. Карта Республики Саха (Якутия) с указанием месторасположения памятника

Рис. 2. Внешнее могильное сооружение – гробовина с проломленной крышкой. Стрелкой показано положение скелета новорожденного

Рис. 3. Внутренняя могильная конструкция – гроб с проломленной крышкой и остатками кожаной драпировки

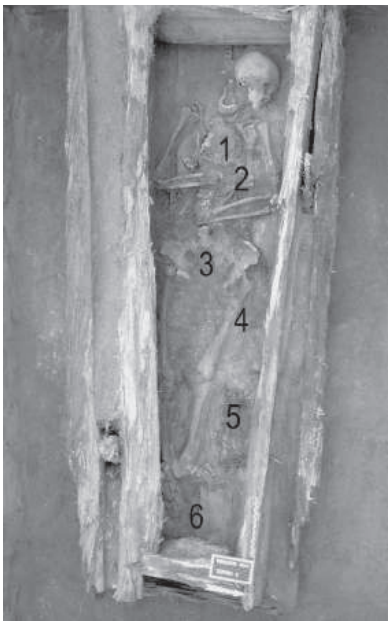


Рис. 4. Костяк молодой женщины 25 лет и скелет новорожденного внутри гроба. Цифрами обозначены: 1 – шейный браслет и жетонные подвески, 2 – пуговицы от шубы, 3 – вагинальный тампон, 4 – кольцо от натазника, 5 – скелет новорожденного, 6 – кольцо от натазника

восток. Руки согнуты в локтях: кисть правой руки покоится на груди, левой – на животе. Ноги вытянуты в сторону поперечной стенки гроба, причем, носок левой ноги вытянут в сторону северной стенки, а носок правой неестественно повернут к восточной. Длина костяка от макушки до пяток 155 см. Череп женщины опрокинут лицевой частью в сторону севера. В области паха отмечается травяной вагинальный тампон, который использовали при сильных или обильных кровотечениях (рис. 5) [Кирьянов, 2015, с. 45–47].

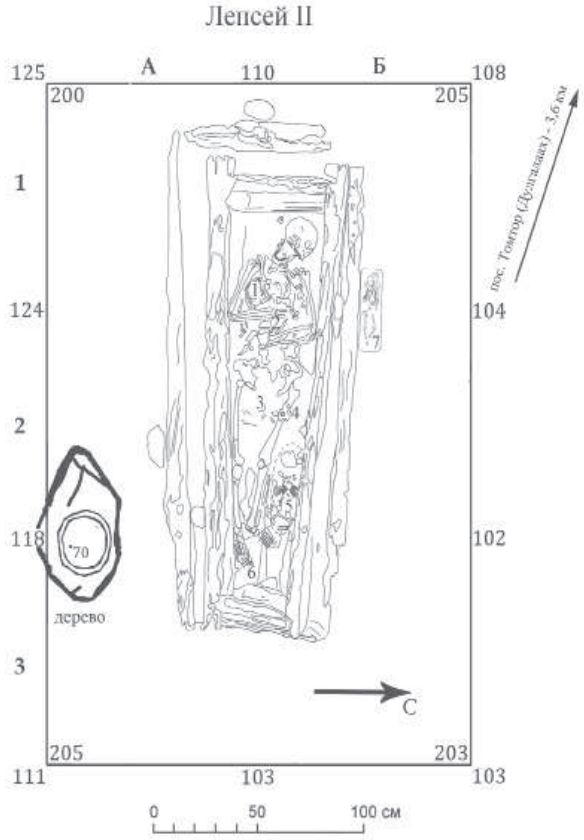


Рис. 5. План раскопа с указанием расположения гроба и особенностей размещения костяка женщины, скелетов новорожденных, украшений и деталей одежды. Цифрами обозначены: 1 – шейный браслет и жетонные подвески, 2 – пуговицы от шубы, 3 – вагинальный тампон, 4 – кольцо от натазника, 5 – скелет новорожденного, 6 – кольцо от натазника, 7 – скелет новорожденного

Одежда женщины сохранилась очень фрагментарно, но воссоздать ее облик в общих чертах возможно. Головной убор представлял собой соболиную шапку, выделанную мехом наружу, по-видимому, *дьабака* или *чомпой*. Верхняя наплечная одежда представлена, вероятно, соболиной шубой *тангалай сон* мехом наружу с оторочкой по бортам, подшитой изнутри полоской сукна. Здесь же отмечаются четыре литые медные пуговицы с припаянным на оборотную сторону сквозным ушком. Две пуговицы на аверсе имеют оттиск в виде пятиконечной звезды, остальные две имеют гладкую лицевую сторону. Диаметр окружностей пуговиц – 1,7 см, толщина сечения – 0,15 см (таблица, *4*).

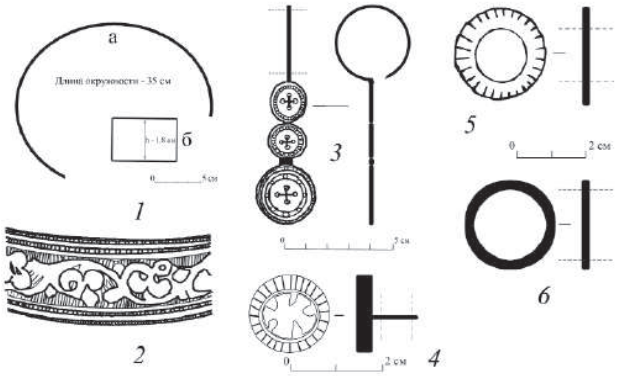


Таблица. Материалы погребения Лепсей II. Графическая прорисовка и размеры сечений шейного браслета (1), абрис орнамента браслета (2) и подвески-жетона (3), пуговицы наплечной одежды (4), колец от натазника (5, 6). Пунктиром показаны сквозные отверстия. 1а – сечение окружности браслета с указанием ее длины, 1б – ширина браслета

Под шубой находилось, как мы полагаем, пальто из конской кожи ворсом вовнутрь с разделительной полосой из ткани типа *даба*. Также покойная была облачена в зимние (?) ноговицы *сутуруо* из заячьего меха вовнутрь, выделанной кожей наружу [Гаврильева, 1998, с. 23, 29, 39, 47]. Сами натазники не сохранились, хотя плотные конские кожаные петли, к ним прикрепляемые, выделяются отчетливо. Облик обуви или чулок женщины не определяется. В области левой тазобедренной кости отмечено литое гладкое медное кольцо, продетое через кожаные петли. Еще одно кольцо с насечками по ободку также продето через кожаную петлю и расположено рядом со стопой правой ноги. Аналогичное ему кольцо обнаружено в ходе расчистки, и точное его местоположение не ясно, но вероятно, оно находилось в ногах. Диаметры колец составляют 1,9 – 2,1 см, толщина их сечений – 0,2 – 0,25 см (табл., *5*, *6*) [Кирьянов, 2015, с. 48, 64–65].

Из украшений зафиксирован медный шейный браслет (*бөҕөх*, *моой симэгэ*), представленный пластинчатым несомкнутым ободком, украшен-

Рис. 6. Медный шейный браслет с продетыми на него медными жетонными подвесками сразу после изъятия.

ным с наружной стороны четырьмя окаймляющими профилирующими опоясками с внутренним размещением витого растительного орнамента, выполненного резным способом (рис. 6; табл., *1*, *2*). Концы браслета загнуты внутрь и имеют по одному сквозному отверстию. Как правило, подобный шейный браслет носился в комплекте с наручными, однако их в погребении не оказалось. Размеры браслета (ширина пластины х толщина пластины х окружность): 1,8 х 0,1 х 35 см. Такой тип украшений характерен, преимущественно, для XIX в. [Саввинов, 2001, с. 50].

Через браслет сквозь загнутый проволочный конец продеты четыре медные жетонные подвески, и именно в таком положении они отмечены в погребении [Crubezy, 2011, p.112]. Облик подвесок схож с проволочными серьгами – их стержень также имеет загнутый конец в форме несомкнутого кольца в виде знака вопроса. Жетоны выполнены листовой чеканкой и имеют оттиск на аверсе в виде тисненного четырехлистника с окаймлением из одного-двух рядов вертикальных черточек. Оборотная сторона гладкая, без орнамента. Средняя длина украшения – 7,2 – 7,4 см, диаметр несомкнутого кольца – 1,9–2,0 см, малых жетонов – 1,5 см, большого жетона – 2,1–2,2 см. Толщина проволочного основания – 0,2 см, жетонов – 0,12 см (табл., *3*).

Использование якутами жетонов (как правило, иностранного производства) в качестве украшений являлось частой практикой, как в быту, так и в погребальной церемонии. Специалисты связывают их появление с включением территории Якутии в состав Русского государства (после XVII в.) и возникновением регулярных торговых площадок, активизировавших меновые процессы, в частности, с Китаем после заключения Нерчинского (1649 г.) и Кяхтинского (1727 г.) торговых договоров, а также с европейской частью России. При этом жетоны, как считают исследователи, не использовались в качестве самостоятельного денежного средства, а производились и импортировались исключительно для сбыта коренному населению Сибири и Дальнего Востока [Мир древних якутов, 2012, с. 155–157].

Вышеописанные украшения и изделия являются единственными предметами, зафиксированными в погребении. Такие классические атрибуты, как металлический нож и деревянная погребальная чаша (или чорон) отсутствуют. Также не отмечается часто встречаемый на многих памятниках бисер (бусы, стеклярус, одекуй, королек). Обычно специалисты соотносят полное отсутствие бисера с наиболее древними захоронениями. В позднюю эпоху он становится неизменным спутником многих сторон традиционного уклада якутов (украшения, наряды, ритуалы), в том числе и погребальной практики [Саввинов, 2001, с. 70–72]. Для объектов XVIII в., и тем более, для XIX бисерная отделка и аппликация одежды была довольно распространенным явлением [см.: напр., Носов, 2010; Петрова, Заболоцкая, 2013]. Его отсутствие могло бы указывать на невысокое социальное положение погребенной женщины.

Примечательной особенностью памятника является нахождение в могильном пространстве скелетов двух новорожденных (младенцев), причем, один из них размещен за пределами гробовины (у северной стенки) на деревянной подстилке, завернутый в кожаное покрывало (длина – 37,8 см), второй, внутри гроба – в области левой голени костяка женщины, на подстилке из конского меха (длина – 32,5 см) (рис. 5, *6*, *7*) [Crubezy, 2011, p. 111, 113; Кирьянов, 2015, с. 41–42, 51]. Длина выявленных скелетов младенцев различна, из чего можно заключить, что ребенок, находящийся с женщиной был несколько младше, чем ребенок, расположенный снаружи.

Антропологическое исследование костяка женщины констатировало перелом правого внутреннего берца и вальгусную деформацию коленного сустава правой конечности (то есть искривление в результате неправильного срастания костей), обусловленных травмой или ушибом, полученным в детстве [Crubezy, 2011, p. 112–113; Кирьянов, 2015, с. 46]. В дальнейшем приобретенная травма могла привести к образованию хронической хромоты.

Сам факт нахождения молодой женщины с двумя новорожденными в закрытом погребальном пространстве достаточно ясно (если не сказать, однозначно) указывает на их явную кровнородственную связь и возможную причину их одновременной смерти – при родах или же сразу после них. В свете метрических данных младенцев вполне объяснима и причина, почему один из новорожденных оказался за пределами гроба. Вероятно, первый ребенок родился живым и еще жил определенное время (и успел за это время подрасти), а второй умер вместе с матерью и потому с ней же был погребен. Спустя какое-то время умер и первый младенец, которого потом «подбросили» в могилу матери, уже после того, как она была похоронена.

Вплоть до середины XIX в. (по окончанию периода массового принятия якутами христианства) бытовало поверье, что дети возрастом до семи лет еще не приобрели социальную индивидуальность и не имели своей «души» и обладали только *кут*, поэтому в случае их смерти на них не распространялись погребально-поминальные обычаи, присущие взрослым [Мир древних якутов, 2012, с. 109]. Как и в этом случае, тела новорожденных «подбрасывали» в могилы ближайших кровных родственников (по обыкновению, родителей). Данное поверье имело вполне практический смысл, так как смертность детей в этот период была очень высокая (в особенности до 3-х лет, когда иммунитет ребенка еще не выработан). По данным В.Л. Серошевского [1993, с. 507–508], зачастую из 10–15 рождавшихся детей выживали один-два. Соответственно, никаких дополнительных атрибутов в погребении новорожденного не отмечается, за исключением кожаного покрывала, в которое он был обернут.

Подыскивая аналогии к изучаемому нами памятнику, естественно, мы не могли обойти своим вниманием известный труд ссыльного народовольца-каракозовца Ивана Александровича Худякова «Краткое описание Верхоянского округа», описывающий быт, нравы, культуру и верования верхоянских якутов, написанный им в 1868–1869 годах [Худяков, 1969]. И вот, в главе XV, посвященной колдовству и шаманству среди местного населения, мы обнаружили любопытную зарисовку, которая, на наш взгляд, имеет самое прямое отношение к обнаруженному погребению:

«*Жил, например, на Дулгалахе один шаман да «плохой». Дочь у него стала беременна и захворала. Стали потуги, подумала: «Верно, дьявол причинил болезнь». Стал отец сам шаманить, стал обнимать дочь, что бы она скорее родила. Нисколько дьявол не прошел. Зовет он другого, хорошего шамана. Тот приехал, тоже стал шаманить, обхватывал, кричал, кричал – не помогает. «Ну, – говорит, – я дьявола взял, она скоро родит. Дай мне кварту водки». Старик бросился к соседям за десять верст, купил кварту за десять белок. Привозит водку и подает шаману. Шаман наливает себе водки, пьет. Выпил одну чарку, другую подает хозяину. Не сходя с места, вдвоем выпили все это вино. Хозяин дома, однако, отдал большую часть водки молодому, лучшему шаману. Как оба шамана опьянели и заспорили. «Ты меня моложе, – говорит старик, – хотя к тебе дьявол близко, а ты зачем меня зовешь парнем?», – и ударил молодого шамана по щеке. Тот рассердился, говорит: «У меня дьявол близко, ты человека с дьяволом ударил по лицу!». Стали оба тут драться. После драки стали шаманить для больной. Обнимали, обнимали ее до смерти, две девочки родилось мертвыми. А шаманы оба опьянели, вышли, упали да и заснули на улице. «Вот так-то нас обманывают, да и мы себя обманываем. Какая тут правда?*» [Худяков, 1969, с. 360].

Интересны несколько совпадений в описании этой легенды с данными памятника:

«*Жил, например, на Дулгалахе один шаман*» – погребение расположено неподалеку от пос. Томтор, районного центра Дулгалахского наслега. Среди жителей Верхоянского района этот поселок именуется просто «Дулгалах», потому что имеется еще один пос. Томтор, являющийся центром Борулахского наслега. Но допустимо также, что «Дулгалах» мог употребляться в понимании самой реки, а не поселка.

Девушка приходилась дочерью шаману – это косвенно объясняет отсутствие нательного креста и других элементов, характерных для христианского захоронения XVIII–XIX вв. Будучи дочерью шамана, она могла быть некрещеной.

Долгая невозможность разродиться («*стала беременна и захворала. Стали потуги, подумала: «Верно, дьявол причинил болезнь». Стал отец сам шаманить, стал обнимать дочь, что бы она скорее родила. Нисколько дьявол не прошел*») – это может быть обусловлено приобретенным дефектом девушки, ее хромотой, когда искривленность ноги могла осложнять перинатальный период.

Девушка умерла при родах (*«Обнимали, обнимали ее до смерти»*) – наличие вагинального тампона указывает на сильные кровотечения, которые могли быть вызваны затяжными долгими родами и, в конце концов, спровоцировать смерть.

Наличие в погребении двух скелетов новорожденных («*две девочки родилось мертвыми*») – очевидно, что промежуток между смертью первого и второго ребенка был незначителен, и эта деталь впоследствии передачи легенды от одного к другому рассказчику могла быть утеряна как малозначащая.

Как понятно из содержания самой легенды, описываемая в ней трагическая ситуация (смерть молодой женщины при родах двух девочек) служила лишь фоном, демонстрирующим пренебрежительное отношение самих якутов к шаманам, наделяя их самыми нелестными характеристиками (пьянство, обман, рукоприкладство) и невозможности выполнять требуемый социальный заказ населения – родовспоможение, даже для самих себя. Из чего можно заключить, во-первых, об упадке главенствующего положения шаманства в Верхоянском округе в XIX в., а во-вторых, об отсутствии (либо слабой роли) в этот же период лечебных учреждений и профессиональных медиков, что вело к высокой детской смертности, а также значимым проблемам со здоровьем у взрослого населения ввиду отсутствия должного лечения и профилактики особо опасных заболеваний и травм.

Сам облик захоронения, исходя из западно-восточной ориентации гроба и костяка, характера трупоположения (руки покоятся на груди), конструктивных особенностей внутримогильного сооружения (гроб внутри гробовины *тэбиэх*, кожаная драпировка крышки), анализа личных женских украшений и типов выявленной одежды не выпадает из общей картины материальной культуры якутов христианского периода рубежа XVIII–XIX вв. [Серошевский, 1993, Константинов, 1971]. Отсутствие в захоронении традиционных элементов – ножа и чаши, а также бисера может быть связано с тем, что с принятием основной массой якутского населения православного христианства (в период 1760–1820-е гг.) данные вещи считались анахронизмом или пережитками былого. При этом такие явные христианские атрибуты, как нательный крест и свечи тоже не обнаружены, и мы делаем заключение, что это могло быть обусловлено особым статусом погребенной («дочь шамана»), на что указывает описываемая И.А. Худяковым легенда. Простота могильной конструкции и небогатый сопроводительный материал захоронения, а также контекст легенды вполне определенно свидетельствуют о принадлежности погребенной женщины к социальным низам, которые не могли себе позволить надлежащие уход и лечение во время родов, а их погребальная церемония выражалась в наличии только самого необходимого.

Таким образом, можно констатировать, что в период активного распространения православного христианства на Северо-Востоке Якутии в XVIII–XIX вв. под традиционным шаманством, которое постепенно утрачивало свои сакральные и властные функции, стал все больше пониматься сам род занятий («профессия»), не наделенный никакими дополнительными привилегиями. Потеря ореола «избранности» неизбежно вела к появлению среди населения непривлекательных историй о шаманах, что и нашло отражение в содержании легенды, приводимой И.А. Худяковым в его труде.

Литература

Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). – Новосибирск: Наука, 2008. – 296 с.

Гаврильева Р.С. Одежда народа саха конца XVII – середины XVIII века. – Новосибирск: Наука, 1998. – 168 с.

Кирьянов Н.С. Отчет о проведении археологической разведки на территории Верхоянского района РС(Я) в 2011 году (рукопись) // Научно-отраслевой архив Отдела полевых исследований Института археологии РАН, №14102/217-2 от 30.06.2015. Якутск, 2015. – 150 с.

Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII в. (по материалам погребений) / отв. ред. акад. Окладников А.П. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1971. – 212 с.

Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам Саха-французской археологической экспедиции) / под ред. Э. Крюбези, А. Алексеева. – Якутск: Изд-во СВФУ, 2012. – 226 с.

Носов М.М. Одежда и украшения якутов XVII – XX вв. / Науч. ред. С.К. Колодезников. – Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2010. – 96 с.

Петрова С.И., Заболоцкая З.М. Народная одежда якутов. – Новосибирск: Наука, 2013. – 460 с.

Саввинов А.И. Традиционные металлические украшения якутов: XIX – начало XX века. Историко-этнографическое исследование. – Новосибирск: Наука, 2001. – 171 с.

Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. – 2-е изд. – М.: РОССПЭН, 1993. – 714 с.

Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. – Л.: Наука, 1969. – 439 с.

Crubézy E. Human adaptation in Verkoyansk. Mission Archeologique Francaise en Siberie Orientale 2011. Rapport (рукопись, на франц. яз.) // Universite Paul Sabatier (Toulouse III), Laboratoire AMIS - UMR 5288 du CNRS. Toulouse, 2011. – 150 p.

N.S. Kiryanov

Monument Lepsey II in Verkhoyansk region the Republic of Sakha (Yakutia) and I.A. Khudyakov's folk materials

The article is devoted to the research of Sakha – French archeological expedition in Verkhoyansky region of Republic of Sakha Yakutia, when a burial of young woman with two newborn babies was discovered. The well-known work of Ivan Khudyakov «Short description of Verkhoyansky region» (written by 1868-1869 years) mentions the legend about shaman's daughter who died during childbirth. The researchers discovered many coincidences and made a conclusion of their similarity.

Keywords: Verkhoyansk, Dulgalaakh, Lepsey, Sakha – French archeological expedition, Ivan Khudyakov, burial.

УДК: 947 (575,2) (04)

Т.А. Акеров

Енисейские кыргызы. Кыргызский каганат в орбите этнополитических и миграционных процессов в Центральной Азии в VIII–XIV веках

Статья посвящена проблемам этнополитических и этногенетических связей енисейских кыргызов, а также миграции кыргызских и других восточных племен на запад в средние века. Вышеотмеченные процессы рассматриваются в контексте трех великих эпох истории Центральной Азии: древнетюркской, Кыргызского Великодержавия и монгольских завоеваний. Автор попытался проследить миграционные процессы и этнополитические, этногенетические и этнокультурные связи кыргызов с алакчынами, западнотюркскими племенами, тюрко-огузами, кимако-кыпчакскими и другими племенами Саяно-Алтая и Тянь-Шаня. Особое внимание уделяется эпохе Кыргызского Великодержавия и Караханидскому каганату.

Ключевые слова: енисейские кыргызы, Барсбек каган, Кыргызское Великодержавие, «кыргыз», «кыркыр», кимако-кипчакский союз, Золотая Орда, Моголистан, тяньшаньские кыргызы, Мухаммед Кыргыз.

Этнополитическая ситуация в Притяньшанье и сопредельных регионах в VIII–XIVвв. отличается исключительной сложностью и малой изученностью. Для этой эпохи характерно падение могущественных государств: Западнотюркского каганата в 704 г., Второго Восточнотюркского каганата в 744 г., в результате чего был определен ход дальнейших политических событий в Центральной Азии, которые сопровождались активными миграционными процессами кочевых племен на запад.

В исследуемый период миграция кочевников, в том числе енисейских кыргызов, происходила в зависимости от этнополитической ситуации в Центральной Азии. В целом их можно рассматривать в контексте исторических событий трех великих эпох истории Центральной Азии: древнетюркской, Кыргызского Великодержавия и монгольских завоеваний.

© Т.А. Акеров, 2015

В древнетюркский период одной из основных причин миграции восточных кочевников на запад, во-первых, являлась реваншистская политика Второго Тюркского каганата, которая вызвала миграционные тенденции среди восточных племен азов, чиков, карлуков, енисейских кыргызов и других; во-вторых, усиление Кыргызского каганата во главе с Барсбек каганом, которое сопровождалось жесткой конкурентной борьбой со Вторым Тюркским каганатом и длительными войнами между кыргызами и алчакчынами.

К этому периоду произошла консолидация кыргызских племен в Минусинской котловине, формирование Кыргызского каганата. В VIII в., в эпоху правления Барсбек кагана, кыргызы вступили в стадию рассвета кыргызской государственности. Енисейские кыргызы стали выступать как один из ведущих этносов края. По дан-

ным исторических источников, еще до падения Второго Восточнотюркского каганата в середине VIII в. на политической арене Центральной Азии постепенно, но надежно закрепились позиции Кыргызского каганата как одного из сильных и могущественных государств в регионе. В данный период Кыргызский каганат сделал безупречную заявку на лидерство в степи, заключив союз с тюргешами, карлуками и Китаем и создав мощную антитюркскую коалицию.

В VI–VIII вв. народ алаты продвинулся с северных районов Ордоса и Иньшаня и смог закрепиться на севере Алтая. Кыргызы достойно сражались с ними и смогли образовать на восточной окраине своих земель новое владение в VIII в. Г.В. Ксенофонтов размещал его на гористом и лесистом водоразделе Енисея и Ангары, «на краю страны кыргызов», где жили племена булагачин и керемучин.

В. Бартольд эпоху Барсбек кагана характеризовал следующим образом: «…владение киргизов занимали обширное пространство до Байкала, и потому киргизы могли соперничать с туркоми-огузами даже в эпоху их могущества. Факт выдачи дочери Ильтерес кагана за кагана киргизов не был, по-видимому, исключительным; по крайней мере, китайцы говорят, что турецкий царствующий дом вообще выдавал своих дочерей за киргизских старейшин».

С этого момента политическая ситуация в Центральной Азии стала благоприятствовать Кыргызскому каганату, ставшему в IX в. основным соперником тогузогузской конфедерации племен. С эпохи Барсбек кагана кыргызы начали инкорпорировать в свой состав новые этнические группы, в первую очередь алакчынов. Кыргызы были в тесных этногенетических и историко-культурных связях с алакчынами. Калмыкские источники эпохи контайджи Бошокту енисейских кыргызов называли «алат-кыргызами», а один из родов последних назывался алкай-кыргыз. Известно, что лакайцев Таджикистана, в ком мы видим потомков алакчынов, тяньшаньские кыргызы называли алакай.

Стремительный рост влияния Кыргызского государства был обеспечен тем, что сразу после падения Второго Восточнотюрского каганата в 744 г. все вассалы тюрков признали власть Кыргызского кагана, поступив к нему на службу. Кыргызы покровительствовали басмылам и байырку. После падения Тюргешского каганата тюргеши (тюргеши, согэ, бахрины) вынуждены были покинуть Тянь-Шань. На их земли начали переселяться племена азов, кыргызов, чигилей, алакчынов, карлуков и других.

В связи с этим мы полагаем, что переселение и закрепление азов на Тянь-Шане после событий в 715 г. следует рассматривать в общем потоке миграционных процессов восточных племен в Семиречье. Миграция и закрепление азов на Тянь-Шане после событий в 715 г. вызвало перегруппировку в западнотюркском племенном союзе. Не исключено, что в эту эпоху арабы называли азов доитами, что означало «четыре». Так как потомков азов – кыргызских азыков в прошлом называли торт тамгалуу азык, по числу входивших в это объединение родов. Возможно, в шестиплеменной конфедерации кыргызов Салучи–Булгачи азов представляло племя теит, что тождественно арабскому «доит».

Отсюда можно сделать вывод, что усиление позиций кыргызов в Семиречье началось еще в VIII в. Закрепление азов в Семиречье после событий 715 г., слияние их с западнотюркскими племенами и включение в политические процессы в регионе стали причиной нового витка миграции родственных племен чигилей, кыргызов, карлуков, вовлеченных в борьбу за верховенство на Тянь-Шане. На Тянь-Шане азы, кыргызы слились с западнотюркскими родственными племенами асиги, гешу, хулуу-кюль-чурами, байсаньганами и др. Последние сохранили свои этнические имена в составе кыргызского народа под названиями азык, кючюк, кылжыр (сары багыш, бугу), кулжыгач, басыз и т.д. Кыргызы также ассимилировали племена байырку (баргы) и басмыл (басыз), переселившиеся в купе с ними на Тянь-Шань в IX в.

Для второго периода характерны рассвет Кыргызского каганата, установление Кыргызского Великодержавия над Центральной Азией. Академик В. Бартольд справедливо назвал этот период истории народа Кыргызским Великодержавием. В эту эпоху кыргызы расширили свое влияние от Приамурья на востоке, до Таласа на западе. Государство енисейских кыргызов превратилось в Великий Кыргызский каганат. Этноним «кыргыз» и «кыркыр» получили распространение повсеместно. По содержанию версии эпоса «Манас» С. Ахсикенди кыргызами правил потомок легендарного Каркырабека Манас. Великий Кыргызский каганат также имел название Каркырахан. Позже название страны Каркыра было закреплено за Западнотюркским (Тюргешским) каганатом.

В связи с вышеизложенным данный период целесообразно рассматривать в контексте геополитических интересов Кыргызской империи. В середине IX в. кыргызы, разгромив ставку уйгурского кагана на Орхоне, установили свою гегемонию в Центральной Азии. В VIII–IX вв. кыргызы продвинулись на запад, на Алтай, и установили союз с башкирами, хазарами и племенами кангаро-печенежского союза и чигилями против огузов, карлуков. В этот период одной из основных задач Кыргызского каганата являлось выдворение огузов и карлуков как можно дальше от торговых путей степной зоны Центральной Азии. Главным образом из Саяно-Алтайского края и Тянь-Шаня. В IX–X вв. кыргызы добились полного господства в Саяно-Алтайском крае. На Алтае ими была сформирована новая общность родственных племен, куда вошли кыргызы, тюрко-огузы и чигили, которые вместе продвигались в западном направлении. В Семиречье ими были установлены тесные этногенетические и этнокультурные связи с местными племенами – азами, тухси и ягма, что в последущем привело к захвату власти и формированию нового государства на Тянь-Шане – Караханидского каната в середине X в.

В эпоху Кыргызского Великодержавия передовые группы азов, кыргызов, жагалбаев через Алтай и Тянь-Шань прошли в Приаралье, где в купе с башкирскими и канглийскими племенами продвинулись дальше в Причерноморье, Крым и на Волгу. В эту эпоху кыргызы в Алтай-Тянь-Шаньском регионе имели ряд владений: Каркырахан, Табуни, Аз, Отуз Оглан.

После установления Кыргызского Великодержавия в консолидации племен Саяно-Алтайского края важную роль играли кыргызы и родственные им кимако-кыпчакские племена, которые в одно и то же время соперничали и оказывали огромное влияние друг на друга.

Однако процесс консолидации кыргызов и кимако-кыпчаков можно разделить на три больших периода. На первом этапе кыргызы как полноправные хозяева Алтая на землях кангарских племен сформировали новые владения и объединения кимак, кыбчак и т.д. В формировании кимакского и кыпчакского союзов имелись два важных момента. Во-первых, в этом процессе важную роль сыграли западнотюркские лесные племена (хулуу-кюль-чуры, агач эри, халач и др.), беглые уйгурские племена, а также племена вассально зависимых Кыргызских владений. Среди восточных мигрантов господствующее положение заняли племена из Кыргызского владения Иланьджоу. Они, расположившись на новом месте, самостоятельно включились в этнические процессы в регионе. На западе от енисейских кыргызов появляется владение Каркырахан.

На втором этапе алтайские кимако-кыпчакские племена, усилившись, отделились от Кыргызского каганата. В конце IX в. среди алтайских кыргызов, канглы, кыпчаков на развалинах владения кангарских племен сформировали новое государство – Кимакский каганат. Господствующее положение имели каи (змеи; кай+илан-змеи+змеи), выходцы из Кыргызского владения Иланджоу (или койлон). С этого момента алтайские кимаки стали представлять угрозу Кыргызскому государству.

В эпосе «Манас» эпоха активных этнополитических отношений и соперничества между кыргызами и кимаками-канглы отражены в двух основных сюжетах сказания. В первом сюжете канглы и кыпчаки представлены как союзники Манаса и кыргызов, а во втором – в роли родственников-соперников Манаса коз команов (команы).

На третьем этапе вновь усилились кыргызы, которые во второй половине XI в. добились установления тройственного союза между кыргызами, кыпчаками и ябагу, что сыграло важную роль в консолидации племен региона против общего врага каракитаев. В это время этноним «кыргыз» превратился в политоним, племена Притяньшанья и Саяно-Алтайского края выступали под флагом кыргызов, в том числе: канглы, кытаи, шары, огузы и другие. Караханидский каганат принимал кыргызские и кыпчакские племена шары, кытай, кимак (ямаки) для охраны государственной границы. С вступлением кыргызов в союз с огузами против каракитаев в XII в. можно сказать завершился процесс консолидации кыргызского этноса на Тянь-Шане. В каракитайскую эпоху часть тяньшаньских кыргызов временно переселилась на Волгу.

Третий, монгольский, период стал одним из важных этапов в истории кыргызского народа. Для этой эпохи характерно подчинение енисейских кыргызов старшему сыну Чингиз хана Джучи. Кыргызские военачальники и генералы стали служить Джучи. В 1227 г. после разделения империи Чингиз хана между его четырьмя сыновьями, кыргызы вместе с мангытами были приглашены в улус Джучи главным темником Золотой Орды Ногаем.

В XIII–XIV в. саяно-алтайские и тянь-шаньские племена были втянуты в политические

интриги золотоордынских ханов и царевичей за власть. Отношения между Золотой Ордой и кыргызами красноречиво описывались в версии эпоса «Манас», приведенной в книге С.Ахсикенди «Маджму ат-Таварих». В эпос «Манас» были введены новые сюжеты из жизни деятельности главного темника Золотой Орды Ногая и внука Угэдея Хайду хана. В версии эпоса С. Ахсикенди есть много сюжетов, отражающих реальные события XIII–XV вв., имевшие место в жизни и деятельности золотоордынского хана Токтамыша, главных темников Ногая, Едиге, Амира Тимура, Инга Торе и других личностей того времени, что требует дополнительного изучения. Основные сюжеты версии эпоса «Манас» С.Ахсикенди вполне сопоставимы и находят подтверждение в сведениях Рашид ад-Дина, Ибн Вали, Абул Гази Хивинского, китайских хрониках и других источниках.

В целом, в XIII–XIV вв., как указывали источники, кыргызы постоянно вовлекались в политические интриги золотоордынских ханов, что могло создать благоприятные условия для начала нового витка миграции енисейских и алтайских кыргызов на Тянь-Шань. Кыргызы участвовали в формировании государства Хайду хана, подстрекаемого Золотой Ордой против всемонгольского хана Хубилая. Можно полагать, что образ Манаса в эпосе для монгольской эпохи создан на основе реальных событий из героических подвигов Ногая и Хайду, в числе войск которых находились кыргызы.

В монгольский период основной поток миграции кыргызов, мангытов и других восточных кочевников на запад происходил в период их вынужденного переселения по приказу Хубилая в глубь страны, в степные районы Западной Монголии и Маньчжурии. В это время часть енисейских кыргызов искала защиту у Золотой Орды, а другая часть ушла к Хайду хану на Тянь-Шань. Поселение кыргызов в Астраханском вилайете вызвало беспокойство Токтака и других князей орды, опасавшихся захвата власти Ногаем. Убийство Ногая в 1300 г. явилось причиной откочевки и ухода кыргызов на юг в районы Андижана, Намангана (древний Аксы) и Оша в Ферганской долине, что подтверждается в эпосе «Манас».

В XIII–XIV вв. кыргызы переживали период консолидации народа на Тянь-Шане. В Моглистане кыргызские племена смежно проживали с моголами в областях Манглай Субе, в улусах Камар ад-Дина, расположенных на Тянь-Шане и в Восточном Туркестане. В данный период были сформированы кыргызские улусы Инга Торе Черика, Салучи-Булгачи и Угэчи Кашка в Притяньшанье. В рамках государства Угэчи Кашка в два этапа происходит миграция кыргызских племен на Тянь-Шань. Первый этап после падения власти кыргызов в ойрато-кыргызской конфедерации (после 1426 г.), а второй – после распада ее в 1468г. К концу XV в. кыргызы в данном регионе уже имели свое ханство под предводительством Мухаммеда Кыргыза.

Список использованной литературы

Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Фрунзе, 1990.

Акеров Т.А. Динлины – кыргызы: предки и потомки // Гуманитарные проблемы современности / Институт философии и политико-правовых исследований НАН КР. – Бишкек 2010. – Вып. 11.

Акеров Т.А. Древние кыргызы и Великая Степь (по следам древнекыргызских цивилизаций). – Бишкек, 2005.

Атокуров С. Кыргыз санжырасы. – Бишкек, 1995.

Бартольд В.В. Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана. – Бишкек, 1996.

Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк // Соч. Т. II, ч.1. – М.: Наука.1963.

Бичурин И.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. –Алматы, 1998. – Т. I.

Восточный Туркестан в древности и средневековье. – М., 1992.

Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. – Л., 1926.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М., 1993.

Джуманалиев Т. Очерки политической истории кочевников Притяньшанья с древности и до конца XVII в. – Бишкек, 2007.

История кыргызов и Кыргызстана. – Бишкек, 2000.

Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М.:Наука, 1964.

Ксенофонтов Г.В. Ураангхай сахалар. – Иркутск,1937.

Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана. – Бишкек, 2002., – Т. 1.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. – Т. 1, кн. 1, кн. 2, – М.; Л., 1952.

Савинов Д.Г. Основные этапы истории алатов // Историческая этнография. – Л., 1985. – Вып. 3.

Таскин В.С. Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. –М., 1989.

T.A. Akerov

Yenisey Kyrgyz. The Kyrgyz khaganate in an orbit of ethno-political and migratory processes in Central Asia in the VIII–XIV centuries

The article deals with the problems of ethno-political and ethno-genetic linkages of the Yenisey Kyrgyz and Kyrgyz migration and other east tribes to the west in the Middle Ages. The above-noted processes are considered in the context of three great periods of the history of Central Asia: the ancient Turkic, Kyrgyz and Mongolian great power gains. The author has tried to trace the migration processes and ethno-political, ethno-genetic and ethno-cultural ties of Kyrgyz from Alakchynas, West Turkic tribes, Turkic-Oguz, Kimak Kypchak and other tribes of Sayan-Altay and Tien-Shan. The special attention is paid to the period of Kyrgyz great power and the Karakhanid Kaganate.

Keywords: Yenisey Kyrgyz, Barsbek Kagan, Kyrgyz great power, "kyrgyz", " kyrkyr", Kimako-Kipchak Union, Golden Horde, Mogolistan, Kyrgyz Tien Shan, Muhammed Kyrgyz.

УДК 398(4/5)

Л.Р. Павлинская

Историческая Евразия. Этнокультурный аспект

Впервые геополитическая роль исторической Евразии в мировой истории была освещена крупнейшим английским географом и историком Х.Д. Маккиндером в 1904. Ученый рассматривает нашу планету как некий культурно-географический текст, состоящий из нескольких блоков (макрорегионов), которые определяют развитие всей истории человечества. Среди них особую роль он отводит так называемому «осевому региону», «срединной земле» (Heartland), «Евро-Азии», территориально совпадающей с границами Российской империи. Автор приходит к выводу, что этот регион обладает огромным культурно-экономическим потенциалом благодаря особенностям географического положения, богатству природных и человеческих ресурсов, что определяет его важнейшую роль в истории планеты.

Однако потенциал «срединной земли», исторической Евразии основывается также и на специфике ее этнической истории. Хунны, тюрки, монголы, русские в своем движении в евразийском пространстве вовлекали в этнокультурное строительство угорские, самодийские и тунгусо-маньчжурские этносы. «Срединная земля» на протяжении тысячелетий являла собой колоссальный этногенетический горн, в котором постепенно выплавлялась особая этнокультурная целостность, проявляющаяся в осознании входящими в нее народами своей сопричастности с единым евразийским миром. Это рождало комплементарность в межэтнических, межрасовых и межконфессиональных отношениях. Крушение Советского Союза привело к временному распаду данной этнокультурной общности. Однако в последнее десятилетие интенсивно развивается процесс ее консолидации на новом политическом и правовом уровне, в основе которой лежит историческая, этногенетическая и этнокультурная уникальность «срединной земли», Евразии.

Ключевые слова: этническая история, этно- и культурогенез.

Понятие «Евразия» (термин «Евразия») на протяжении последних двух десятилетий вошло как в тематику научных исследований, так, что более важно, стало стержнем политической доктрины правительства России и нескольких других государств, возникших на постсоветском пространстве. Суть ее заключается в стремлении восстановить былую геополитическую мощь недавно еще единого евразийского пространства, которое в течение почти трех веков пребывало в границах Российской империи, а затем Советского Союза. Причины, породившие данную доктрину, и многочисленны, и разнообразны. На первый план выступает нарушение геополитиче-

© Л.Р. Павлинская, 2015

ского равновесия, возникшего в результате крушения Советского Союза и образования на основе бывших республик самостоятельных государств, экономический и политический потенциал которых не в состоянии взаимодействовать на равных с развитой экономикой Америки и Европейского союза. Нечто аналогичное можно сказать и о Российской Федерации, для которой мгновенный слом социальной и экономической систем привел к глубокому кризису. Тем не менее именно Россия первой очнулась от оцепенения, осознав необходимость нового строительства евразийского пространства. В достаточно сжатые сроки к ней присоединились Белоруссия и Казахстан, образовав тем самым ядро будущего союза евразийских государств. Именно в этот период на вооружение был взят термин «Евразия», как нельзя лучше отражающий политический, экономический и культурный аспекты новой доктрины, которая оказалась удивительно жизнеспособной, о чем свидетельствует дальнейшее расширение евразийского союза.

Я кратко обрисовала современные процессы, охватившие евразийское пространство, не углубляясь в их анализ, который лежит в области других наук. Настоящее сообщение посвящено этнокультурному и этногенетическому аспектам, лежащим в основе формирования Евразии а точнее исторической Евразии, именно той части Евразийского континента, которая охватила Российскую империю (СССР) и которую сейчас постепенно занимает союз евразийских государств. Понятие «историческая Евразия» как целостное географическое и этнокультурное пространство было введено в научный оборот в начале 20-х гг. группой русских ученых, оказавшихся в эмиграции*. Одним из новых аспектов в исследованиях этих ученых было их обращение к изучению культуры евразийских народов в контексте процессов этногенеза и формирования специфики этнического сознания. Основная идея «евразийцев» в понимании сущности Русского государства и русского народа заключается в их кардинальном отличии от романо-германского (европейского) мира, их национально-культурной особости, рожденной в историческом сплаве восточнославянского и «туранского» этнических массивов. Под последним понимался широкий круг народов, принадлежащих к урало-алтайской языковой семье [Трубецкой, 1999, с. 146–155].

Однако первым, кто обратился к «евразийской проблеме» и наметил совершенно новый подход к ее решению, был английский географ и историк, один из основателей теории международных отношений Хэлфорд Джон Маккиндер. В 1904 г. в докладе на заседании Королевского географического общества английский ученый впервые представил нашу планету как некий культурно-географический текст, определяющий развитие всей истории человечества [Маккиндер, 1995, с.162–169]. В результате системного анализа истории Старого Света Маккиндер приходит к выводу о наличии на этом пространстве трех регионов, играющих ключевую роль в мировой истории и политике на протяжении Нового и Новейшего времени. Прежде всего это «осевой регион», или «срединная земля» (Heartland), территориально совпадающая с границами Российской империи, включая примыкающую к ней Монголию, – земли, которые он назвал «Евро-Азия». Затем – пространство «внутреннего полумесяца», занимаемое Германией, Австрией, Турцией, Индией и Китаем. И наконец, «внешний полумесяц», включающий Британию, Южную Африку, Австралию, Соединенные Штаты Америки, Канаду и Японию [Там же, с. 169].

Характеристика общей структуры планетарного пространства позволила Маккиндеру сделать целый ряд важных прогнозов по поводу будущей международной политики, которая, по его мнению, будет определяться соотношением сил трех ключевых регионов мира, обусловленным их социально-экономическим развитием. При этом если автор допускает различные варианты политического объединения отдельных стран внутреннего и внешнего «полумесяцев», то подобные отношения между «срединной землей» – Россией и обоими «полумесяцами», с его точки зрения, достаточно проблематичны, кроме весьма призрачного союза с Германией. «Пространства на территории Российской империи и Монголии столь велики, а их потенциал в отношении населения, зерна, хлопка, топлива и металлов столь высок, что здесь несомненно разовьется свой, пусть несколько отдаленный, огромный

*В неё вошли лингвист и этнограф князь Н.С. Трубецкой, географ и экономист П.Н. Савицкий, философ и богослов Г.В. Флоровский, музыковед и публицист П.П. Сувчинский, историки Л.П. Карсавин и Г.В. Вернадский, юристы Н.Н. Алексеев и В.Н. Ильин, провозгласившие себя евразийцами.

экономический мир, недосягаемый для океанской торговли (имеются в виду страны "внешнего полумесяца". – *Л.П.*)» [Там же, с. 168]. В становлении и развитии Евро-Азии, по мнению английского ученого, на протяжении многих веков важнейшую роль играли кочевые народы евразийских степей, внося в историю многих «народов момент непременного противостояния», которое стимулировало развитие мощных социально-политических процессов [Там же, с. 165]. Более того, британский геополитик первым высказывает мысль о преемственности Монгольской и Российской империй, которая в дальнейшем получила развитие в исследованиях многих российских ученых.

Идеи Х. Дж. Маккиндера в определенной мере повлияли на «евразийцев». Прежде всего это его тезис о необходимости сменить «европейский» угол зрения, присущий науке Западной Европы, что позволит представить историю Старого Света во всей ее целостности [Там же, с. 164–165]. Русские ученые дали достаточно жесткую оценку европоцентризму представителей западной научной мысли. Н.С. Трубецкой, например, писал: «Под "цивилизацией" они разумеют ту культуру, которую в совместной работе выработали романские и германские народы Европы. Под цивилизованными народами – прежде всего опять-таки тех же романцев и германцев, а затем и те другие народы, которые приняли европейскую культуру» [Трубецкой, 1999, с. 32]. Другим моментом явился вывод английского геополитика о «срединной земле», играющей ключевую роль в истории планеты. Именно история России и ее особое положение на территории Старого Света заняли центральное место в евразийской теории русских ученых.

Одним из самых значительных достижений «евразийцев» было обращение к исследованию культуры евразийских народов в контексте процессов этногенеза и формирования специфики этнического сознания. Анализируя структуру языка, музыки и эпического творчества тюркских народов с точки зрения отражения в них особенностей этнопсихологии, один из ведущих «евразийцев» – лингвист, филолог и этнограф Н.С. Трубецкой приходит к выводу, что «туранская психика сообщает нации культурную устойчивость и силу, утверждает культурно-историческую преемственность и создает условия экономии национальных сил, благоприятствующие всякому строительству». Эта устойчивость мировосприятия являлась основой и государственного строительства, и психологического принятия четкой государственно-политической системы с простой вертикальной иерархией власти, и беспрекословного подчинения низшего уровня высшему, и прочного сохранения своей культурной и религиозной доминант в условиях широкого этнокультурного взаимодействия [Трубецкой, 1999, с. 147–155]. Обрисованный выше характер тюркского менталитета Трубецкой выявляет как у финно-угров, так у монголов и русских, но если у первых он проявляется в очень смягченной форме, то у вторых – наоборот, в необычайно жесткой, что в целом и образует «туранский» тип мышления. «Туранский» компонент в русской психологии, наложившись на славянскую основу, был обогащен мощным воздействием православной религии и более широко – духовной культуры Византии, что не только обогатило ее широким спектром абстрактно-теоретических принципов мышления, но и окрасило эмоционально-психическую гамму русского мировосприятия глубоким духовно-религиозным миросозерцанием [Там же, с. 205–208]. Таким образом, несмотря на огромное этнокультурное разнообразие исторической Евразии, этническая психология значительного числа населяющих ее народов базировалась на общей генетической основе. Именно в этом заключается уникальность евразийского пространства, обеспечивающая устойчивость его полиэтничной «природы» на протяжении тысячелетий.

Как убедительно показал Гумилев, историческая Евразия оформлялась в течение длительного времени [Гумилев 1990а, б; 1992; 1993]. Начало этого процесса относится к моменту возникновения в Великой Степи культуры скотоводов-кочевников. Первыми своим движением с востока на запад охватили практически все степное евразийское пространство и в этом прорыве достигли Западной Европы хунны. С этого момента начинается интенсивное этнокультурное формирование исторической Евразии, то есть «срединной земли» (Heartland) в пространстве Старого Света по определению, предложенному Х.Дж. Маккиндером. Следующим шагом в этом процессе явился выход на историческую арену древних тюрков, не только создавших в степи первые государства, но и образовавших огромный тюркский мир, который занял прочное место в исто-

рии Старого Света. Значительно большим размахом и большей государственно-политической целостностью отличалась империя Чингисхана. Впервые ее границы охватили регионы, выходящие за пределы Великой степи, – северо-восточную Маньчжурию и Древнюю Русь. В последнем случае важным представляется то обстоятельство, что в состав нового государства кочевников впервые вошли земли, расположенные уже в лесной зоне. И если говорить о степени объединения и оформления исторической Евразии, то монголы совершили в этом направлении еще один шаг, достигнув более высокой стадии в строительстве единого этнокультурного пространства.

Следующий период в истории формирования евразийского этнокультурного мира наступает в XIV в., когда на исторической арене возникают Московское государство и этнос великороссов. Генетически этот этап был обусловлен предшествующими историческими и этническими процессами, но имел существенные отличия, которые определили новый облик евразийского пространства. Впервые в единое евразийское пространство были включены огромные земли Сибири, расположенные в таежной и тундровой зонах, а населяющие их народы были непосредственно вовлечены в общеисторический этнокультурный процесс. Кроме того, объединителем Евразии стал этнос с земледельческой культурой, что в значительной мере изменило структуру взаимодействия хозяйственно-культурных типов и практик в регионе и их воздействие на ландшафт, а также привело к возникновению совершенно иных этнокультурных связей и этногенетических процессов, завершив окончательное формирование «осевого региона» в структуре планетарного пространства.

Так, на протяжении веков ценой огромных усилий множества народов постепенно складывался этот особый, срединный между Западной Европой и Азией мир, который достиг наиболее четких контуров к концу XIX в. в границах Российской империи. Таким образом, особость пространства исторической Евразии, или Hearland'a, заключается не только в цельности географического пространства, но главное – в единстве его исторического развития. Эта «срединная земля» на протяжении тысячелетий являла собой колоссальный этногенетический горн, в котором в определенном временном ритме выплавлялись мощные культуры, государства, империи. И каждая из них являлась как бы фундаментом для последующей ступени в этнической истории «осевого региона».

Таким фундаментом для нового этапа развития исторической Евразии явился Советский Союз, в составе которого были образованы национальные республики с собственной административной системой, развитой инфраструктурой, своей экономической спецификой и, главное, высоким накалом этнического самосознания в сфере ведущих этносов, фактически достигшие государственного статуса. Вследствии этого распад СССР был неизбежен, хотя и был спровоцирован внешним давлением, придавшим этому процессу болезненный характер. Однако в последнее десятилетие вновь идет активное формирование евразийского пространства, но уже на новом политическом и правовом уровне, в основе которого лежит историческая, этногенетическая и этнокультурная уникальность «срединной земли» Евразии.

Литература

Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. – Л.: Наука, 1990а.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л.: Гидрометеоиздат, 1990б.

Гумилев Л.Н. От Руси до России. – Спб.: ЮНА, 1992.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: «Товарищество «Клышников-Комаров и Кº», 1993.

Маккиндер Х.Д. Географическая ось истории // Полис. – М.,1995. – № 4. – С.162–169.

Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 1999.

L.R Pavlinskaya

Historical Eurasia. Ethno-cultural dimension

For the first time the historical geopolitical role of Eurasia in world history was illuminated by the largest British geographer and historian M.D. Mackinder in 1904. The scientist considers our planet as some of cultural and geographic text consisting of several blocks (macro-regions), which determine the development of all history of humanity.

Among them, the special role takes to the so-called "axial region", "middle ground» (Heartland), «Euro-Asia", which coincides with the territorial boundaries of the Russian Empire. The author concludes that the region has great cultural and economic potential due to the special geographical location, wealth from natural and human resources, which determines its main role in the planet's history.

However, the potential of the "middle ground" historic Eurasia is also based on the specifics of its ethnic history. Huns, Turks, Mongols, Russian in its movement in the Eurasian space involved in the construction of ethno-cultural Ugric, Samoyed and Tungusic Manchu ethnic groups. "Heartland" for thousands of years is a tremendous ethno-genetic horn, which gradually smelted special ethnic and cultural integrity, which manifests itself in the consciousness of its member nations of its involvement in the common Eurasian world. This gave rise to a complementarity in ethnic, racial and inter-faith relations. The collapse of the Soviet Union led to the decay time of the ethno-cultural community. However, in the last decade, rapidly developing process of consolidation at a new political and legal level, which is based on historical, ethnic and cultural uniqueness and ethno-genetic "middle ground" of Eurasia.

Keywords: ethnic history, ethnic and cultural.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 811.512.157’374

П.А. Слепцов

О многотомном Большом академическом толковом словаре якутского языка

Авторы и редакция «Большого толкового словаря якутского языка» стремились воплотить в своем труде нормативно-регистрирующий тип словаря (по Л.П. Ступину) как наиболее перспективное и научное направление современной лексикографии. Они стремились, во-первых, максимально охватить лексическое и фразеологическое богатство современного якутского языка, во-вторых, дать наиболее полное толкование значения слов и фразеологических единиц и, в-третьих, сопроводить добротным и ярким иллюстрированным материалом каждое слово, значение, оттенок и нюанс. Подобный словарь должен эксплицировать лексико-семантическую систему национального языка, в чем заключается объективно-нормативный характер словаря. Данный новый тип толкового словаря состоит и в том, что он задуман как двуязычный: значение слов и фразеологических единиц в нем раскрывается на якутском и русском языках.

Ключевые слова: картотечная база, нормативно-регистрирующий тип словаря, базовый, двуязычный, объективно-нормативный.

В связи с открытием в 1935 г. в г. Якутске Института языка и культуры его основатель и первый директор П.А. Ойунский определил, что основной и неотложной задачей «...является создание нового, современного полного словаря якутского языка!» [Ойунский, 1993, с. 121]. К сожалению, вскоре великий сын якутского народа и многие его соратники стали жертвой репрессивной машины, и в течение 70 лет «главная и неотложная задача», поставленная выдающимся государственным деятелем, основоположником якутской советской литературы, крупнейшим организатором языкового и культурного строительства 20–30-х гг., оставалась невыполненной. Это явилось огромной потерей для якутского народа в плане развития его языка и культуры.

И только в 1972 г. (считая подготовительный этап), осознавая большое культурное и научное значение национального словаря и давно назревшую необходимость его создания, небольшой коллектив сектора якутской лексикологии и лексикографии Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР (ныне – Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН) приступил к чрезвычайно сложной, требующей много сил и энергии работе – составлению Большого толкового словаря якутского языка (далее – Словарь).

Ныне из печати вышел XI том словаря. Словарь в полном виде будет состоять из 15 томов (по 40–50 п.л.).

Работа началась, конечно, не на пустом месте. В прошлом якутская лексикография имела значительные достижения и добрые традиции. Еще в 1849 г. академик О.Н. Бётлингк своим «Якутско-немецким словарем», содержащим около 5 тыс. слов и не потерявшим своего научного значения до наших дней, заложил основу якутской лексикографии [Бётлингк, 1990]. «Словарь якутского языка» Э.К. Пекарского (1907–1930) известен как один из лучших словарей тюркских языков [Пекарский, 2008]. По многим параметрам словарь Э.К. Пекарского – уникальный и непревзойденный образец мировой лексикографии. Однако он не является словарем литературного языка, т.е. ориентирован на научное изучение якутского

© *П.А. Слепцов, 2015*

языка и, более того, на изучение различных аспектов истории якутского народа.

С 1930-х гг. стали создаваться краткие переводные словари, предназначенные для изучения якутского и русского языков на начальном этапе, из которых наиболее значимыми являются: «Русско-якутский словарь» Н.Н. Павлова, И.Н. Попова (Якутск, 1948; 1949), «Русско-якутский словарь» (М.: СЭ, 1968), содержащий 28500 слов, выпущенный под редакцией П.С. Афанасьева и Л.Н. Харитонова. А словарей, где собран и показан лексический состав якутского языка и где объясняется значение слов на якутском или русском языке, после выхода словаря Э.К. Пекарского опубликовано очень мало, не говоря уже об их незначительном объеме. Наиболее значимые из них – это «Якутско-русский словарь» (М.: СЭ, 1972) под редакцией П.А. Слепцова, содержащий 25300 слов, «Фразеологический словарь якутского языка» Н.С. Григорьева (Якутск, 1979) под редакцией Н.Д. Дьячковского.

Крупным достижением современной якутской лексикографии можно считать выпуск двухтомного «Фразеологического словаря якутского языка» А.Г. Нелунова [Нелунов, 1998; 2002] под редакцией П.А. Слепцова.

«Краткий толковый словарь якутского языка» (1994) представляет собой новое направление в истории якутской лексикографии. Он вышел по инициативе и под редакцией известного лексиколога и лексикографа, доцента П.С. Афанасьева и получил широкое признание в республике. В нем представлена наиболее содержательная, но малоупотребительная литературная лексика, которую читатель либо не знает, либо знает недостаточно (особенно молодые люди). Это строго нормативный словарь литературного языка. Несмотря на небольшой объем, он соответствует своему назначению и его можно считать вполне удавшейся работой. Данный словарь должен быть оценен как подарок известного педагога, языковеда П.С. Афанасьева, жившего и творившего ради родного языка, молодому поколению, чтобы оно повседневно приобщалось к роднику своего языка.

Теперь о том, как создавался Большой толковый словарь. Основная база, картотека начала пополняться цитатными карточками с 1972 г. В становление картотеки большой вклад внесла группа нашего научного сотрудника Н.С. Поповой. Позже эта работа была возложена на заведующую картотекой Л.Н. Аммосову. Она и ее коллеги прилагают большие усилия по пополнению картотеки, помогают авторам по уточнению иллюстративных примеров и источников.

С самого начала сотрудники сектора лексикографии, а также исполнители словарных статей из других секторов (Н.Н. Ефремов, Н.И. Данилова, Ф.Н. Дьячковский и др. – первоначально все языковеды входили в один сектор) отнеслись к работе со всей ответственностью, хорошо понимая её огромное значение и то что подобный труд может быть выполнен только преданными делу энтузиастами родного языка.

Постоянными авторами словарных статей и редакторами Словаря, с самого начала работавшими в нашем коллективе, были к.ф.н Н.Н. Васильева, к.ф.н А.Г. Нелунов, д.ф.н. П.А. Слепцов, к.ф.н. В.Д. Монастырёв. Нашим постоянным сотрудником был д.ф.н. Н.Е. Петров, который предоставлял материал из своих научных разработок по служебным и модальным словам.

Прекрасными словаристами были опытные старшие коллеги, к нашему большому сожалению, рано ушедшие от нас – П.С. Афанасьев (2000 г.), В.И. Лиханов (2003 г.), А.С. Луковцев (1994 г.), Г.В. Попов (2007 г.).

В процессе работы молодые сотрудники получили необходимый опыт и знания и в настоящее время стали хорошими лексикографами – это к.ф.н Е.В. Семенова, к.ф.н Н.М. Васильева, И.В. Аммосова, М.Д. Куличкина. В последние годы сектор пополнился новыми молодыми, весьма перспективными сотрудниками в лице к.ф.н. Е.П. Копыриной, к.ф.н. Л.В. Роббек.

Первоначально нас было всего четыре сотрудника, а работы – непочатый край, поэтому была проделана определенная работа по привлечению внештатных сотрудников со стороны, знатоков родного языка, учителей, преподавателей якутского языка. К сожалению, надежды на эту помощь не оправдались. Мы еще сами не осознавали всю серьезность и сложность нашей затеи и, как оказалось, напрасно обнадёжили многих, искренне желавших подключиться к словарному делу. Работы большинства из них оказались как бы «пробой пера» и в дальнейшем нашими лексикографами не использовались. Всем этим товарищам редколлегия приносит свои извинения.

Однако нашлись энтузиасты, которые работали долго и усердно и дали вполне удовлетворительные словарные статьи, которые после редакционной проработки были включены в тома сло-

варя, это ныне покойные Н.В. Скрыбыкин (бывший наш сотрудник, автор двух рукописных словарей) и журналисты-пенсионеры Е.В. Васильев, М.В. Колодезников.

Из тех, кто первоначально работал над словарными статьями, редколлегия и сектор посчитали возможным использовать статьи к.ф.н. Л.А. Афанасьева, который является соавтором II тома словаря.

Большую работу проводили редакторы томов. В силу высокого профессионализма постоянными ответредакторами томов стали: Н.Н. Васильева, А.Г. Нелунов, В.Д. Монастырёв, Н.И. Попова (русская часть).

Редколлегия Словаря весьма благодарна доктору филологических наук, профессору Е.И. Коркиной, оказавшей в бытность её директором института, огромное содействие в открытии специального сектора по лексикологии и лексикографии, а также бывшему директору ИГИ АН РС (Я), доктору исторических наук, профессору В.Н. Иванову, который за долгое время нашей совместной деятельности всячески поддерживал нас и наше дело.

Завершая долгую, кропотливую работу над созданием Словаря и приступая к изданию томов, коллектив отдела лексикографии считает своим долгом выразить признательность тем людям, с которыми работал долгое время дружно и, к сожалению, тем, которые не увидят выхода томов, – дорогим нашим коллегам, тонким знатокам родного языка, превосходным словаристам к.ф.н. П.С. Афанасьеву, к.ф.н. В.И. Лиханову, к.ф.н. Г.В. Попову и м.н.с. А.С. Луковцеву.

Создаваемый многотомный академический словарь якутского языка по своему замыслу и целевой установке представляет собой новый тип толкового словаря тюркских языков. Это, прежде всего, выражается в том, что словарь задуман как национальный словарь **нормативно-регистрирующего типа**.

Основное содержание и направление подобного типа словарей выражено в следующих словах известного историка лексикографии профессора Л.П. Ступина: «Эволюция толкового словаря национального языка от словаря предписывающего (жестко-нормативного. – *П.С.*) типа к словарю регистрирующего типа есть закономерный качественный переход в развитии национальной лексикографии, отражающей в частности, стремление лексикографов к более научному и объективному рассмотрению языка как социального явления» [Ступин, 1978, с. 154].

По нашему мнению, непреходящее значение словаря подобного типа заключается в стремлении зарегистрировать и показать многовековое богатство языка якутского народа, как можно полнее охватить и представить лексику якутского языка. Создатели словаря, преследуя указанные цели, руководствовались следующими принципами.

В Словарь включены лексические единицы, собранные из различных источников, употребляемые как в художественной литературе, так и в публицистике, печати и разговорной речи; слова, образованные посредством различных производящих средств; фразеологизмы; сложные и составные слова с терминологическим значением. Кроме того, здесь представлены редко употребляемые слова или вышедшие из употребления в современном разговорном языке, но встречающиеся в различных источниках, устаревшая лексика, народная терминология, а также наиболее перспективные и достаточно распространенные диалектные слова. Таким образом, составителями не был принят жесткий принцип ограничения лексических норм нашего молодого литературного языка. Основной словник включает слова и выражения, действительно получившие общенародное распространение в разговорной и письменной речи, т.е. слова, являющиеся первоисточником и основой нормативности.

Помимо заглавных слов, с наибольшей полнотой даются различные виды устойчивых словесных комплексов (далее – УСК) с толкованием их значений и иллюстративными примерами. В необходимых случаях к ним даются пометы, связанные с нормой. Якутский язык богат образными выражениями, УСК. При этом язык фольклора оказал весьма сильное влияние на развитие литературного языка, на устную речь, обогащая их различными изобразительными средствами, речевыми формулами, фразеологизмами. Поэтому составители придают большое значение собиранию, передаче и толкованию фразеологизмов и других устойчивых выражений.

Достаточно полное, четкое определение значения слов – это основная задача Словаря. Любому народу присущи свои история, образ жизни, культура, национальное самосознание, нравы и обычаи. Своеобразие народа, помимо этих особенностей, зависит от мировосприятия, миропонимания. Этот сложный комплекс составляющих

аккумулируется в особенностях содержательной стороны языка народа. Основное требование современной лексикографии состоит в том, чтобы толковый словарь как можно полнее и ярче отразил именно такие уникальные семантические особенности языка. В этом и заключается чрезвычайная сложность работы над толковым словарем.

Наиболее полное толкование значений слов – основной вопрос литературной нормы в Словаре. Овладение литературными нормами, бережное отношение к ним предполагают четкое знание каждого слова общенародного языка – как его общепринятого значения, так и его оттенков и нюансов. Умение употреблять слово в различных речевых ситуациях будет способствовать повышению культуры речи. В этом – определяющая нормативная роль и общекультурное значение Словаря.

Кроме того для усиления синхронического принципа нормативности авторы стремились с наибольшей полнотой показать семантическую структуру каждого слова на добротном иллюстративном материале из лучших образцов письменной литературы и фольклора, также особое внимание они уделяли современным изданиям, произведениям молодого поколения писателей. Но в тех случаях, когда по отдельным словам отсутствовали яркие цитатные иллюстрации, авторы приводят свои примеры в виде кратких фраз, словосочетаний, широко употребляемых в языке.

С целью дальнейшего развития и укрепления стилистических норм якутского литературного языка составители Словаря попытались более широко использовать употребляемые в стилистических работах пометы в словах, нуждающихся в той или иной характеристике.

Таким образом, авторы и редакция Словаря стремились воплотить в своем труде нормативно-регистрирующий тип словаря как наиболее перспективное и научное направление современной лексикографии. А это означает, во-первых, стремление с наибольшей полнотой охватить лексическое и фразеологическое богатство современного якутского языка; во-вторых, по мере сил и возможностей дать наиболее полное толкование значения слов и фразеологических единиц, их оттенков и нюансов; и, в-третьих, подобрать добротный и яркий иллюстративный материал к каждому слову, значению, оттенкам и нюансам. При этом, по нашему убеждению, удачные цитаты, иллюстративный материал могут существенно прояснить значение слов, что сделает их более понятными, ясными для носителя языка, чем многословное и нечеткое толкование.

Все это, прежде всего, относится к определению типа словаря как «регистрирующего». Что касается нормативности подобных словарей, то следует, безусловно, согласиться со справедливым утверждением того же Л.П. Ступина, который считает, что «регистрирующий словарь можно назвать и нормативным, однако лишь в том смысле, что он будет только верно отражать сложившуюся в языке систему норм, а не придумывать свою, далекую от реальности языка» [Ступин, 1978, с. 40, 41]. Подобный толковый словарь должен эксплицировать лексико-семантическую систему национального языка. В этом заключается объективно-нормативный характер издаваемого словаря.

Нормы литературного языка, как известно, покоятся на узуальных, коренных, традиционных свойствах и закономерностях языка. Кроме того, учитывая динамическую теорию нормы и язык классиков якутской литературы с заметным содержанием архаизмов и писателей новой формации с их инновациями, они (архаизмы, инновации) могут быть рассмотрены как периферия или реализуемая норма литературного языка.

Следует также подчеркнуть важный прагматический аспект, выраженный в следующих жестких словах ведущего теоретика лексикографии акад. Л.В. Щербы: «Мой педагогический опыт показывает мне одно: всякий краткий словарь вызывает у серьезных людей в конце концов раздражение, т.к. он всегда оказывается недостаточным во всех тех случаях, когда словарь действительно нужен» [Щерба, 1974, с. 289]. Следует признать, что многие испытывали это чувство раздражения и разочарования, особенно потребители наших кратких толковых словарей. Следующее жанровое своеобразие и фундаментальная лексикографическая проблема Словаря состоит в том, что он задуман как двуязычный: значение слов и фразеологических единиц в нем раскрывается на якутском и русском языках. Это – новый тип толкового словаря в подлинном смысле слова в тюркской лексикографии. Для младописьменных языков и особенно якутского языка с его своеобразной исторической судьбой подобный тип толкового словаря – это веление времени.

Двуязычность преследует следующие прагматические, лексикографические и чисто научные цели:

1) якутский язык с самого начала появления в научном мире привлекает пристальное внимание алтаистов, тюркологов, монголистов, участников различных академических экспедиций. Он лежит как бы на перекрестке трех больших языковых семей: тюркской, тунгусо-маньчжурской и монгольской. Однако до сих пор неясно, как, при каких исторических обстоятельствах якутский язык стал таким, каким мы его представляем, – это пока лингвистический «сфинкс». Поэтому интерес к научному изучению якутского языка во всем мире возрастает и будет возрастать. А между тем якутский язык в силу огромных изменений на всех уровнях стал практически недоступным даже тюркологам, монголистам и алтаистам. Поэтому задача состоит в том, чтобы через русский язык (один из мировых языков) обеспечить выход богатейшего материала Словаря в широкую научную сферу;

2) подобный двуязычный толковый словарь может стать незаменимым источником для сравнительных, сравнительно-исторических и особенно типологических исследований различных языковых семей. Известный компаративист и типолог Г.А. Климов писал: «Трудно сомневаться в том, что с течением времени главенствующую в этом отношении (в отношении выводов глоттогонического порядка. – *П.С.*) приобретает типологическая классификация, сообразно резко возрастающей ныне роли типологии среди других фундаментальных отделов науки о языке» [Климов, 1980, с. 22];

3) в условиях массового (в обозримой перспективе – общенародного) двуязычия якутского населения русская часть будет способствовать точному и более полному пониманию потребителями Словаря семантической структуры большого пласта пассивной лексики и фразеологии якутского языка;

4) в младописьменных языках словарный метаязык и дефинитивные определения слабо развиты, не имеют устойчивой традиции употребления. В этих условиях русские дефиниции, являясь как бы эквивалентами якутских толкований, призваны служить надежной опорой для лексико-семантической обработки, шлифовки последних, подтягивать их до уровня подлинных словарных дефиниций.

Большой толковый словарь якутского языка представляет собой новый тип национального двуязычного словаря нормативно-регистрирующего типа, входящего в ряд трудов, не разработанных в настоящее время специалистами других тюркоязычных республик. Несомненно, впоследствии он может стать основой для дальнейшей разработки словарей подобного типа и для составления аналогичных словарей для других тюркских языков, особенно младописьменных, поскольку практически все имеющиеся толковые словари, созданные на материале других тюркских языков, являются в основном средними и малыми по своему объему и одноязычными.

Большой многотомный толковый словарь является базовым, способным «порождать» словари различных типов и назначений. На его основе, прежде всего, должен быть создан однотомный толковый словарь среднего объема, предназначенный для широкого круга пользователей. Словарь будет лаконично, ясно определять значения слов и идиоматических выражений и давать примеры правильного, образцового их употребления в речениях и кратких цитатах. Таким образом, этот словарь должен стать пособием строго нормативным – в нем получат компактное описание нормы современного якутского литературного языка. Это должно проявляться и в подборе словника, и в толковании значения слов, в стилистических, грамматических пометах. Добротный нормативный словарь подобного типа будет реально способствовать повышению культуры якутской речи, укреплению норм литературного языка, выработке и закреплению у потребителей «светлого поля сознания нормы» (Л.В. Щерба, Л.И. Скворцов). Такая норма является ядром литературного языка, и только освоив ее до спонтанного навыка, можно почувствовать, говоря словами Л.В. Щербы, «всю прелесть обоснованных отступлений от нее». Такое чувство можно считать и показателем зрелости литературных норм, и стимулом для их дальнейшего развития. Поэтому составление подобного словаря – задача неотложная и назревшая.

Подготовка и издание многотомного национального толкового словаря – большое событие не только для его творцов-составителей, но и всего народа. Создание такого Словаря – это по существу результат огромного труда представителей нескольких поколений языковедов. На протяжении всей 80-летней истории нашего института изданий подобного объема и значения еще не было. Как сказано, Словарь преследует двуединую фундаментальную цель. Он призван демонстрировать, распространять и укреплять нормы национально-

го литературного языка. А, как известно, литературный язык является воплощением, носителем и орудием развития национальной культуры и духовности любого народа. Поэтому создание базовых толковых словарей везде и всюду считается делом государственной важности, делом национального престижа и национальной гордости.

И недаром великие ученые и лексикографы оставили многочисленные высказывания о значении национальных толковых словарей. Всем известны слова великого Вольтера: «Самая нужная для народа книга – это словарь его родного языка». Великий ученый современности академик В.В. Виноградов писал: «Работа по составлению толковых словарей родного языка – важное национальное дело» [Виноградов, 1977, с. 243]. Наш известный ученый, педагог, талантливый лексикограф П.С. Афанасьев считал толковые словари якутского языка самыми важными книгами для каждого из нас [Афанасьев, 1996, с. 115].

Другая цель Словаря, как было упомянуто выше, – дать выверенный материал для тюркологов, алтаистов для сравнительно-исторических исследований якутского, тюркских, алтайских языков.

Выполнение данного проекта по праву считается свидетельством подъема якутского языкознания на новую ступень развития.

Литература

Афанасьев П.С. Саха билиҥҥи тыла. Лексикология. – Дьокуускай, 1996.

Бётлингк О.Н. О языке якутов. Словарь. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 422–645.

Большой толковый словарь якутского языка. – Т. XI. – Новосибирск: Наука, 2014.

Виноградов В.В. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977.

Климов Г.А. К взаимоотношению генеалогической, типологической и ареальной классификации языков мира. – М.: Наука, 1980. – С. 6–23.

Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь. – Т. 1. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998.

Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь. – Т. 2. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2002.

Ойунский П.А. Якутский язык и пути его развития. – М., 1935.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – 3-е изд., испр. и доп. – Т. 1–3. – СПб.: Наука, 2008.

Саха тылын быһаарыылаах кылгас тылдьыта. – Дьокуускай, 1994.

Ступин Л.П. Каким должен быть толковый словарь: предписывающим или регистрирующим? И язык и общество. – Саратов: ЛГУ, 1978.

Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.

P.A. Sleptsov

About the multivolume Big Academy Explanatory Dictionary of the Yakut language

Authors and edition of the big explanatory dictionary sought to embody in his work the standard registering type of dictionary (according to A.P. Stupin) as the most perspective and scientific direction of a modern lexicography. It means, firstly, with the most complete coverage of lexical and phraseological richness of the modern Yakut language, secondly, to give the most fully to interpret the meaning of words and phraseological units; and, thirdly, to give good quality and bright illustrations to each word, value, shades and nuances. The similar dictionary has to explicate lexical-semantic system of the national language, what is the objective and standard character of the dictionary. It is new type of the explanatory dictionary consists also that it is conceived as bilingual: word meaning and phraseological units in it reveal in the Yakut and Russian languages.

Keywords: card-index base, the standard registering dictionary type, basic, bilingual, objective and standard.

УДК 811.512.157”282.2

С.А.Иванов

Итоги и задачи изучения якутской диалектологии

Автор вкратце освещает основные этапы становления якутской диалектологии, которая начиналась с предварительного сбора диалектного материала и первичных описаний некоторых якутских говоров. Упорная поисковая работа позволяла впоследствии написать ряд монографических работ, составить диалектологические словари и атласы. Дальнейшее фронтальное изучение говоров всех носителей якутского языка, в том числе якутов, обитающих за пределами Якутии, – требование времени, так как диалект – пережиточная форма существования языка, хранящая важные факты исторического развития языка и его носителей.

Ключевые слова: описание говоров, диалектная система, диалектное членение языка, диалектные ареалы, зоны, массивы; иррадиационные волны, центростремительные и центробежные движения; дальнейшее изучение говоров.

Первое плановое изучение якутских говоров началось со второй половины 30-х годов прошлого века, когда в 1935 г. при СНК ЯАССР был создан Научно-исследовательский институт языка и литературы. Малочисленные лингвистические кадры были всецело заняты практической работой по созданию литературного языка. Разработка первых орфографических правил требовала учитывать наиболее существенные диалектные расхождения родного якутского языка. Первыми собирателями диалектологического материала явились фольклористы С.И.Боло и А.А.Саввин. В 1940 г. Институт организовал первую специальную диалектологическую экспедицию в Мегино-Кангаласский, Чурапчинский и Таттинский районы. В этом же году по окончании аспирантуры Е.И.Убрятова успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Язык норильских долган», охарактеризовав его как своеобразный диалект якутского языка. Работа вышла в свет в 1985 г., т.е. спустя 45 лет после ее завершения, однако диалект таймырских долган на этот раз описан как самостоятельный тюркский язык [Убрятова, 1985].

В первые годы Великой Отечественной войны изучение диалектной системы якутского языка временно приостановилось и возобновилось с 1944 г. Н.С.Григорьев, работавший в то время завотделом языка и письменности института, опубликовал ряд статей, где он давал советы и задания корреспондентам на местах, как проводить сбор диалектологических материалов. Стали поступать корреспонденции с мест. Более качественные материалы были выполнены и высланы из Усть-Янского, Анабарского, Среднеколымского, Амгинского и Вилюйского районов.

Планомерное изучение говоров якутского языка началось только с 1950 г., когда была организована комплексная экспедиция ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР, в составе которой работал диалектологический отряд из 5 человек, охвативший Усть-Алданский и Амгинский районы. С тех пор ежегодно стали организовываться диалектологические экспедиции в разные районы республики.

С 1950 по 1992 г. были охвачены фронтальным диалектологическим обследованием все говоры якутов 29 районов ЯАССР. Кроме того, были организованы экспедиционные поездки в места проживания есейских, магаданских, бодайбинских, катангских, удских якутов и таймырских долган.

На основании собранных материалов сделаны первичные описания говоров якутского языка. Из этих работ опубликованы описания говоров только Аллаиховского, Момского, Абыйского, Среднеколымского, Кобяйского, Орджоникидзевского (Хангаласского), Ленского, Оленекского, Анабарского и Булунского районов.

На первом этапе изучения якутских говоров была написана монография «Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР» Е.И. Убрятовой, изданная в 1960 г. Впервые в якутском языкознании работа написана в сравнительно-сопоставительном плане. Она ознаменовала становление якутской диалектологии как самостоятельной науки. Вслед за этим написаны диссертационные работы Афанасьева П.С. «Говор верхоян-

© С.А. Иванов, 2015

ских якутов» (Якутск, 1965); Воронкина М.С. «Есейский говор якутского языка» (рукопись, 1965); Иванова С.А. «Аканье и оканье в говорах якутского языка» (написана в 1976 г., издана в 1980 г.); монографическая работа обобщающего характера Барашкова П.П. «Фонетические особенности говоров якутского языка: Сравнительно-исторический очерк» (написана в 1965 г., издана в 1985 г.).

К тому времени накопился большой фактический диалектологический материал. Возникла идея составления Диалектологического словаря. По инициативе М.С. Воронкина был создан авторский коллектив в составе М.С. Воронкина, П.С. Афанасьева, М.П. Алексеева, и в 1976 г. удалось издать основной том «Диалектологического словаря якутского языка», содержащий свыше 8500 лексических единиц. В «Словарь» вошли, прежде всего, диалектные слова, собранные Э.К.Пекарским, А.Е.Кулаковским, Г.В. Ксенофонтовым, С.И. Боло, А.А. Саввиным, а также лексические материалы всех первичных описаний якутских говоров.

В последующие годы продолжался сбор диалектологического материала. Зрела довольно смелая идея создания пробных диалектологических атласов якутского языка. В связи с этим были организованы экспедиционные поездки в Бодайбинский район Иркутской области, Тугуро-Чумиканский район Хабаровского края и в места обитания есейских, катангских и магаданских якутов. В результате всего этого возникла необходимость составить дополнительный том «Диалектологического словаря якутского языка». Словарь, составленный М.С. Воронкиным, М.П. Алексеевым и Ю.И. Васильевым, содержащий около 5000 слов, был издан в Новосибирске в 1995 г.

С выходом в свет диалектологических словарей впервые в якутском языкознании в научный оборот в более или менее полном объеме была введена диалектная лексика народных говоров якутского языка. Однако, как первый опыт свода диалектной лексики, словари не могут претендовать на полноту охвата всех диалектных слов и их значений. Тем не менее, создание диалектологических словарей – это первая в якутской лексикографии попытка систематизации, лексико-грамматической характеристики всего словарного состава якутских народных говоров. Труд этот, как единственный полный диалектный лексический справочник обобщающего характера, будет иметь непреходящее научное значение.

Первая попытка систематического изучения диалектной лексики предпринята в 1969–1971 гг. научным сотрудником ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР М.П. Алексеевым – соавтором двух диалектологических словарей якутского языка. Он написал раздел «Лексика» коллективного труда «Саха диалектологиятын очерката» («Очерк якутской диалектологии»), названный раздел в настоящее время находится в рукописном варианте в Архиве ЯФ СО РАН (Ф.5. Оп.12, д.127 – лл.321–534).

Главным достижением вышеупомянутого труда «Очерк якутской диалектологии», основные разделы которого «Фонетика» и «Морфология» были опубликованы на якутском языке в 1980 г., следует считать произведенное М.С. Воронкиным диалектное членение якутского языка. Согласно этой классификации мы сегодня имеем следующие диалектные зоны или группы говоров: 1) северо-западная группа говоров; 2) вилюйская группа говоров; 3) центральная группа говоров; 4) северо-восточная группа говоров. Кроме того, М.С. Воронкин по основному диагностическому признаку – лабиализованным и нелабиализованным вариантам произношения некоторых основ тюркского и монгольского происхождения и по другим фонетическим, грамматическим, лексическим признакам установил существование еще двух крупных диалектных подразделений: *западного диалектного массива и восточного диалектного массива* [см.: Воронкин, 1980, с.206–210].

Классификация якутских говоров, произведенная М.С. Воронкиным, стимулировала фронтальное изучение всех этих говоров по зонам: написана М.С. Воронкиным работа «Вилюйская группа говоров» (Рукопись, 1980); опубликованы: Воронкин М.С. «Северо-западная группа говоров» (Якутск, 1984); Иванов С.А. «Центральная группа говоров якутского языка» (Новосибирск, 1993); Коркина Е.И. «Северо-восточная диалектная зона якутского языка» (Новосибирск, 1992); Жиркова Р.Р. «Разговорная речь колымских якутов: структура, семантика, интонация (экспериментально-лингвистическое исследование)» (Якутск, 1992); опубликованы обобщающего характера работы: М.С. Воронкин «Диалектная система языка саха: образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика» (Новосибирск, 1999); С.А. Иванов «Морфологические особенности говоров якутского языка» (Новосибирск, 2014).

Еще не опубликованы: Шамаева А.Е. «Монгольские параллели диалектной лексики якутского языка» (Рукопись, 2012); Иванов С.А. «Лексические особенности говоров якутского языка» (Рукопись, 2012).

Одновременно с изданием вышеупомянутых трудов форсировалось создание четырех региональных диалектологических атласов якутского языка, что позволило составить сводные лингвистические карты "Диалектологического атласа якутского языка в двух частях", опубликованных в 2004 и 2010 гг., тем самым положено начало изучению диалектных особенностей территориальных диалектов якутского языка методами и приемами лингвистической географии.

Так, например, при картографировании основных диалектных особенностей якутского языка вырисовывались контуры ареалов, по всей вероятности, двух древних диалектных образований, условно названных нами *северным диалектным ареалом* и *южным диалектным ареалом* [об этом см.: Иванов, 2014, с. 266–271]. Изоглоссирование диалектных различий, характеризующих вышеназванные нами два древних диалектных ареала – северный и южный, и указанные М.С. Воронкиным западный и восточный диалектные массивы, также показывает картину существования четырех диалектных зон [см.: ДАЯЯ, I, карты 27–28; ДАЯЯ, II, карты 172-177]. Таким образом, произведенное диалектное членение якутского языка М.С.Воронкиным является более удачной классификацией, основанной на территориально-лингвистическом и территориально-историческом принципах.

Следует еще отметить, что прочтение всех лингвистических карт диалектологических атласов, составленных нами в течение 30 лет, убеждает нас в том, что древние диалектные образования, одним из основных диагностических признаков которых являются лабиализованные и нелабиализованные варианты произношения некоторых исконно тюркских и монгольских слов, сформировались не в результате распада единого языка в Среднеленском крае, а в итоге объединения двух основных якутоязычных племенных групп. Распад древнеякутского языка, по всей вероятности, произошел за пределами современной территории Якутии, где-то в области Циркумбайкальского региона или Верхнеленском крае. Тогда еще одна группа якутоязычного племени, вероятно, испытывала довольно сильное влияние древнеуйгурского языка, в результате чего в языке этой группы якутоязычных в ограниченном количестве исконно тюркских основ появились окающие варианты произношения. Впоследствии частотность употребления таких вариантов повысилась за счет фонетического освоения монголизмов, с точки зрения закономерностей якутского сингармонизма, имеющих асингармонический состав гласных. Однако такая манера произношения, похоже, остановилась на полпути: многие исконно тюркские и монгольские слова, от которых, судя по их древнему фонетическому облику, можно было бы ожидать неогубленные ~ огубленные варианты произношения, сохранились во всех якутских говорах, в том числе в окающих, в одном только неогубленном варианте. Вышесказанное, таким образом, свидетельствует о том, что появление огубленных вариантов вместо традиционно неогубленных является результатом десингармонизации, обусловленной влиянием преимущественно внеязыковых факторов.

Язык другой группы якутоязычного населения был более насыщен монгольскими языковыми элементами, что нередко имело консервирующее значение, так как сингармонизм гласных в монгольских языках также, как в якутском языке, определяется качеством гласного первого слога, хотя в них наблюдаются случаи нарушения гармонии гласных, вызванные различными внешними и внутренними причинами [об этом см.: Дарбеева, 1996, с.111–128]. Таким образом, неогубленные варианты произношения (т.е. аканье) в некоторых исконно тюркских основах и во многих монголизмах представляют собой традиционную манеру произношения, унаследованную от далекого прошлого и поддержанную на протяжении многих веков действиями закономерностей палатально-велярной гармонии гласных, сущность которого заключается в том, что качество гласных последующих слогов слова постоянно предопределялось качеством этимологического корневого гласного.

В результате миграционных движений якутского населения иррадиационные волны диалектных признаков среднеленского края распространились по периферийным зонам. Таким образом, якутские диалектные образования появились в итоге многовековых центростремительных, а потом центробежных движений носителей якутского языка в условиях субстратно-адстратных влияний.

В якутском языкознании не возникла бы проблема акающих вариантов произношения в определенном количестве слов исконно тюркского и монгольского происхождения, если бы на другой территории проживания якутоязычного населения не стали бы употребляться окающие варианты этих же слов. Неогубленные варианты произношения (т.е. аканье) восходят к глубокой древности, а огубленные варианты произношения (т.е. оканье) – явное новообразование, но не получившее широкого распространения.

Как известно, диалект – пережиточная форма существования языка. Но «поскольку именно диалекты хранят реликты прошлого и наряду с этим характеризуются новообразованиями, вскрывающими потенциальные возможности развития языка, изучение диалекта представляет собой одну из первостепенных задач теоретического языкознания» [Бородина, 1974, с.53].

Якутские диалектологи, историки языка в настоящее время не располагают памятниками древней письменности своих предков, где можно было бы обнаружить языковые особенности древнеякутских диалектов, которые имели бы существенное значение для объяснения происхождения некоторых диалектных различий современного якутского языка.

Было время, когда даже довольно скудный список нескольких десятков имен существительных и числительных послужил 350 лет тому назад Н. Витзену и Ф. Страленбергу веским основанием считать язык якутов тюркским, что, по мнению Г.В. Ксенофонтова «становится одним из решающих научных доказательств южного происхождения якутов» [Ксенофонтов, 1992, Т. 1, кн.1, с.35].

Придется констатировать, что не в столь отдаленном будущем диалекты постепенно исчезнут и тогда значение собранных диалектологических материалов, каждой статьи диалектологических словарей, каждой лингвистической карты диалектологических атласов будет возрастать. Все сказанное, таким образом, требует следующего: дальнейшего сбора диалектологического материала, составления большого диалектологического словаря по возможности с этимологическими справками; развернуть изучение разговорной речи магаданских, охотских, аяномайских, удских, амурских, читинских, бодайбинских, катангских якутов с применением методов экспериментальной фонетики и лингвистической географии.

Особого внимания требует диалектная лексика якутского языка, поскольку она по своему своеобразному и многообразному содержанию, многовековому историческому развитию довольно информативна: в ней воплощены результаты всей познавательной деятельности, итоги практического освоения экстремальных климатических условий Севера, а также отражены плоды культурно-эстетического и других достижений всех носителей якутских говоров. Сказанное требует специального научного изучения и издания капитальных монографических и диссертационных работ. Актуальны разработки тем, связанных, например, со следующими проблемами:

1) еще окончательно не определен исторический состав диалектной лексики якутских говоров: исконно тюркские слова, монголизмы, эвенкизмы, русизмы и другие. При внимательном наблюдении можно обнаружить древнетюркские, древнемонгольские, ирано-персидские, тибето-индийские, даже китайские и другие лексические элементы, свидетельствующие о каких-то древних связях далеких предков якутского народа;

2) семасиологическая характеристика диалектной лексики: однозначные и многозначные слова; прямое и переносное значение слов диалектной лексики; табу и эвфемизмы в диалектной лексике; омонимы, синонимы и антонимы, неологизмы и архаизмы в диалектной лексике;

3) фразеологизмы в диалектной лексике якутского языка;

4) продолжить изучение диалектной лексики по лексико-семантическим и лексико-тематическим группировкам: местные названия пищи и пищевых продуктов, одежды и посуды, охоты и рыболовства; местные названия растительного и животного мира, частей тела, болезней и лечебных средств; меры длины, величины, объема и т.д.

5) аффиксальные и неаффиксальные способы словообразования диалектной лексики якутского языка; и многие другие.

Литература

Бородина М.А. О типологии ареальных исследований // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. – Л.: Наука, 1974. – С.43 –54.

Воронкин М.С. Саха диалектологиятын очерката: Фонетика уонна морфология. – Якутскай, 1980. – 244 с.

Воронкин М.С. Диалектная система языка саха: образование, взаимодействие с литературным языком и

характеристика. – Новосибирск: Наука, 1999. – 197 с.

Дарбеева А.А. Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков: Фонетика. – М.: Наука, 1996. – 171 с.

Иванов С.А. О древних диалектах якутского языка // Всадники Северной Азии и рождение этноса: Этногенез и этническая история саха. – Новосибирск: Наука, 2014. – С.266–271.

Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. – Т.I, кн.1. – Якутск: Нац.изд-во РС(Я), 1992. – 416 с.

Убрятова Е.И. Язык норильских долган. – Новосибирск: Наука, 1985. – 216 с.

Список сокращений

ДАЯЯ, I – Диалектологический атлас якутского языка. Сводные карты. Ч.I: Фонетика./ сост. С.А. Иванов. – Якутск: Изд-во ЯФ СО РАН, 2004. – 128 с.

ДАЯЯ, II – Диалектологический атлас якутского языка. Ч.II: Морфология и Лексика. Сводные карты / сост. С.А.Иванов. – Новосибирск: Наука, 2010. – 178 с.

S.A. Ivanov

Results and problems of studying of the Yakut dialectology

In this paper, the author briefly highlights the main stages of the Yakut dialectology, which began with a preliminary collection of dialectal material and primary descriptions of some of the Yakut dialects. Search resistant work allowed later to write a number of monographic works, make dialectological dictionaries and atlases. Further frontal studying of dialects of all carriers of the Yakut language, including Yakuts living outside of Yakutia, is the requirement of time because the dialect – a relict form of existence of language, but keeps the important facts of the historical development of the language and its speakers.

Keywords: description of dialects, the dialect system, dialectal division of language, dialect areas, zones, arrays; irradiation waves, centripetal and centrifugal movements; further studying of dialects.

УДК 81’373.235

Е.Р. Николаев

Об изучении якутских антропонимов

Статья представляет собой краткий обзор истории изучения якутских антропонимов в связи с исследованиями по грамматике якутского языка. Анализируются аспекты, направления, общность и индивидуальность рассмотренных работ.

Ключевые слова: прозвища, антропонимы, собственные имена, личные имена, топонимы, образные глаголы, фоносемантика, заимствованные имена, система имен, словообразование антропонимов, история изучения.

Историю изучения якутских антропонимов необходимо рассматривать в тесной связи с историей изучения якутского языка в целом, так как в нашем распоряжении существуют в большинстве случаев отрывочные исследования по якутской антропонимике. Все выводы по тем или иным аспектам лингвистических исследований личных имен составляют в совокупности историю изучения якутских антропонимов.

Источники изучения якутских антропонимов. Основными источниками для изучения личных имен служат словари, именники, списки прозвищ, исторические материалы, а также именники, составленные по фольклорным текстам. В этом аспекте «Словарь якутского языка» Э.К. Пекарского [Пекарский, 1959] является одним из основных источников в изучении якутских антропонимов. По нашим подсчетам, в Словаре зафиксированы 926 мужских прозвищ, 64 женских

© Е.Р. Николаев, 2015

прозвища (в том числе имена известных шаманов и названия родов (аҕа, ийэ ууһа)), 114 заимствованных из русского антропонимикона мужских имен, 33 – женских. Включенные в Словарь прозвища были определены Э.К. Пекарским поразному: *'прозвище', 'мужское прозвище', 'собственное имя', 'имя', 'прозвище (имя) шамана', 'название рода (аҕа, ийэ ууһа)', 'кличка человека', 'имя родоначальника', 'якутское прозвище', 'детское имя', 'имя кузнеца', 'имя знаменитого певца', 'имя новорожденного мальчика', 'детское прозвище', 'предок якутов', 'родовое якутское имя', 'прозвище старика', 'название одного из поколений рода', 'прозвище дьячка', 'прозвище человека', 'женское прозвище', 'имя девушки', 'прозвище, данное ей мужем', 'имя девочки', 'имя шаманки', 'имя легендарной старухи'* и т.д. По поводу антропонимов из Словаря Э.К. Пекарского Е.И. Оконешников сделал вывод, что «большинство якутских прозвищ состоит из образных слов и образных глаголов, что может быть объяснено их семантической особенностью» [Оконешников, 1982, с. 66]. Тут необходимо отметить, что древние, дохристианские якутские прозвища являются т.н. прозвищными именами («личные некалендарные имена, возникшие из прозвища, выполняющие функцию официального личного имени» [Подольская, 1978, с. 117]), но ввиду употребления их и в качестве «собственного имени», и в качестве «основного официального имени, данного человеку при рождении», и «неофициальной формы имени» [Там же, с. 69], уместно использовать термин «антропоним», «собственное имя» или «личное имя». Таким образом, термин «якутские прозвища» тождественен терминам «якутский антропоним», «якутское личное имя», «якутское собственное имя».

В качестве источника может служить и список, который был опубликован в «Материалах по истории Якутии XVII века (документы ясачного сбора)», являющийся «полным каталогом всех якутских (мужских) имен» [Материалы..., 1970а, с. XX; 1970б]. Но, как отметил С. Токарев, «якутские имена в документах читаются порой в весьма сомнительном виде, зачастую явно искажены при передаче через толмачей и малограмотных подъячих» (*Такуул Каясыло, Кулут Тотомин, Моргочо Себлей* и т.п.) [Там же, с. XX]. Для изучения исконно якутских имен может быть полезным также и список прозвищ якутов, составленный И.А. Худяковым [Худяков, 1969, с. 420–430], включающий 454 прозвища, которые были распространены в Верхоянском округе (из них 224 произошли от образных слов [Афанасьев, 1990, с. 117]), например, *Алчах, Атарбас, Баттык, Боҕорбой, Быкыйа, Дьэһирбэй, Котоорой, Күүкэ, Мыкыр, Хабатаа, Токур, Чахааһай, Ыдаҕар* и т.п. Современным источником якутских имен является электронный «Справочник якутских имен и фамилий», который содержит 3225 якутских личных имён и фамилий (718 – мужских имен, 872 – женских и 1635 фамилий) [Справочник..., 2014]. Источником для изучения отдельной категории антропонимов – фольклорных имен – является именник персонажей олонхо Н.В. Емельянова [Емельянов, 1980].

Именник, который был составлен историком Ф.Г. Сафроновым [Сафронов, 1985] имеет тоже большое значение как лексикографический материал. Автор классифицировал якутские прозвища (имена) по их исходной семантике, рассмотрел их этимологию, изучил традиции имянаречения.

Изучение грамматики и морфологии антропонимов. В изучении якутских антропонимов важную роль играют исследования О.Н. Бётлингка, С.В. Ястремского по грамматике якутского языка. Первые упоминания о якутских антропонимах (в т.ч. и заимствованных из русского языка) есть в известном труде О.Н. Бётлингка [Бётлингк, 1990]. Он включил в свой словарь имена божеств, духов (*Күбэй Хотун, Байанай* и др.), названия улусов (племен, родов, прародителей) (*Бахсы, Нам, Баатылы, Ботурус, Бороҕон, Омоҕой баай* и др.), а также заимствованные имена (*Аана/Анна, Баска/Васька, Кириллэ/Кирилл, Кристэпэр/Христофор, Хасыйан/Касьян, Өгрөпөнө/Агриппина, Өлөксөй/Алексей, Уйбан/Иоганн (Иван)* и др.). Таким образом, следует полагать, что изучение морфологических признаков слова и языка в целом не обходится и без замечаний по собственным именам.

С.В. Ястремский отметил заимствованные имена в связи с суффиксом совместного падежа простого склонения *-лан, -лаан*: «Соучастие в действии вместе с подлежащим и другого лица выражается суффиксами: *-лан: (-лэн, -лон, -лөн), -тан, -дан* и т.д., *-дан* и т.д., *-нан* и т.д. Эта форма в именах нарицательных почти не ходит. Но она вполне возможна от имен собственных: *Ааналаан* 'с Анною', *Уйбааннаан* 'вместе с Иваном'» [Ястремский, 1938, с. 162]. С.В. Ястремский указал на то, что этот аффикс «очень часто присое-

диняется к именам собственным и к именам лиц известной должности, профессии, ремесла, занятия, давая тогда именам значение собирательных» [Там же].

Л.Н. Харитонов рассмотрел якутские личные имена в связи с образованием образных глаголов: «... уместно обратить внимание также на существование значительного количества людских прозвищ и кличек, представляющих собой различные глагольные формы (преимущественно образные и звукоподражательные – *Аҥай, Арбай, Хаҥкый, Сыллай, Бааҕынаан, Ньэлчэс* и т.п.)» [Харитонов, 1954, с. 17]. «... Значительная часть прозвищ представляет собой образные глаголы, выступающие в форме основы, а также в различных производных формах...» [Там же, с. 210]. Л.Н. Харитонов также отметил самостоятельную роль аффикса *-аар* (*Дыйаар, Мычаар*) [Там же, с. 255].

Е.И. Убрятова рассмотрела морфологические средства выражения экспрессивности в заимствованных антропонимах (аффиксы *-чык, -ык(ка)* (*Бүөтүккэ/Бүөтүр, Сүөэдэркэ/Сүөдэр*), *-тай (Үрүҥ Уолантай, Кулантай*), *-с* (*Ааныс/Аана, Даайыс/Даарыйа, Ньукулай/Ньукуус* и т.п.), *-каан* и *-чаан*, *-лыыр* (*Омоҕойдуур оҕонньор, Элиэнэлиир эбэкэйбит*) [Убрятова, 1950, с. 267, 269–270], *-лаан* (*Дьөгүөрдээн, Маайыстаан, Тааттакайдаан*) [Там же, с. 272]. Также Е.И. Убрятова в соавторстве с Н.Е. Петровым, опубликовала обзорную статью «Якутские имена» [Справочник..., 1965; 1987], где были даны заимствованные имена и фамилии (*Өлөөнө, Өрүүнэ, Миитэрэй, Хабырылла, Дьаакыбылап, Ойуунускай* и др.), их русское и якутское написание, их словообразование с помощью аффиксов *-скай, -лаан, -чаан, -а*, а также литературные имена (*Уулаах Уйбаан, Баһыахтыыр Балбаара, Күннэй, Сайсары* и др.) и образованные новые имена от имен героев легенд (*Омоҕой, Эллэй, Манчаары)*, от имен героев олонхо – *Туйаарыма, Ньургун, Уолан*. В отличие от подобных статей в переизданиях данного Справочника, в статье верно указано, что «большинство якутских имен – русские», но не упоминаются прозвищные имена. Такое обстоятельство может привести к неверному представлению, что у якутов не было собственных, исконно якутских имен до начала христианизации.

Некоторые выводы Е.И. Убрятовой были развиты в статье К.Ф. Гриценко, которая отметила такие словообразовательные аффиксы: *-кы (-ку), -й;* уменьшительные формы: *-дыыр, -лиир, -нуур, -ныыр* [Гриценко, 1970, с. 159–162]. Помимо этого, К.Ф. Гриценко является автором статьи «Якуты», в которой даны: анализ современной антропонимической модели трехчлена, соответствующего русской «имя+отчество+фамилия» (*Егор Захарович Иванов*), заимствованных имен (*Анна-Аана, Григорий-Киргиэлэй, Павел-Байбал* и т.п.), широко распространенных словообразовательных аффиксов *(-с, -ча, -лаан, -чик, -лыыр, -ка*: *Дьаакыпчаан, Маарыйа, Уйбаанныыр, Ааныка, Уйбаанчык* и т.п.). Автор выяснил мотивацию выбора исконного имени (прозвища), при этом указал, что многие имена-прозвища утратили свои этимологические значения (*Бухха, Мээнчэ, Лаппарыйа, Ычыгыр* и др.). В статье отмечена тенденция возрождения собственных якутских имен (*Айал, Айдар, Дюлустан, Нюргун, Айта, Сайсары, Сардана* и т.п.) с постепенным четким разделением на мужские и женские (с помощью аффикса *-а*), а также образования якутских фамилий от имен (*Тайахов, Кыльяров, Тингеев* и др.) [Системы..., 1989, с. 358–362]. У К.Ф. Гриценко прозвища определяются и анализируются в качестве якутских имен собственных.

А.И. Рудных на основе документов по истории Якутии XVII – начала XVIII вв. в своей статье пишет о «развитой национальной антропонимической традиции, системе имен» [Рудных, 1970, с. 223]. Автор сделал вывод, что «национальные имена вытеснены русскими антропонимами до положения вторых имен. (...) Вторые имена стали важным источником якутского фамильника». Таким образом, автор придерживается термина «якутское прозвище/якутское собственное имя».

В статье С.Ф. Табаровской, как и в исследованиях Е.И. Убрятовой, были отмечены уменьшительно-ласкательные аффиксы *-ка, -каан, -лаан, -лыыр, -с, -ча, -чаан, -чык, (-ык)ка.* Автор пришла к выводу, что «значительное количество якутских прозвищ определяет черты характера (положительные и отрицательные), свойства и наклонности, физические преимущества и недостатки» [Табаровская, 1970, с. 22].

Более обстоятельный анализ можно найти в статье Е.А. Шмаковой, в которой автор представила итоги исследования 772 личных имен, прозвищ и фамилий якутов, определив, что мотивация выбора прозвища в якутском языке связана с различными сторонами жизни [Шмакова, 1974, с. 97]. Автор выделила исконные прозвища (*Лахаан*

Эмээхсин, Осохчут, Бабат, Ахыый, Тюргэн и т.п.), заимствованные прозвища, связанные с христианизацией якутов и постепенным отходом от исконных прозвищ (*Хаптагын Сэмэн, Минньигэс Миитэрэй, Мутук Сааба, Торуой* и т.п.), факты о наделении человека с русским именем двумя-тремя исконными прозвищами (*Васильев Петр Егорович – Бээгэй, Маадjах*), а также сгруппировала якутские прозвища по семантическим признакам (названия животных, птиц, растений; названия предметов быта и окружающей среды; названия явлений, качеств, действий, состояний; термины родства). По тексту можно понять, что Е.А. Шмакова склонна считать якутские антропонимы прозвищами, а не исконными личными именами: «... после принятия православия якуты заимствовали русскую систему личных имен, которые стали их единственными именами. Но наряду с ними у якутов бытуют прозвища...» [Там же, с. 94].

Если грамматические, морфологические особенности якутских антропонимов в общих чертах были затронуты исследователями, то *фонетический аспект* исследований только зарождается и первые попытки были сделаны Л.А. Афанасьевым. Он, проанализировав 5954 якутских мужских имени из именника Ф.Г. Сафронова, указал, что более 1300 имен являются образными словами, которые, «... превращаясь в личные имена, в какой-то степени теряют первичное, свободное состояние, они как бы делают прыжок в другую орбиту, приобретая более предметное состояние» [Афанасьев, 1990, с. 116]. Таким образом, автор, придерживаясь термина «личные имена», ставит новую задачу для ономастов – выявить и определить знаковость личных имен в фоносемантическом аспекте.

В свое исследование разнообразных форм имен собственных важные замечания внес Н.Д. Дьячковский: «... С помощью этих аффиксов *(-каан, -чаан: Кэдээкээн, Мородукаан, Маайысчаан* и т.п.) ... образуются имена собственные, названия местностей, клички животных...» [Дьячковский, 1993, с. 103–136]. Также Н.Д. Дьячковский отметил, что якутский аффикс *-тай (-дай)* непосредственно связан с аффиксом *-тай (-дай)* в монгольском языке, с помощью которого образуются названия местностей и имена собственные [Там же, с. 121].

Изучение лексико-семантических особенностей якутских антропонимов. К исследованию якутских имен в свое время подключались и русоведы. Например, работа проф. Н.Г. Самсонова охватывает имена жителей г. Якутска по данным органов ЗАГС. Автор классифицировал якутские фамилии по 22 группам и проанализировал распространение якутских имен: «... следует заметить, что в 1930 г. список якутских имен был чуть больше, чем в последующие годы. Взлет же этих имен отмечается в семидесятых–восьмидесятых годах» [Самсонов, 1989]. Его труд значим тем, что система новых якутских имен была исследована в социологическом аспекте.

Лексико-семантические особенности личных имен, заимствованных из русского антропонимикона, были подробно рассмотрены в трудах П.А. Слепцова [Слепцов, 1964; 1975]. Он проанализировал изменения согласных в заимствованных именах (дистактная ассимиляция, диссимиляция, назализация, метатеза, замещение), привел такие термины, как «сүрэхтэммит аата» («крещеное имя»), «нууччалыы» или «нууччатын аата» («русское имя»), «үчүгэй аата» («хорошее (приличное) имя»), а также безродовые фамилии у женщин, что может быть доказательством и традиционного имяобразования без аффиксов, и утраты его в наше время [Слепцов, 1975, с. 71–72].

В своей диссертационной работе Н.И. Филиппова рассматривает лексический состав, структуру собственных имен персонажей эпоса олонхо, проводит сравнительно-сопоставительный анализ имен, выявляет более тридцати различных аффиксов в именах персонажей олонхо, тем самым устанавливает, что исконно якутские имена имеют эпические корни [Филиппова Н.И., 2013]. Интересные изыскания в области этимологии фольклорных имен предоставляет В.М. Никифоров [Никифоров, 2002]. Им проанализированы титулярные имена персонажей олонхо: «Рассмотрение имен собственных героев якутского фольклора, относящихся к титулатуре (*Тойон, Туйгун, Дархан, Тыгын* и т.п.), анализ их в совокупности дает возможность утверждать, что у предков якутов была такая же политическая структура, социально-экономический строй, как у народов соседних современных им государств – древних тюрков, енисейских кыргызов» [Там же, с. 72]. Традицию изучения фольклорных антропонимов продолжает В.В. Филиппова, которая рассматривает антропонимический (звукосемантический) код собственных имен в якутских загадках (*Күөрээн-аарааан, Эргэл-дьэргэл, Быһа Быакатта, Хоруо хара Хоруодьа* и др.), выделяет якут-

ские прозвища, сказочно-мифологические имена и антропотопонимы, заимствованные из русского языка [Филиппова В.В., 2013].

При изучении антропонимов необходимо учитывать и некоторые выводы топонимистов, в частности В.Д. Монастырева: «Образование топонимов от имен, фамилий и прозвищ, оказалось одним из продуктивных. Зафиксировано 527 таких топонимов. Личными именами чаще названы места старых поселений, заимок, а также временных летовок (*Былатыанаптар отордоро, Лэпсэй Элгээнэ, Лыксыгыр Сайылыга* и т.п.)» [Монастырев, 1993, с. 19]. Также В.Д. Монастырев раскрыл способы образования современных якутских личных имен [Монастырев, 2014, с. 48–50]. Источники и способы образования антропотопонимов-монголизмов центральных улусов Якутии с точки зрения топонимиста были рассмотрены Н.М. Ивановым. Проанализированные им аффиксы-монголизмы являются также и словообразовательными аффиксами исконных имен, образованных от образных глаголов, например, *Мандаҕан, Сэгэбил, Тараҕана, Былтаҕар, Чэриктэй* и др. [Иванов Н.М., 2001].

Сравнительно-исторический аспект изучения антропонимов. В изучении антропонимов важное место занимают исследования в сравнительно-историческом аспекте. В своем труде С.А. Иванов сделал подробный анализ словообразования антропонимов (*Омоҕой, Эллэй* и др.), подтвердив их монгольские корни [Иванов С.А., 1980, с. 91]: «Многочисленные антропонимы древних якутов: *Аймак, Амудай, Багалдай, Баканай, Калагай, Магалай, Омогой, Сатага (...)*, в какой-то мере напоминающие монгольские слова, а также этнонимы: *Өлүөтү, Сортуол, Тумат, Хоро*, видимо, свидетельствуют о том, что здесь [в Центральной Якутии] когда-то звучала монгольская речь» [Там же, с. 96]. Позднее С.А. Иванов расширил свои изыскания в аффиксах *-лдаан* [Иванов С.А., 2014, с. 149–150]; *-ча* [Там же, с. 86]; отметил признаки «уподобительного падежа» в аффиксе *-аайы* [Там же, с. 87], которые могут быть в будущем использованы для выявления других словообразовательных аффиксов и определения общих формул словообразования якутских антропонимов. Сравнительно-сопоставительное изучение лексики якутского языка было продолжено в монографии Ю.И. Васильева, где были рассмотрены аффиксы *-тай, -дай,* используемые для образования некоторых личных имен: «В подобных именах кажется оправданным видеть сравнительное значение аффикса *-тай*: *Хахадай, Күннэй*; Ср. имя *Айдай* – луноподобная в киргизском языке» [Васильев, 1986, с. 33].

Научно-популярные труды. Особый пласт в изучении якутских имен составляют научно-популярные статьи, труды отдельных исследователей-энтузиастов. Первой статьей публицистического характера о якутских именах считается статья Г.В. Баишева-Алтан Сарына. Он предлагал отойти от православных заимствованных имен и вводить в обиход якутские имена, фамилии и отчества без заимствованных аффиксов: «... аҕабыт аатын бастатан киллэриэхтээхпит... Холобур, Алтан уола Күн Сарын, Күн уола Кус Сарын...» [Баишев, 1928]. Богатым источником для изучения исконных антропонимов служит картотека известного топонимиста М.С. Иванова-Багдарыын Сүлбэ, которая содержит около 50 тыс. единиц собственных имен [Монастырев, 2012, с. 42]. А популярное издание учителя С.И. Жиркова [Жирков, 1990] основано на опыте изучения имен разных народов. Общие заметки о личных именах якутов и разных народов содержатся в книге Е.В. Федорова [Федоров, 1999]. Значительный вклад в возрождение и популяризацию якутских имен внесли составители якутского именника Л.А. Афанасьев-Тэрис и А.Н. Павлов-Дабыл [Айыы ааттара, 1994; Тэрис, 2012]. В этих изданиях даются образцы более 1200 якутских имен, приводятся их источники, разъясняется смысловая нагрузка, дается русское написание.

Таким образом, история якутской антропонимики, как и якутского языкознания в целом, хотя и развивается стихийно [Филиппов, 2006, с. 61], но идет по пути традиционных направлений исследований якутского языкознания, т.е. лексикографических, исторических, фольклорных материалов. Труды О.Н. Бётлингка, Л.Н. Харитонова, Е.И. Убрятовой и др. служат источниками для дальнейших сравнительно-исторических, этимологических исследований. Наиболее основательно изучены имена персонажей фольклорных произведений. В будущем необходимо систематизировать первоисточники якутских антропонимов, т.е. составить полный именник, организовать систему исследований в аспекте междисциплинарной связи (языкознание–история–этнография-культурология–социолингвистика и др.). Из этого следует, что углубленное изучение якутской антропонимики, как общественного проявления

языка [Там же], является задачей тесно связанной с развитием якутской филологической школы.

Литература

Айыы ааттара / Хом. оҥордулар Афанасьев Л.А., Павлов А.Н. – Дьокуускай: «Ситим» КИФ, 1994. – 31 с.

Афанасьев Л.А. Переход образных слов в знаковые слова / Якутский язык: семантика, фразеология: сб. науч. тр. – Якутск: ЯНЦ СО АН СССР, 1990. – С. 115–122.

Баишев Г.В.-Алтан Сарын. Ааты сахатытар туһунан // Кыым. – 1928. – Ахсынньы 13 к.

Бётлингк О.Н. О языке якутов / пер. с нем. В.И. Рассадин – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990. – 646 с.

Васильев Ю.И. Способы выражения сравнения в якутском языке. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1986. – 109 с.

Гриценко К.Ф. Личные имена и прозвища у якутов // Антропонимика. – М.: Наука, 1970. – С. 155–166.

Дьячковский Н.Д. Саха тылыгар сорох экспрессивнэй-эмоциональнай сыһыарыылар / Саха тыла: лексика, грамматика / Научнай үлэлэр хомуурунньуктара. – Дьокуускай: СГУ, 1993. – С. 103–136.

Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. – М.: Наука, 1980. – 375 с.

Жирков С.И. Киһи аатын туһунан. – Якутск: Кинигэ изд-вота, 1990. – 200 с.

Иванов Н.М. Монголизмы в топонимии Якутии / АН РС (Я), Ин-т гуман. исслед.; отв. ред. д.ф.н. Н.Д. Дьячковский. – Якутск, 2001. – 204 с.

Иванов С.А. Аканье и оканье в говорах якутского языка. – Якутск: Кн. изд-во, 1980. – 184 с.

Иванов С.А. Морфологические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2014. – 248 с.

Материалы по истории Якутии XVII века: (документы ясачного сбора): в 3 ч. / Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1970а. – Ч. 1, LIII. – 158 с.; 1970б. – Ч. 3. – С. 1117–1265 с.

Монастырев В.Д. М.С. Иванов-Багдарыын Сүлбэ топонимикаҕа үлэлэрэ / Современное состояние и перспективы развития якутской ономастики / Материалы Республиканской научной конференции и круглого стола, посвященного 80-летию Иванова М.С.-Багдарыына Сюлбэ. – Якутск.: ИГИиПМНС СО РАН, 2012. – С. 40–46.

Монастырев В.Д. Способы образования современных якутских личных имен // Евразийский Союз Ученых. – 2014. – № V. – С. 48–50.

Монастырев В.Д. Структура и семантика топонимов (на материале топонимии правобережных районов Центральной Якутии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Якутск, 1993. – 22 с.

Никифоров В.М. Стадии эпических коллизий в олонхо. – Новосибирск: Наука, 2002. – 208 с.

Оконешников Е.И. Э.К. Пекарский как лексикограф. – Новосибирск: Наука, 1982. – 144 с.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: в 3 т. – 2-е изд-е. – Л.: Изд-во АН СССР, 1959.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Изд-во «Наука», 1978. – 198 с.

Рудных А.И. Вторые имена у якутов // Антропонимика. – М.: Наука, 1970. – С. 223–224.

Самсонов Н.Г. Наши имена. – Якутск: Кн. изд-во, 1989. – 144 с.

Сафронов Ф.Г. Дохристианские личные имена народов Севера-Востока Сибири. – Якутск: Кн. изд-во, 1985. – 200 с.

Системы личных имен у народов мира. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1989. – 383 с.

Слепцов П.А. Русские лексические заимствования в якутском языке (дореволюционный период). – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1964. – 196 с.

Слепцов П.А. Русские лексические заимствования в якутском языке (послереволюционный период). – М.: Изд-во «Наука», 1975. – 256 с.

Справочник личных имен народов РСФСР / под ред. Н.А. Баскакова и др. – М.: Сов. энцикл., 1965. – 254 с.

Справочник личных имен народов РСФСР: Рек. М-вом юстиции РСФСР в качестве практического пособия для работников органов записи актов граждан. состояния РСФСР / под ред. А.В. Суперанской (отв. ред.), Ю.М. Гусева. – 3-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1987. – 656 с.

Справочник якутских личных имен и фамилий [электр. вариант]. – Якутск, 2014.

Табаровская С.Ф. Заимствованные собственные имена и традиционные прозвища в якутском языке // Языки и литература народов Сибири. – Новосибирск, 1970. – С. 165–175.

Тэрис. Сахалыы аат. – Дьокуускай: Якутский край, 2012. – 41 с. (Айыы суолунан).

Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. – Ч. I: Простое предложение. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 304 с.

Федоров Е.В. Ааккыттан саҕалыах. – Дьокуускай: Литограф, 1999. – 63 с.

Филиппов Г.Г. История изучения якутского языка и ее перспективы // Вестник ЯГУ. – 2006. – Т. 3, № 4. – С. 58–61.

Филиппова В.В. Семантический анализ антропонимов (на материале якутских народных загадок) // The Journal of Siberian Studies (SAD). – 2013. – Т. 1. – № 1. – С. 90–102.

Филиппова Н.И. Собственные имена персонажей в якутском эпосе олонхо: структура и семантика [электр. версия диссертации] – Якутск, 2013. – 182 с.

Харитонов Л.Н. Типы глагольной основы в якутском языке. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 312 с.

Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. – Л.: Наука, 1969. – 441 с.

Шмакова Е.А. К семантике якутских антропонимов // Вопросы ономастики. – 1974. – № 7. – С. 93–97.

Ястремский С.В. Грамматика якутского языка: пособие для педагогов / под ред. проф. Б.М. Гранде. – М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1938. – 227 с.

E.R. Nikolaev

About learning Yakut anthroponyms

The article presents a brief overview of the history of Yakut anthroponyms research, in connection with research on the grammar of the Yakyt language. Here analyzed aspects, directions, commonality and individual of reviewed works.

Keywords: nicknames, anthroponyms, proper names, personal names, toponyms, figurative verbs, phonosemantics, borrowed names, names system, word formation of anthroponyms, the history of research.

УДК 811.512.157’366.58

Е.М. Самсонова

Объектный дистрибутив и его разновидности в якутском языке

В рамках функционального подхода представлена семантическая структура микрополя объектного дистрибутива в якутском языке. Подробно рассмотрены диверсативный, цислокативный, амбулативный и квазидистрибутивный подтипы, выявлены их план выражения и особенности функционирования.

Ключевые слова: дистрибутивная множественность, объект, переходность, адресат, аффикс многократности, лексическое значение глагола, локализаторы.

Под ***дистрибутивностью*** подразумевается один из универсальных семантических типов глагольной множественности, внутреннюю сущность которого определяет «выражение расчлененности выполнения действий разными участниками ситуации или подчеркнутость полного охвата всех участников ситуации действием» [Долинина, 1996, с. 240].

Несмотря на то, что вопрос о семантической структуре дистрибутива до сих пор остается дискуссионным [Там же, с. 241], многие исследователи сходятся в выделении в нем нескольких эмпирически регулярных разновидностей [Dressler, 1968; Теория функциональной..., 1987; Храковский, 1989 и др.]. Большинство классификаций при этом преимущественно базируется на дифференциации актантов, основанной на оппозиции их «единичности/множественности»: в зависимости от типа актанта дистрибутив может быть ***субъектным*** или ***объектным*** (в субъектном дистрибутиве новым участником в каждой из повторяющихся ситуаций является субъект, в объектном – объект).

Объектный дистрибутив по аналогии с макрополем дистрибутивной множественности может быть представлен в виде функционально-семантического поля с планом содержания и планом выражения. Теория функционально-семантических полей (ФСП), разработанная А.В. Бондарко, подразумевает под данным понятием систему разноуровневых средств языка, объединенных на основе общности и взаимодействия их семантических функций [Бондарко, 1985, с. 21–22]. Одной из основополагающих черт ФСП является различие в его структуре оппозиции «ядро/периферия».

В якутском языке ядро объектной дистрибутивности образуют формы многократности с аффиксами *-талаа*, *-таа*, *-аттаа*. При этом немаловажное значение имеет переходность/непереходность глагола-основы, поскольку объектный дистрибутив может быть представлен только переходными глаголами. Как отмечает исследователь Л.Н. Харитонов: «...с переходными глаголами, когда объект действия выступает во множественном числе, а субъект в единственном, многократный глагол выражает… кратность, мыслимую обычно

© Е.М. Самсонова, 2015

как ряд действий, охватывающих последовательно несколько объектов» [Харитонов, 1960, с. 25]. Из вышеуказанных аффиксов наибольшей выраженностью значения множественности обладают формы с *-таа* и *-аттаа*: *Чэрэниилэ тохтубут, строка дьиэктэммит кэлимнэрин көтүртээн, саҥа кэлим кумааҕылары сыһыартыыр* (АА СК, с. 329) ‘Укрепляя запачканные чернилами, с ошибками листы, приклеивал новые’; *Кыыһырдаҕына, билиҥҥи эрбэһин курдук, тииттэри турута тыытан быраҕаттыыр* (АА СК, с. 118) ‘Когда рассердится, он вырывает и раскидывает лиственницы как сорняки’; *Ыстапаанньыйа чэй кутаттаан барда* (К КТ, с. 24) ‘Степанида начала разливать чай’ и т.п.

Поскольку «объектно-дистрибутивные значения могут образовывать только глаголы с валентностью на дополнение» [Долинина, 1996, с. 241], следующим обязательным компонентом в высказываниях является наличие прямого дополнения, выступающего в форме множественного числа, либо выражающегося собирательными существительными, парными существительными, иногда в сочетании с количественным числительным, неопределенно-количественными именами (*хас да, элбэх* и др.), однородными членами предложения и т.п. Среди подобных конструкций наиболее употребительным в якутском языке является оформление с помощью винительного падежа (*-ны*, *-ы*).

На лексическом уровне в качестве специализированных репрезентантов объектного дистрибутивного значения могут выступать различные наречия, указывающие на последовательность выполнения повторяющихся действий. Например, последовательность охвата группового актанта подчеркивается удвоенными наречиями *биир-биир* ‘одного за другим’, *биирдии-биирдии* ‘по одному’. Могут сочетаться как с аффиксальными формами многократности, так и с редуплицированными деепричастиями: *Оҕонньор чохчойон олорон ыт оҕолорун биирдии-биирдии уурталаан, имэрийэ-имэрийэ ымманыйда* (АА СК, с. 109) ‘Старик, сидя на корточках, по-одному клал щенят и счастливо улыбался, поглаживая их’; *Кини остуолга кэлэн хортууһун уурда уонна ньургуһуннары биир-биир ыла-ыла, сэбирдэхтэрин тэрэччи тутуталаан көннөртүү турда* (АА СК, с. 134) ‘Он, подойдя к столу, положил картуз, затем стал брать по-одному подснежники и расправлять их лепестки’.

Меньшей выраженностью среди лексических репрезентантов обладает наречие *тус-туспа* ‘по отдельности’, *туһунан* ‘отдельно’, подчеркивающее раздельность выполняемых действий: *Уонна тус-туспа: иһин туһунан, этин туһунан туос сандалыга уурталаан кэбистэ* (Э СО, с. 81) ‘Затем он разложил на берестяной стол отдельно внутренности и отдельно мясо’ (Э СО, с. 83).

Кроме наречий, при объектном дистрибутиве часто используется местоимение *барыта* ‘всех’, ‘каждого’ и т.д. В отличие от предыдущих лексических средств, с помощью данной лексемы подчеркивается охват повторяющимися действиями всего множества объектов, исключительно всех частей множественного объекта. Например, *сүөһүлэрин барытын өлөртөө, хостору барытын нүөмэрдэтэлээ*; *... илдьэ тахсыбыт үөрдэрин-абааһыларын... – бука барыларын үүртэлээн дьүһүйдэ, ыыталаан кэбистэ* (ПО ТА II, с. 32) ‘взятых с собой злых духов... – всех до единого он прогнал назад, отпустил их’ и т.п.

Ближе к периферии расположены другие грамматические средства выражения – ***редуплицированные деепричастия*** на *-ан* и *-а (-ыы)*, поскольку в зависимости от лексического значения глагольной основы они указывают также на его длительность (продолжительность) или интенсивность. В высказывании данные деепричастия преимущественно используются в сочетании с аффиксальными формами многократности. При этом каждая часть редуплицированного деепричастия и аффикс *-талаа* призваны обозначать последовательность действия, отдельные акты которого совершаются друг за другом, по-одному. Например, *Керенскэй «дэбиэринэс» суруктар киппэлэрин ыла-ыла аһаҕас түннүгүнэн Витим уутугар элитэлиир* (НЯ Т, с. 383) ‘Керенский, хватая пачки «доверительных» писем, бросает их (по очереди) через открытое окно в воду Витима’; *Кытыыга ыы сылдьар соболору чабычаҕынан сабыта охсо-охсо, дьөлөҕөһүнэн илиибин батары биэрэ-биэрэ, тутуталаан ыллым* (ИГ ХК II, с. 35). ‘Накрывая берестяным сосудом (чабычах) нерестящихся возле берега карасей и просунув через дыру руку, изловил их всех’.

На материале якутского языка семантическая структура объектного дистрибутива включает частное значение адресатного дистрибутива, для ситуаций движения – объектного диверсатива и цислокатива, амбулатива. Отдельного рассмотрения также требуют случаи с квазидистрибутивной семантикой. Каждый из указанных подтипов

объектного дистрибутива имеет свои особенности репрезентации.

С собственно-объектным дистрибутивом нередко совмещается ***адресатный дистрибутив***, отличающийся тем, что новым участником в каждой из повторяющихся ситуаций является актант-адресат. Выражается глаголами передачи (*биэр* ‘давать’, *бэлэхтээ* ‘дарить’, *туттар* ‘вручать, давать’ и т.п.), преимущественно с аффиксами многократности, и сопровождается дополнительными лексическими средствами:

- *биирдии бэйэлэригэр* ‘каждому в отдельности’: *биирдии бэйэлэригэр үстүү куулу биэртэлээтэ* ‘каждому выдал по три мешка’; *Булчуттарга биирдии бэйэлэригэр сүүстүү ботуруону тутартаата* ‘охотникам каждому в отдельности выдал по сто патронов’;

- *хас биирдии* ‘каждому’: *хас биирдии киһиэхэ кинигэ бэлэхтээтилэр* ‘каждому подарили по книге’.

В рассмотренных лексемах подчеркивается конкретная единица множественного адресата, в отношении которого производится повторяющееся действие. Количество распределяемого объекта при этом может быть разным и передается с помощью разделительных числительных (*биирдии* ‘по одному’, *алталыы* ‘по шести’, *уончалыы* ‘приблизительно по десять’, *иккилии-үстүү* ‘по две-три’ и др.).

Для ситуаций движения – диверсатива и цислокатива отдельно выделяются субъектные и объектные подтипы значений. Данные значения взаимно противопоставлены: они обозначают движение субъектов/объектов из центра в разные стороны и из разных сторон к центру.

В конструкциях с ***объектным диверсативом*** в форме множественного числа или собирательного имени выступает дополнение, а глагол движения чаще всего представлен каузативом. В якутском языке некоторые глагольные основы, обозначающие перемещение объекта, изменение его пространственного положения по отношению к другим предметам, участникам, уже сами имеют диверсативное значение. В основном это переходные глаголы со значением движения относительно некоторой общей исходной точки (приобретения, передачи, отчуждения): *түҥэт* ‘делить, распределять’, *тарҕат* ‘раздавать, разбрасывать, рассыпать; распускать, разгонять’; *ыс* ‘разбрасывать, раскидывать, рассеивать’; *тамнаа* в знач. ‘разбрасывать что-либо’; *уллэр* ‘делить, разделять’. Например, *уруок саҕаланыытыгар учуутал үөрэнээччилэригэр кинигэ түҥэттэ* ‘в начале урока учитель раздал ученикам книги’; *старшина халыҥ телогрейка үллэрэн уллэҥнэтэр* (С ОЫТУо, с. 5) ‘старшина поспешно раздает телогрейки’; *кыыһыран малларын тамныыр* ‘от злости раскидывает вещи (кидается вещами)’ и т.п.

Остальные глаголы приобретения, передачи или отчуждения могут служить средством выражения диверсативного движения лишь в сочетании с аффиксами многократности: *биэртэлээ* от *биэр* ‘давать, отдавать’, *үүртэлээ* от *үүр* ‘гнать, выгонять, прогонять’, *ыыталаа* от *ыыт* ‘пускать, отпускать’, *маһаартаа* от *маһаар* ‘ отпускать, выпускать ‘ и др. Например: *таҥаспын оттормастар тымныыттан тоҥон көрдөөбүттэрин иһин кинилэргэ биэртэлээтим* (Э СО, с. 250) ‘одежду раздал деревьям, так как они просили, замерзая от холода’ и т.п. Могут сочетаться с аффиксами многократности: *кини суруктары тарҕаталаабыта* ‘он разнес письма’; *малларын-салларын ыһыталаата* ‘разбросал вещи’; *«Кэдэлдьи» булгунньаҕын үрдүттэн баайы-дуолу бар дьоҥҥо түҥэтэлээн үллэ-дэбилийэ турар, санааҕа баар Миитэрэйи...* (АА СК, с. 201) ‘они в мечтах видели Дмитрия, который, стоя на вершине холма Кэдэлджи, увлеченно раздавал людям несметные богатства’ и т.п.

Обстоятельства, обозначающие направления движения в разные стороны, в данном случае являются контекстуально зависимыми и не могут относиться к специальным средствам выражения. Таковы, например, наречия *онно-манна* ‘то тут, то там’, *тула* ‘вокруг’: *тула ыс* ‘брызгать вокруг, разбрызгивать’; *онно-манна ыыталаа* ‘отправить в разные стороны, туда-сюда’ и т.п.

Цислокатив, по определению исследователей, – подтип дистрибутивной множественности, «описывающий движение совокупности участников с разных стороны в некоторую общую конечную точку» [Храковский, 1989, с. 40]. Отличительной чертой ***объектного цислокатива*** является то, что дополнение выступает в форме множественного числа или бывает собирательным, а глагол движения представлен каузативом.

Значение объектного цислокатива может содержаться в самой семантике глагольных лексем типа *мус* в знач. ‘собирать кого-, что-л. в одном месте’, *хомуй* в знач. ‘собирать’, *түм* в знач. ‘собирать, сосредоточивать’, *хаай* ‘загонять кого-л.

куда-л.', *сим* 'набивать что-л. чем-л., запихивать, заталкивать что-л. во что-л.; загонять, запихивать кого-л. куда-л.', *ук* 'вкладывать куда-л.' и т.п. Например: *Баары-суоҕу барытын мунньан... солуччахха саламааттаатылар* 'Собрав все, что осталось, ...приготовили в котелке саламат'; *Баарбын-суохпун барытын мунньан биэртим үрдүгэр өссө үөҕэҕин!* 'Я отдал тебе, (собрав) все, что у меня осталось, а ты меня еще ругаешь (поносишь)!'; *дьону мунньахха түм* 'созвать людей на собрание'; *сүөһүнү хааччахха хаай* 'загнать скот в загон' и т.п.

В большинстве случаев данные глаголы сочетаются со вспомогательным глаголом, обладающим семантикой завершенности *ыл*. Например, конструкции «*хомуй + ыл (хомуйан ыл)*» и «*үүр +ыл (үүрэн ыл)*»: *Дьиэлээх киһи быһыытынан «хоноһолорун» сэптэрин-сэбиргэллэрин барытын хомуйан ылан, «уурдаран» кэбиспит* 'Как хозяин, он собрал оружие своих «постояльцев» и отнес подальше'; *баайдарын барытын үүрэн ылан баран бэйэлэрин...* 'согнав все их богатство, их самих нужно...'. Как видно из примеров, здесь в качестве одного из обязательных компонентов выступает использование дополнительного указания – лексемы *барытын* 'все, всех'.

К ситуациям движения относится и ***амбулатив***, обозначающий «движение... последовательно через ряд единичных пунктов пространства, которые в сумме составляют некоторый совокупный локативный актант» [Храковский, 1989, с. 40].

В качестве основного репрезентанта амбулатива, как и в других ситуациях движения, выступает семантика глагола. В перечень амбулативных глаголов входят *аас* 'миновать, проходить', *туораа* 'переходить', *кэрий* 'обходить (много мест)': *Киниэр элбэх олбуордары, кыбаарталлары аастылар...* 'Они миновали множество дворов, кварталов...'; *Хас да хонуктаах сылаалаах айаҥҥа бэрт элбэх киэҥ алаастары, халыҥ систэри туораатылар* (АА СК, с. 313) 'За несколько дней изнурительного пути они прошли через значительное количество просторных аласов, перевалили через широкие лесные возвышенности'; *Чүөчээски күрээтэҕин күн быһытын туох баарын барытын кэрийдэ* (СО А II, с. 122) 'В день своего побега Чечэски обошел все плотины'.

Совокупный локативный актант может быть выражен двумя способами:

- множественным существительным (*үрүйэлэри* 'речки', *аата-ахсаана биллибэт алаастары* 'бесчисленное количество аласов', *бэрт элбэх ыскаамыйалары* 'множество скамеек'): ... *(Сүбэлиирэп) үрдүк дулҕалааx бүтэй үрүйэлэри туораталыыр* (АА СК, с. 255) 'Сюбялиров миновал глухие речки с высокими кочками'*; ...бэрт элбэх ыскаамыйалары туораталаан хаҥас түгэхтэн түөһүллэн кэлбит мааны таҥастаах киһи торум курдук хара бытыгын туора-маары соттумахтаата...* (АА СК, с. 238) 'из левой глубины зала, с трудом перешагивая через множество скамеек, вышел человек в добротной одежде, погладил рукой свои черные усы...' и т.п.;

- именной конструкцией (имя существительное в исходном падеже + имя существительное в дательном падеже): *уулуссаттан уулуссаҕа туораталаан* 'переходя с улицы на улицу'; *лабааттан лабааҕа ойуолуур* 'прыгая с ветки на ветку' и т.п. Например: *Ханна баран иһэригэр кыһаллыбакка уулуссаттан уулуссаҕа туораталаан, сүүрэ-сүүрэ хааман элэстэнэн истэ* (АА СК, с. 318) 'Не обращая внимание на то, куда направляется, он шел стремительным шагом, переходя с улицы на улицу, временами даже бежал'.

Для подчеркивания всеобщего охвата сопровождается собирательным местоимением *барыта*: *Дорооболоһордуу дьиэ дьонун барытын кэрийэн... баран, ыт кырдьаҕас тойонугар төннөр* (АА СК, с. 101) 'Обойдя, словно здороваясь, всех домочадцев, собака возвращалась к своему старому хозяину'; *Чугас алаастары барытын кэрийиҥ!* (АА СК, с. 297) 'Осмотрите все ближайшие аласы!'.

Аффиксы многократности, присоединяемые к амбулативным глаголам, лишь подчеркивают и усиливают данное значение. Иногда они сочетаются с лексическими средствами, выражающими интервал и последовательность выполнения повторяющихся действий (*биир-биир* 'по одному, один за другим', *утуу-субуу* 'постепенно' и т.п.).

Кроме вышеуказанных разновидностей дистрибутивного значения, на наш взгляд, в якутском языке встречаются случаи выражения ***квазидистрибутива***, который в той или иной степени может быть отнесен к объектному дистрибутиву и в основном напрямую зависит от характеристики объекта:

1) если это имена, не поддающиеся подсчету по единицам, то действие осуществляется в несколько приемов (при каждом приеме затрагивается некоторая часть объекта и в результате охватывается полностью весь объект). Например: *бы-*

тыгыттан муустаах кырыаны сыыйыта тардан илгитэлээтэ (АА СК, с. 259) ‘по частям снимал с усов иней и бросал (в итоге – снял весь иней)’; *иэдьэгэй бытархайын сотон ылан уугa бырaҕаттаата* (АА СК, с. 148) ‘бросала в воду кусочки творога, оставшиеся на дне туеска (в итоге – выскребла все)’. В этих примерах на то, что действие осуществляется в несколько приемов, указывает лишь форма многократности;

2) если повторяющиеся действия совершаются над частями, образованными в результате предыдущего действия, но все вместе – над одним общим объектом: *эти быс, кырбаа* ‘резать, нарезать мясо’ (на кусочки, потом эти кусочки тоже нарезаются – в итоге получается нарезанное мясо), *маһы хайыт* ‘расколи полено’ (расколоть надвое, потом получившуюся половинку еще раз расколоть) и т.п. Квазидистрибутив в основном выражается семантикой глаголов разделения или повреждения. В некоторых случаях требуется дополнительное лексическое средство: *...быаны хас да хос гына бүк тутта* (АА СК, с. 197) ‘несколько раз сложил веревку’ (сложил один раз, потом то, что получилось, сложил еще раз и т.д.). Могут употребляться аффиксы многократности: *тоһуталаа, бысталаа, хайыталаа* и т.д.: *Төннүүтүгэр оҕонньор хаппыт лабаалары тоһуталаан биир сиргэ чохчолоон баран уматаары тобуктаан турар эбит* (АА СК, с. 309) ‘Вернувшись, он увидел, что, наломав сухих веток и и сложив их в кучу, старик, стоя на коленях, собирается развести огонь’.

Таким образом, с семантической точки зрения в якутском языке объектный дистрибутив означает ряд последовательных повторяющихся действий единичного конкретного субъекта, направленных в каждый новый момент своего воспроизведения на отдельный самостоятельный объект совокупного актанта. Несмотря на утверждение о том, что «дистрибутивная интерпретация возможна всегда, когда предикат имеет множественный аргумент» [Татевосов, 2005, с. 125], в целом объектный дистрибутив в якутском языке имеет ряд репрезентантов, в той или иной мере выражающих данное значение. Немаловажными факторами при этом являются переходность глагола, падежное оформление дополнения и характеристика совокупного актанта.

Список сокращений

АА СК – А*мма Аччыгыйа-Мординов Н.Е*. Сааскы кэм. – Дьокуускай: Кинигэ изд-вота, 1994.

ИГ ХК II – *Гоголев И.М*. Хара кыталык. – Якутскай: Кинигэ изд-вота, 1982. – Кн.2.

К КТ – *Күндэ-Иванов А.А*. Кыыһар туһат. – Якутскай: Кинигэ изд-вота, 1979.

НЯ Т – *Николай Якутскай-Золотарев Н.Г*. Төлкө. – Якутскай: Кинигэ изд-вота, 1988.

ПО ТА II – *Ойуунускай П.А*. Талыллыбыт айымньылар. – Дьокуускай: Бичик, 2005. – II т.

С ОЫТУо – *Сомоҕо-Федоров П.П*. Ол, ыҥырар тырымнас уоттар. – Дьокуускай: Бичик, 1999.

СО А II – *Суорун Омолоон-Сивцев Д.К.* Айымньылар. – Дьокуускай: Бичик, 1996. – Т. 2.

Э СО – *Эргис Г.У*. Саха остуоруйалара. – Дьокуускай: Бичик, 1994.

Литература

Бондарко А.В. К теории функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. – М.: Наука, 1985. – С.16–29.

Долинина И.Б. Количественность в сфере предикатов // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / под ред. А.В. Бондарко. – СПб.: Наука, 1996. – С. 219–245.

Татевосов С.Г. Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания. – 2005. – №1. – С. 108–139.

Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / под ред. А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1987. – 347 с.

Харитонов Л.Н. Формы глагольного вида в якутском языке. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 179 с.

Храковский В.С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций. – Л.: Наука, 1989. – С. 5–53.

Dressler W. Studien zur verbalen Pluralitat, Iterativum, Distributivum, Durativum, Intensivum in der allemeinen Grammatic, im Lateinischen und Hethitischen. – Wien: Bohlaus Nachf., 1968. – 253 p.

E.M. Samsonova

Object distribution and its variants in the Yakut language

As part of the functional approach presented semantic structure microfield object distribution in the Yakut language. Details considered diversative, collectively, ambulative, and quasi-distributive subtypes revealed their plan of expression and features of functioning.

Keywords: multiplicity distribution, object, transitivity, the addressee, multiplicity affix, lexical meaning of the verb, localizers.

УДК 811.512. 157’366.5

И.Б. Иванова

Функционально-семантическое поле временной количественности в якутском языке (суточное время)

Объектом функционально-семантического исследования являются языковые средства выражения суточного времени, одного из основных составляющих функционально-семантического поля «природное время». Функционально-семантическое поле «суточное время» в якутском языке состоит из 5 микрополей *сарсыарда* «утро», *күнүс* «день», *түөртүүр* «послеобеденное время», *киэһэ* «вечер», *түүн* «ночь». Выявлены основные лексические, лексико-морфологические, лексико-грамматические средства: аффиксы, придающие наречиям разные семантические оттенки, прилагательные, обороты с формой *-ыыта*, фразеологические единицы.

Ключевые слова: якутский язык, функционально-семантическая грамматика, категория темпоральности, языковые средства выражения циклического времени, «природное время».

Исследование временных ориентиров природного времени любого народа дает возможность установить его самобытную особенность и неразрывную связь между человеком и окружающей его средой. В сознании человека существуют два вида времени: циклическое и линейное. Циклическое время охватывает природные циклы, возвраты, повторы одних и тех же событий, таких, как восход и заход солнца, фазы луны, смена сезонов и др. Они отражают «циклы человеческой жизни, времен года и реализуются в соответствующей лексике, называющей данные циклы: ночь, день, год, лето, зима и др.» [Кужугет, 2014, с. 30]. А линейное время – это время, которое представляет единичные, неповторимые, уникальные события в необратимом жизненном процессе [Яковлева, 1994, с. 101].

Существуют разные виды циклического времени: сезонное (годовое) время, солнечное, лунное, суточное время и т.д., которые можно объединить под термином «природное время» [Кужугет, 2014, с. 30]. К природному времени относятся времена года и части суток. Также к ним подключаются данные народного календаря, который считается отражением природного времени.

В данной статье объектом исследования послужили лексические, лексико-морфологические и лексико-грамматические средства выражения суточного времени в якутском языке.

Сутки – это малая временная единица, делящаяся на день/ночь в соответствии с оппозицией свет/тьма. Определение времени человеком зависело от хода небесных светил, от движения солнца, его отражения на земле, от других природных факторов, а также от хода хозяйственной деятельности.

Структура макрополя суточного времени состоит из микрополей: *сарсыарда* ‘утро’, *күнүс*’день’, *түөртүүр* ‘полдник’, *киэһэ* ‘вечер’, *түүн* ‘ночь’.

1. В сознании человека «утреннее время» – это время от рассвета до 11 ч. утра (4–5 ч. до 11 ч.).

Общее название утреннего времени выражено наречием *сарсыарда* ‘утро, утром’. ***Сарсыарда*** *таһырдьа тымныы* ‘Утром на улице холодно’. Также наречие *сарсыарда* ‘утром’ в зависимости от функции в предложении может быть существительным: *Кэрэ да* ***сарсыарда****!* ‘Какое пре-

© И.Б. Иванова, 2015

красное утро! «Слово *сарсыарда* представляет собой композит из *сарсын* + *эрдэ* ‘завтра + рано» [Бётлингк, 1990, с. 622].

Значение *сарсыарда* может усиливаться определяющими наречиями: *сарсыарда эрдэ* ‘рано утром’, *сарсыарда олус эрдэ* ‘очень рано утром’ и т.д. ***Сарсыарда эрдэ*** *киирэн көрбүттэрэ* ‘**Рано утром** заходили посмотреть’.

Временные наречия, определяющие утреннее время, образуются с помощью падежных аффиксов.

Наречие времени *сарсыарда**нан*** ‘под утро, к утру’, утра’, состоящее из наречия *сарсыарда* и аффикса орудного падежа *-нан*, указывает, что действие происходит перед самым рассветом, буквально в конце ночи и перед началом утра, под утро: ***Сарсыарданан*** *биирдэ утуйдулар* ‘Уснули только под утро’.

Наречие *сарсыарда**ттан*** ‘с утра’, состоящее из *сарсыарда* и аффикса исходного падежа *-ттан*, обозначает, сколько времени длится действие, начиная с какого времени длится действие: *Мин эйигин* ***сарсыардаттан*** *күүтэбин* ‘Я тебя с утра жду’.

Наречие *сарсыарда**тын*** ‘по утрам’ состоит из *сарсыарда* + *-та* + *-н*: аффикса притяжательности 3 л. *-та* и родительного падежа *-н*. То же указывает на время действия, но с семантикой ограничения, подчеркивания: *Кини дьиэҕэ үлэлиир, ол гынан баран* ***сарсыардатын*** *манна сылдьыаҕа* ‘Он дома работает, но по утрам (по его+ утру) будет приходить’.

Диалектный вариант *сарсыарда**лык*** ‘под утро, ранним утром’ представляет собой композит наречия и имяобразующего аффикса *-лык* со значением уменьшительности. *Мин манна хонуом,* ***сарсыардалык*** *тиийиэм эһиэхэ* ‘Я здесь переночую, к вам приеду только утром’.

Прилагательные, обозначающие утреннее время, образованы путем адъективациии способом аффиксации: *сарсыарда аһылык* ‘завтрак’, *сарсыарда процедура* ‘утренняя процедура’, *сарсыардааҥҥы аһылык ‘завтрак’, сарсыардатааҕы биэрии* ‘утренняя программа’. В образовании данных прилагательных задействованы аффиксы *-ҥҥы, -тааҕы*.

Наречия в форме оборотов со сказуемым на *-ыыта* и с существительными *тыҥ* ‘рассвет’, *күн* ‘солнце’, *саһарҕа* ‘заря’, *сарыал* ‘заря’ и т.д. являются периферийными темпоральными релляторами: *күн тахсыыта* ‘восход солнца’, *күн ойуута* ‘солнце набрало силу’, *халлаан сырдыыта* ‘к началу рассвета неба’, *халлаан лаппа сырдыыта* ‘рассвет входит в силу’, *халлаан суһуктуйуута* ‘очень рано’ и др.

Следующими периферийными средствами в якутской речи, в языке художественных текстов, описывающими утреннее время, являются фразеологические обороты: *тыҥ хатыыта* ‘чуть свет, на рассвете, рано утром, как только занялась заря’. *Сарсыарда* ***тыҥ хатыыта*** *туран айанныахпыт* ‘Завтра, как только поднимется заря (очень рано), поедем в путь-дорожку’. Фразеологическая единица *хара сарсыардаттан* ‘с самого раннего утра’ буквально обозначает ‘с черного утра’, выражая негативное отношение к происходящему действию, которое началось с самого утра: ***хара сарсыардаттан*** *кыыһырсан бардылар* ‘начали ссориться с самого утра’.

Фразеологическая единица *харахпын хайа тардаат* ‘как только открыла глаза’ (букв.: ‘как только разорвала глаза’) обозначает утреннее время, которое следует сразу после пробуждения человека, используется в значении как только проснулась’: ***харахпын хайа тардаат*** *оскуолаҕа сүүрдүм* ‘как только проснулась, побежала в школу’. Следующий фразеологический оборот полностью калькирован из русского языка: ***бөтүүк хаһыытын кытта*** *уһуктабын* ‘просыпаюсь с первыми петухами’ обозначает очень раннее время, примерно 5 ч. утра.

2. **Дневное время** в якутском языке выражается, в основном, существительным *күнүс* ‘день, дневное время, светлая часть дня, обеденное время’ и наречием *күнүс* ‘днем’, которые образованы от слова *күн* ‘солнце’: ***күнүс*** *буолла* ‘наступил день’, *бэс сутукатын буһаран баран,* ***күнүс*** *биирдэ аһыыллар* ‘отваривая сосновую заболонь, **днем** едят один раз’ [АА СК, 1952, с. 15].

Дневное время часто определяется с помощью прилагательного *күнүскү* в словосочетаниях, связанных с приемом пищи: *күнүскү аһылык, эбиэт* ‘время обеда’, *күнүскү омурҕан* ‘дневной, обеденный перерыв на сенокосе’. Также есть *күнүскү ыам* ‘дневной удой’, словосочетание прилагательного и существительного, которое связано с хозяйственной деятельностью человека [Попова, 2012].

Наречие *күнүстэри* ‘и днем; днем тоже’ (*күнүстэри-түүннэри* ‘весь день’) с аффиксом *-лэри, -тэри* обозначает время продолжительного действия, которое длится даже днем: к***үнүстэри-түүннэри****хаар түһэр* ‘снег идет и днем, и ночью; к***үнүстэри*** *утуйар* ‘спит даже днем’.

Аффикс *-лэри, -тэри* фигурирует у С.В. Ястремского как особая форма совместного падежа [Харитонов, 1943, с. 28]. В настоящее время известен как аффикс винительно-собирательного падежа, который обычно употребляется в сочетаниях однородных членов, представляющих либо совокупность предметов, целиком подвергшихся действию, либо совокупность частей одного предмета, также целиком подвергшегося действию [ГСЛЯ, 1995, с. 26].

Но в нашем случае перед нами не имя существительное в форме винительно-собирательного падежа, а наречная форма со значением совокупности [Харитонов, 1943, с. 28–29], которая показывает время продолжительного действия во время обеденного перерыва или в течение дня, в светлое время суток.

Также наречие *күнүһүн* ‘днем, пока светло’ с аффиксом *-н* указывает на то, что действие происходит именно в дневное время: ***күнүһүн*** *халлаан сылаас турар* ‘днем погода стоит теплая’.

Наречие *күнүһүөрү* ‘ближе к обеду’, благодаря аффиксу *-үөрү*, выражает приблизительное, дневное время. Данный аффикс восходит к древнетюркскому дательно-направительному падежу *-гари* [ГСЛЯ, 1995, с. 36], часто используется в наречиях сезонного времени: *сааһыары* ‘ближе к весне’, *кыһыары* ‘ближе к зиме’ и т.д.

От наречия *күнүс* образуется наречие образа, благодаря аффиксу *-лыы*: *күнүскүлүү* ‘словно днем, как будто днем’ – ***күнүскүлүү*** *күндээрэр* ‘светится как будто днем’.

Фразеологическая единица *күрүлүүр күнүс* ‘в середине дня, среди белого дня’ часто встречается в разговорной речи: ***Күрүлүүр күнүс*** *утуйа сытыма!* ‘Что ты лежишь средь бела дня!’ Обозначение времени суток по движению солнца: *Күн оройго тыгар буоллаҕына* ‘Ровно в полдень, когда солнце достигнет пика’.

3. Послеобеденное время называется *түөртүүр* ‘полдник’. В старину у якутов: четвертый удой в летний период, когда коров доили пять раз в день. *Киэһээҥҥи* ***түөртүүргэ*** *диэри дьэдьэннии таҕыстым* ‘До четвертого удоя землянику соберу’ [ТСЯЯ, 2014, с. 268]. Название представляет собой субстантивированное причастие настоящего времени с аффиксом *-ыыр*.

Данное причастие часто используется в роли прилагательного в словосочетаних *түөртүүр аһылык* ‘прием пищи между обедом и ужином (в четыре часа дня)’; *түөртүүр омурҕан* ‘небольшой перерыв на сенокосе для отдыха в 4 часа дня’. ***Түөртүүр*** *омурҕан кылгас буолар* ‘Послеобеденный перерыв должен быть коротким’.

4. Общее **название вечернего** времени именуется наречием и существительным *киэһэ* ‘вечер; вечером’, прилагательным *киэһээҥҥи* ‘вечерний’. *Киэһэ биирдэ мустабыт* ‘соберемся только вечером’; *чуумпу киэһэ* ‘тихий вечер’, ***биир киэһэ*** *оҕолор куолуларынан мустан оонньоотулар* ‘**раз вечером** дети по обыкновению опять играли’.

Наречие *киэһэлик* обозначает время действия ‘к вечеру, под вечер, вечерком’: ***киэһэлик биирдэ*** *босхолонобун* ‘освобожусь только к вечеру’;

На приблизительное, неточное время действия указывает наречие *киэһэнэн* ‘ближе к вечеру’ с аффиксом орудного падежа: ***киэһэнэн*** *сылайдылар* ‘к вечеру устали’, ***киэһэнэн*** *халлаан тымныйбыта* ‘под вечер (к вечеру) стало прохладно’.

Встречаются словосочетания с прилагательными, образованными от наречия *киэһэ*: *киэһээ аһылык* ‘ужин’, *киэһээҥҥи ыам* ‘вечерняя дойка’, *киэһээҥҥи үлэ* ‘вечерняя работа’, *киэһээҥҥи оскуола* ‘вечерняя школа’, *киэһээҥҥи омурҕан* ‘вечерний перерыв на сенокосе’ и т.д.

В обозначении времен иногда встречаются существительные. Например, парное существительное *борук-сорук* ‘слабый, полутемный, сумрачный свет, сумерки’ с аффиксом дательного падежа *-ка*: ***Борук-сорукка*** *дьиэттэн таҕыстаххына, чугастааҕы ыалларыҥ оһохторун ураатыттан кыым бөҕө кытыастар.* ‘Если выйдешь под вечер в сумерки из дому, то увидишь, как на соседних крышах из труб искры летят’ [ХУ ХС, с. 21].

Существительные *им* ‘вечерние сумерки, полумрак после захода солнца и до наступления ночи’, *имик-самык* ‘сумерки, полусвет, полумрак’ встречаются в качестве компонента оборотов с формой *-ыыта*: ***им*** *сүтүүтэ* ‘После захода солнца’, ***имик-самык*** *буолуута* ‘в сумерки’. Вообще подобные обороты со сказуемым внешне похожи на отглагольное имя существительное с аффиксом *-ыы* и с аффиксом принадлежности *-та: күн киириитэ* ‘заход солнца’, *борҥуй буолуута* ‘когда начинает стемнеть’, *лаппа хараҥарыыта* ‘когда стемнеет’.

Л.Н. Харитонов предполагает, что это «изолированная форма принадлежности 3 лица единственного числа отглагольного существительного на *-ыы*, которая значительно адвербиализована и в сочетаниях данного типа совершенно не сознается» [Харитонов, 1943, с. 34–35].

Обороты с формой на *-ыыта* отвечают на вопрос когда?, тем самым являются обстоятельством времени главного предложения и глагольными сказуемыми, согласованными в лице со своим подлежащим, и соотнесенные во времени со сказуемым главного предложения. Предикативные отношения внутри оборота и его подчинение главному предложению выражает аффикс *-та* – стяженный аффикс местного падежа лично-притяжательного склонения для 3-го лица единственного числа [Убрятова, 1976, с. 58]. Также форма *-ыыта* встречается в наречиях с временным значением: *киэһэриитэ* ‘с наступлением вечера’. *Лаппа киэһэриитэ кэлбитэ* ‘Он пришел довольно поздно’.

5. Следующим временным отрезком суток является ночное время – *түүн* ‘ночь’: *түүн ортото биирдэ кэллилэр* ‘приехали только в полночь’.

Наречия, существительные, выражающие ночное время: *түүн*’ночь’, *түүнүн* ‘ночью’, *түүннэри* ‘ночью’. *Түүннэри күүлэйдиллэр* ‘Гуляют даже ночью, всю ночь’.

Наречие *бөлүүн* ‘в минувшую ночь’ состоит из указательного местоимения *бу* + *түүн* ‘ночь’ [Бётлингк, 1990, с. 522], указывает на ночное время суток: ***Бөөлүүн*** *4 чааска фашистар биһиги дойдубутугар ороспуонньуктуу саба түстүлэр* ‘**Сегодня ночью** в 4 часа на нашу страну напали фашисты’ [АА С, с. 7].

Следующими обозначениями ночного времени являются фразеологические сочетания: *ытыс таһынар хараҥа* ‘темная-темная ночь’, *им балай хараҥа* ‘темная ночь’.

Время суток иногда указывается именами существительными в дательном падеже, имеющими аффикс принадлежности 3-го лица единственного числа: ***Күнүһүгэр*** *Москва уруккутунан толору олоҕу олорон ... ньирилии-ньиргийэ турар. ...* ***Түүнүгэр*** *Москва күндэлэс уулуссалара им балай ортотугар иһийэллэр* ‘Днем (досл.: ‘в день + его’) Москва по-прежнему полной жизнью живет. Ночью (досл.: ‘в ночь + его’) сверкающие улицы Москвы погружаются в глубокую тьму’ [АА С, с. 25].

Также в якутском языке редко встречается наречие времени суток с исчезнувшим аффиксом инструментального падежа *-н (ын)* [ГСЯЛЯ, 1982, с. 148]: ***Күнүн*** *сылаас турбутун иһин,* ***түүнүн*** *тоҥоруон сөп* ‘Несмотря на то, что днем тепло, ночью могут ударить заморозки’.

Наречие в форме существительного с аффиксами глагола *-лээ* повелительного наклонения *-т* и деепричастия на *-э* обозначает постоянное время, которое продолжается периодически, не переставая: ***Сыллата*** *ахсын түөрт уоннуу сымыыты сымыыттаан биэрэр буолта* ‘Ежегодно начала нести по 40 яиц’. *Сардаана* ***күннэтэ*** *ахсын тупсан иһэр* ‘Сардаана хорошеет с каждым днем’.

Күнүстэтэ *Күдээрит да күдээрит буолла,*
Түүннэтэ *Түһэр да түһэр буолла,*
Киэһэлэтэ *Киптэр да киптэр буолла,*
Сарсыардалата *Сайгыт да сайгыт буолла* [КУу НКАТДьБ, с. 90].

‘И днями он быстро несется, поднимая пыль, и ночами мчится да мчится он; и вечерами пробивается стремительно, и утрами все продолжает свой путь’.

Таким образом, функционально-семантическое микрополе суточного времени делится на пять отрезков времени: *сарсыарда* ‘утреннее’, *күнүс* ‘дневное’, *түөртүүр* ‘послеобеденное время’, *киэһэ* ‘вечернее’, *түүн* ‘ночное’. В нем ядерными средствами [см.: Ефремов, 2011, с. 92] являются существительные, обозначающие отрезок суточного времени, и наречия со значением времени с аффиксами *-н, -ээри, -ыары, -нан, -тын, -ттан, -лык, -лыы*. Наречия иногда представляют собой композиты из двух слов: *сарсыарда* ‘утро’ состоит из *сарсын* ‘завтра’ + *эрдэ* ‘рано’; *бөөлүүн* ‘этой ночью’ состоит из *бу* ‘эта’ + *түүн* ‘ночь’ и т.д. При этом часто встречаются наречия в виде лексикализованных существительных с падежными формами. Выявлено, что имя существительное с аффиксом орудного падежа *-нан* лексикализовалось в наречие, обозначающее приблизительное время. Аффикс исходного падежа *-ттан* – наречие, показывающее, с какого времени длится действие. Наречия с формой инструментального падежа *-тын, -н* указывают точный отрезок времени, выделяют его роль. Аналогичную функцию выполняет аффикс дательного падежа *-гэр*. Показатель *-лэри (-тэри)* встречается в наречиях со значением собирательности, особенно в парных наречиях, обозначающих продолжительное действие. Также зафиксировано наречие в форме существительного с аффиксами глагола *-лээ* повелительного наклонения *-т* и деепричастия на *-э*, обозначающее постоянное время, которое продолжается периодически, но не переставая. Особое место среди ядерных средств, выражающих суточное время, занимают наречия в виде оборотов на *-ыыта* с формой рудиментарного падежа места *-та*. Периферийными сред-

ствами являются парные прилагательные, прилагательные с аффиксами *-ҥҥы, -ҥы, -кы*, фразеологические единицы.

Список сокращений

АА С – *Амма Аччыгыйа*. Сэрии. – Якутск: Кн. изд-во, 1942.

АА СК – *Амма Аччыгыйа*. Сааскы кэм. – Якутск: Кн. изд-во, 1952.

ГСЛЯ – Грамматика современного литературного языка. – Т. 2: Синтаксис. – Новосибирск: Наука, 1995.

ГСЯЛЯ – Грамматика современного якутского литературного языка. – Ч. 1: Фонетика. Морфология. – М.: Наука, 1982.

КУу НКАТДьБ – *Күннүк Уурастыырап.* Нуоҕалдьын кугас аттаах тойон Дьаҕарыма Бухатыыр. – Якутск, 1941.

ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка. – Т. XI. – Новосибирск, 2014.

ХУ ХС – *Хомус Уйбаан*-Алексеев И.Е. Холумтан сылааһа: саха үгэһэ, дьарыга. – Дьокуускай: Бичик, 2013.

Литература

Бётлингк О.Н. О языке якутов / пер. с нем. В.И. Рассадин. – Новосибирск, 1990.

Грамматика современного литературного языка. – Т. 2: Синтаксис. – Новосибирск: Наука, 1995.

Ефремов Н.Н. Грамматические и функционально-семантические категории в якутском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2011. – №2 (3).

Кужугет Ш.Ю. Лексико-семантическое поле ‘природное время’ в прозе К. -Э.К. Кудажы: дис... канд. филол. наук. – М., 2014.

Попова Н.И. Концепт «время» в языковой картине мира якутов // Этнокультурное взаимодействие Евразии: пространственные исторические конфигурации. – Барнаул, 2012.

Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение. Кн. первая. – Новосибирск, 1976.

Харитонов Л.Н. Неизменяемые слова в якутском языке. – Якутск: Гос. изд-во ЯАССР, 1943.

Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994.

I.B. Ivanova

Functional-semantic field of quantitative temporal (diurnal time)

The object of the functional-semantic study are the expression of daily language means time, which one of the main components of functional-semantic field of Natural time. Functional-semantic field Daily Time of the Yakut language consists of 5 microfields sarsyarda "morning", kүnүs "day", tүөrtүүr "afternoon", kiehe "evening", tүүn "night." The basic vocabulary, lexical, morphological, lexical and grammatical means: affixes, giving adverbs different semantic shades adjectives, turnover with form -yyta, phraseological units.

Keywords: Yakut language, functional and semantic grammar, category of temporality, language means of expression of cyclical time, natural time.

УДК 811.512.211

С.И. Шарина

Вклад якутских исследователей в изучение эвенского языка

В статье приводится краткий обзор изучения эвенского языка начиная с XVII в. Особое внимание уделяется работам, предпринятым исследователями из Якутии, начиная с 50-х гг. XX в. по наше время. Выявляется весомый вклад якутских ученых в изучение грамматики, диалектологии, лексикологии, лексикографии и фольклористики эвенского языка.

Ключевые слова: эвенский язык, изучение, исследователи, грамматика, диалектология, лексикология, лексикография, фольклористика.

© С.И. Шарина, 2015

Эвенский язык является предметом изучения отечественных языковедов уже около двух веков. Сбор материалов по эвенскому языку был начат в XVII – начале XVIII в. первыми исследователями сибирских языков Н. Витзеном, Д.Г. Мессершмидтом, С.П. Крашенинниковым, Я.И. Линденау, П.С. Палласом, М. Робеком.

Основы научного изучения эвенского языка были заложены в 40-е гг. XIX в., когда по инициативе выдающегося русского ученого и просветителя И.Е. Вениаминова (Иннокентия) под руководством охотского протоиерея Стефана Попова был осуществлен перевод Евангелия от Матфея на эвенский язык. Текст этого перевода и другие материалы, собранные ранее, стали тем фундаментом, который позволил приступить к изданию первых книг на эвенском языке и дал возможность ученым-языковедам начать описание языка эвенов и его сравнение с эвенкийским языком и другими тунгусо-маньчжурскими языками, предпринятое академиком А. Шифнером. В конце XIX в. В.Г. Богораз, пользуясь при работе классическим трудом М.А. Кастрена «Основы тунгусской грамматики», собрал лексические, текстовые и грамматические материалы по языку эвенов Омолона, которые были опубликованы в 1931 г. Со времени выхода в свет «Тунгусского сборника» В.Г. Богораза начался новый этап в изучении грамматики эвенского языка. За данный период были выпущены в свет краткие грамматические очерки эвенского языка В.И. Левина, фундаментальный труд В.И. Цинциус «Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка», книга И. Бенцинга «Lamutische Grammatik», обстоятельное описание ольского говора эвенского языка К.А. Новиковой. Актуальные проблемы эвенского языкознания стали предметом исследования во многих трудах ученых ИЛИ РАН докторов филологических наук А.А. Бурыкина, А.Л. Мальчукова и А.А.Петрова (РГПУ), в работах Н.И. Гладковой, В.С. Элрика.

Со второй половины прошлого века начинают появляться работы по частным вопросам эвеноведения, принадлежащие перу якутских исследователей, что объясняется тем, что в ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР, а затем в ИПМНС СО РАН велось изучение исчезающих языков коренных малочисленных народов Севера. Сегодня в ИГИиПМНС СО РАН документация исчезающих языков также является одним из приоритетных направлений фундаментальных исследований.

Если следовать хронологии событий, то научные изыскания по эвенскому языку в Якутии начались с работ по сбору лексических и фольклорных материалов и диалектологическому описанию говоров и диалектов.

Весомый вклад в изучение эвенского языка внесла старший научный сотрудник ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР **Любовь Давыдовна Ришес**, которая описала арманский диалект эвенского языка и выявила особенности его западного диалекта. Ею в соавторстве с В.И. Цинциус были разработаны «Русско-эвенский словарь» (1952) и «Эвенско-русский словарь» (1957), не потерявшие ценности и по сей день.

Василий Дмитриевич Лебедев известен как первый ученый из среды эвенского народа и как талантливый поэт. Благодаря прекрасной ленинградской научной школе и своим личным качествам, В.Д. Лебедев стал ученым с оригинальным, только ему присущим научным обликом, с новым словом в избранной области. В работе «Язык эвенов Якутии» (1978) автор описывает догдо-чебогалахский и улахан-чистайский говоры. При характеристике фонем этих говоров и их системы автор опирался на экспериментальные данные: рентгенограммы, кимографические записи длительности гласных фонем. К сожалению, до настоящего времени специальные экспериментальные исследования звукового строя эвенского языка с использованием спектрографических и осциллографических методов не проводились, и то, что было начато В.Д. Лебедевым, и в наши дни является весьма актуальной научной задачей. В 1982 г. вышла в свет его вторая работа «Охотский диалект эвенского языка». Исследователь установил, что материалы по языку охотских эвенов позволяют уточнить классификацию эвенских диалектов, выделить речь охотских эвенов из числа восточных говоров в особый охотский диалект, в котором сохранились отдельные черты его подразделения в прошлом на ряд более мелких территориальных единиц – говоров и подговоров, представлявших собой языки отдельных эвенских родов.

Стаж экспедиционной работы В.Д. Лебедева был весьма большой, он до конца своих дней регулярно занимался сбором материалов на большом регионе северо-востока страны. Еще во времена студенчества он издавал фольклорные материалы, затем последовала публикация нимкана «Ньөөлтык» с переводом на русский язык в при-

ложении к первой монографии. Им были подготовлены и изданы фольклорные материалы Н.П. Ткачика, учителя Аркинской национальной школы (три героических сказания с переводом на русский язык: «Геакчавал», «Чибдэвэл», «Дэлгэни»), записанные от сказителя Н.Г. Мокроусова.

Великолепное знание родного языка, исследовательский опыт позволили В.Д. Лебедеву войти в глубь литературоведческих и лингвистических проблем и внести достойный вклад в исследование языка и фольклора эвенов. Памяти первого ученого-эвена, поэта В.Д. Лебедева Департаментом по делам народов и федеративным отношениям РС(Я) в 2005 г. была учреждена республиканская премия им. В.Д. Лебедева. Премия присуждается в целях пропаганды и развития эвенского языка и духовной культуры эвенов, дальнейшего их сохранения и развития; за системную работу в сфере практики языкового строительства, активную деятельность по пропаганде родного языка.

Василий Афанасьевич Роббек принадлежит к плеяде ведущих ученых тунгусо-маньчжуроведов, внесших значительный вклад в исследование языков и культуры малочисленных народов Севера. Его грамматические изыскания, опубликованные в серии монографий, не только открыли новый этап в развитии эвенского языкознания, но и подняли на новый уровень академических исследований тунгусо-маньчжуроведение. Заметим также, что в Якутии работы В.А. Роббека предварили работы по исследованию функционально-семантических категорий якутского языка.

В.А. Роббек отличался широтой исследовательских интересов, охватывавших различные области эвеноведения, каждую из которых он обогатил плодами своего яркого таланта. Для его работ характерен охват комплекса филологических дисциплин, таких, как грамматика, диалектология, лексикология, фольклористика, социолингвистика. Отметим, что, кроме филологии, диапазон научных интересов В.А. Роббека распространяется на другие научные области.

Его исследования предваряет монография «Виды глагола в эвенском языке» (1982), которая характеризуется следующими основными достижениями: выходом в сферы общей теории аспектологии, притом с тенденцией к синтетическим построениям; классификацией аспектуальных форм в стройную систему из шести групп (фазы действия, кратности действия, направления действия, интенсивности действия, дезидеративности действия, имитации действия); анализом сочетаемости и комбинации аспектуальных суффиксов эвенского глагола; рассмотрением соотношения аспектуальных форм эвенского глагола с аналогичными формами других тунгусо-маньчжурских языков.

В монографии «Категория залоговости в эвенском языке» (1984) автор выявляет черты категории переходности/непереходности в тунгусо-маньчжурских языках; определяет формальные различия форм действительного и страдательного залога в тунгусо-маньчжурских языках; детально рассматривает залоговые конструкции в девяти языках тунгусо-маньчжурской группы; впервые применяет принцип поля к исследованию проблем залога на тунгусо-маньчжурском материале, введя понятие «залоговости». Им прекрасно проиллюстрированы преимущества функционально-семантического подхода к описанию агглютинативных языков в работе «Грамматические категории эвенского глагола» (1992). В 2007 г. был опубликован монументальный труд «Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте», в котором были развиты и синтезированы основные направления исследований, проводившихся автором на протяжении многих лет.

В своих работах он не только слепо следует положениям теории функциональной грамматики, но и обогащает, дополняет их. В вышеназванных монографиях и многочисленных статьях автор резюмирует следующие положения:

1) при функциональном описании агглютинативных языков выигрышнее придерживаться взгляда, когда функционально-семантическими называют лишь те категории, ядром которых является морфологическая категория;

2) применительно к эвенскому и другим тунгусо-маньчжурским языкам в варианте функционального анализа используется двухкомпонентный анализ: описание структуры ФСП в составе системы полей данного языка (полевое структурирование); анализ типовых категориальных ситуаций (аспектуальных, темпоральных, каузальных, кондициональных, нумеративных, персональных и т.п.), базирующихся на определенном ФСП, конструированных с точки зрения носителя языка;

3) при описании грамматических категорий тунгусо-маньчжурских языков используется новая, отличная от традиционной, методика исследования. В.А. Роббек подчеркивает необходи-

мость синтеза аспектов грамматики для слушающего (пассивной) и для говорящего (активной).

Монография «Язык эвенов Березовки» (1989) посвящена исследованию языка эвенов с. Березовка Среднеколымского района, живших до середины 50-х гг. XX в. в изоляции и сохранивших свой язык, отличающийся образностью, множеством поэтических выражений, изобилующий редко употребительными словами и выражениями. Особого внимания заслуживает здесь очерк морфологии. В отличие от других диалектологических работ, обрисовывающих только отличительные черты описываемого говора, здесь уточняются вопросы классификации разрядов некоторых частей речи, более полно и подробно рассматриваются категории глагола. В сущности, данная работа представляет собой полную грамматику эвенского языка, предлагающую новые решения спорных вопросов глагольной и именной морфологии.

Сорок с лишним лет он кропотливо занимался собиранием эвенского фольклора. Благодаря ему, с большим тактом и осторожностью отвоеваны у времени строчка за строчкой, знак за знаком бесценные эвенские фольклорные материалы, которыми мы уже имеем честь пользоваться. Они представлены в известном сегодня эпическом сказании «Нёлтэк», нимканах и несказочной прозе, опубликованных в 2005 г. в книге «Фольклор эвенов Березовки. Образцы шедевров» и других изданиях. Львиная доля собранных В.А. Роббеком многочисленных фольклорных материалов-инедитов, включающих 97 нимканов, сегодня ждет своей публикации в эвенском корпусе 60-томной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

В.А. Роббек является составителем нескольких школьных словарей, «Эвенско-русского словаря» (2005). На сегодня это самый полный двуязычный словарь эвенского языка.

Начиная с 1988 г. интересы В.А. Роббека заметно концентрируются на проблемах сохранения и развития языков коренных малочисленных народов Севера, их функционирования, вопросах языковых процессов. В многочисленных статьях ученого содержится систематизированный и хронологизированный социолингвистический материал по языкам народов Севера, а также научная интерпретация этих данных: анализ причин происходящих процессов, их характеристик и особенностей на фоне социально-экономических и политических изменений в жизни народов Севера. Большая ценность этих работ состоит и в том, что в них даются практические рекомендации для организации системы языкового образования миноритарных этносов, для сохранения, развития их языков и культур. Актуальность их сегодня неоспорима.

В.А. Роббек стоял у истоков преподавания языков коренных малочисленных народов Севера в средних специальных учебных заведениях и вузах, открытия кочевых школ. Благодаря его кипучей энергии и дальновидности были открыты эвено-эвенкийские группы в педучилищах, Якутском госуниверситете, налажено системное обучение данным языкам в детских садах и школах, открыты кочевые школы. Всего им написано более 170 научных трудов, в том числе 15 монографий и учебников по эвенскому языку, 10 учебно-методических пособий и пять словарей по эвенскому языку для школ, педучилищ и вузов. Он является автором научных основ образования кочевых народов Севера, предполагающих усвоение детьми систематизированных этноэкологических знаний.

В.А. Роббек был не только творчески активным ученым, но и талантливым организатором науки, что ярко проявлялось в его деятельности. Достаточно напомнить о его плодотворной работе сначала по организации, а затем на посту директора Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН с 1992 по 2008 г. За 17 лет своей деятельности ИПМНС СО РАН получил широкое признание значимыми результатами научных и прикладных исследований в области североведения. Так, было опубликовано около 120 монографий и сборников научных трудов общим объемом более 166 тыс. п.л. В институте проводилась целенаправленная работа по привлечению молодежи в фундаментальную науку. С этой целью в институте в 1999 г. была открыта аспирантура, где прошли обучение 22 аспиранта по 8 специальностям. За время деятельности ИПМНС СО РАН защитили докторские диссертации семь сотрудников по различным отраслям науки, из них четыре представителя коренных малочисленных народов Севера. Защитили кандидатские диссертации по различным отраслям наук 23 сотрудника института, из них 15 представителей коренных малочисленных народов Севера. Это беспрецедентный пример в истории малочисленных народов Севера Якутии.

В.А. Роббек был научным руководителем девяти аспирантов-соискателей, подготовил девять кандидатов и двух докторов наук.

Значительный вклад в изучение эвенского языка внес **Христофор Иннокентьевич Дуткин**, известный трудами «Аллаиховский говор эвенов Якутии» (1995) и «Тундренный диалект западного наречия эвенского языка» (2009). Он впервые ввел в научный оборот уникальный лингвистический материал аллаиховского, усть-янского и нижнеколымского говоров. Помимо этого, в его работах изложены весьма интересные культурно-этнографические сведения об исследуемых группах эвенов и приведен скрупулезно собранный социолингвистический материал. Х.И. Дуткин ввел новую классификацию наречий и диалектов эвенского языка на основе фактических материалов. При характеристике говоров он объединяет в тундренный диалект западного наречия языки эвенов Аллаиховского, Усть-Янского, Нижнеколымского и Булунского районов. При этом автор исходит из того, что природно-климатические особенности, география местности, производственная деятельность, образ жизни и повседневный быт определяют лексику любой локальной группы эвенов. Действительно, лексические отличия описанных говоров весьма заметны. Материал излагается в сравнении с указанием на расхождения языковых норм. Весьма значимо и подготовленное им учебное пособие «Эвенский фольклор» (1996), где помещена обширная по жанровому разнообразию подборка образцов устного творчества эвенов.

Х.И. Дуткин известен не только как диалектолог и лексиколог, но и как педагог, методист, автор учебных пособий по эвенскому языку и фольклору, разговорников, внесший большой вклад в сохранение и развитие эвенского языка и культуры.

Весьма интересна изобилием нового материала и его систематизацией работа **Анны Андреевны Даниловой** «Бытовая лексика эвенского языка» (1991), где приводится семантический и морфологический анализ слов-названий и словосочетаний, обозначающих предметы утвари, жилища, орудия производства, одежду, детские игры и игрушки. Работа выполнена на материалах пяти говоров и диалектов.

Но, несмотря на то, что усилиями многих исследователей собраны и опубликованы интересные материалы по диалектам и говорам эвенского языка, и сегодня проблема уточнения состава эвенских диалектов, их классификации, полного их описания остается все еще актуальной задачей. Мы не располагаем полной картиной языковых материалов касательно отдельных районов Якутии, что мешает установить ареал распространения тех или иных диалектов, не решен вопрос разграничения или объединения говоров среднего и западного наречий.

К успехам эвенской диалектологии последних лет следует отнести лингвистическое описание эвенских говоров – томпонского (В.А. Петрова) и ламунхинского. Работа **Раисы Петровны Кузьминой** «Язык ламунхинских эвенов» (2010) представляет собой системное исследование языка эвенов Кобяйского улуса РС (Я), где определяются фонетические, морфологические, лексические и синтаксические особенности ламунхинского говора, приводится весьма обширный материал по одному из интереснейших говоров эвенов Якутии. В настоящее время ведется фиксация и документация материалов по исчезающим говорам, выявляются фонетические, морфологические и лексические особенности ранее неисследованных говоров эвенского языка: усть-янского, верхнеколымского и нижнеколымского (Р.П. Кузьмина, С.И. Шарина)

Одним из самых приоритетных является грамматическое направление, которое нашло яркое отражение в ряде научных трудов сотрудников сектора эвенской филологии ИПМНС СО РАН. Наиболее значимыми из них являются работы В.А. Роббека, для которых характерен подход, опирающийся на методику структурно-семантического моделирования языковых единиц и полевого структурирования. Сегодня данный подход считается одним из перспективных направлений, что было продемонстрировано монографическими исследованиями С.И. Шариной «Категория количественности в эвенском языке» (1999) и «Персональность и посессивность в эвенском языке» (2001).

Важным шагом в осуществлении новой для эвенской филологии задачи – разработки в перспективе новой модели грамматики – стало детальное рассмотрение определенных именных частей речи и служебных слов. Так, С.И. Шариной при описании имени числительного вносятся существенные уточнения и дополнения – описываются разряд ограничительных числительных, увеличительные и уменьшительные формы некоторых разрядов, различные способы образования числительных второго десятка, демонстрируются существенные диалектные различия. Исследователем приводится описание разрядов эвенских местоимений в формально-морфологическом, синтаксическом, дискурсивно-прагматическом и этнолингвистическом аспектах. При их характе-

ристике выявлены некоторые грамматические формы определительных и вопросительных местоимений, которые в предыдущих грамматических работах не отмечались.

Исследованию одного из малоразработанных и трудных вопросов грамматики эвенского языка посвящена работа **Варвары Григорьевны Белолюбской** «Эвенский язык. Частицы. Послелоги. Союзы» (2005). В.Г. Белолюбская ввела в научный оборот большой фактический материал, ранее не имевшийся в распоряжении исследователей, скрупулезно, детально и логично классифицировав его. Классификация частиц, данная В.Г Белолюбской, позволяет лучше разобраться в их значениях и функциях. Часть работы, посвященная послелогам, существенно уточняет классификацию послелогов и семантически ориентирована, что предпринимается впервые. Логичное решение нашел и занимающий в эвеноведении дискуссионное положение вопрос о союзах.

В настоящее время ведутся грамматические изыскания в области лексико-грамматических разрядов эвенских прилагательных в сравнительном аспекте (М.Д. Попова).

В последние годы в эвеноведении одно из центральных положений занимает лексикология, в рамках которой исследованы разные пласты лексики эвенского языка.

В работе **Елены Васильевны Нестеровой** «Образные слова эвенского языка» (2010) впервые подвергаются комплексному и системному исследованию образные слова. Автором охарактеризованы их лексико-семантические особенности, раскрыты фонетическая и морфологическая структуры, установлены способы и модели образования глаголов, прилагательных, наречий и имён существительных от образных и звукоподражательных слов, представлена их синтаксическая характеристика.

Книга **Гаврила Васильевича Роббека** «Игры и состязания эвенов. Лингвистический аспект» (2011) посвящена описанию одного из разрядов этнокультурологически значимого пласта лексики физической культуры эвенов. Автором выявляются и анализируются соответствующие лексико-семантические группы, относящиеся к состязаниям и играм эвенов.

Описанию лексики растительного мира в эвенском языке посвящено диссертационное исследование **Ии Ивановны Садовниковой** (2010). В работе представлена классификация лексико-семантической группы слов растительной лексики эвенского языка, определены способы и модели образования растительных наименований в эвенском языке, дан их лингвистический анализ.

Объектом специального изучения стали якутские заимствования в эвенском языке в диссертации **Степаниды Николаевны Саввиновой** (2010), в которой впервые описаны особенности адаптации якутских слов, вошедших в лексический состав эвенского языка, выявлены их основные семантические группы. В результате сбора и систематизации материала собрана картотека, в которой отражены особенности семантической, фонетической и грамматической адаптации якутизмов в эвенском языке.

В условиях усиливающихся процессов ассимиляции и девальвации исчезающих языков коренных малочисленных народов Севера острее ставится задача трансляции в полном объеме родного языка будущим поколениям. В целях документации собранного языкового материала сектором подготовлен к печати вариант «Эвенско-русского словаря» общим объемом 60 п.л., который составлен на основе ранее изданных словарей, материалов экспедиций и является наиболее полным сводом лексики эвенского языка. При разработке словаря впервые составлена электронная база данных наиболее полного свода лексики эвенского языка.

Научные исследования по фольклору эвенов в настоящее время являются только прерогативой ИГИиПМНС СО РАН. В институте сложились определенные традиции по собиранию и изучению устного народного творчества эвенов. Объемные эвенские эпические тексты, собранные у охотских эвенов в 1930-е гг. Н.П. Ткачиком, были подготовлены и опубликованы В.Д. Лебедевым в г. Якутске в 1986 г. Отдельные тексты эвенских нимканов были записаны В.Д. Лебедевым, В.А. Роббеком, Х.И. Дуткиным, А.А. Даниловой и другими исследователями.

Особый вклад в изучение эвенского фольклора внесен **Жанной Карувной Лебедевой**, известной сравнительно-историческими и типологическими исследованиями, – «Архаический эпос эвенов» (1981) и «Эпические памятники народов Крайнего Севера» (1982).

Сегодня сотрудники сектора продолжают собирательскую работу, фиксируя фольклор ежегодными специализированными экспедициями, готовят к публикации фольклорные материалы и ведут иссле-

дования вариантов текстов, сюжетов, мотивов и образов устного народного творчества эвенов, а также их текстологический и сравнительный анализ.

В 2014 г. защитила диссертацию на тему «Эпическая традиция эвенов в контексте духовной культуры и быта кочевого народа (конец XIX – начало XXI вв.)» **Валентина Алексеевна Петрова**. В работе впервые освещаются в новом ракурсе до сих пор недостаточно исследованные вопросы, такие, как особенности личностных психоэмоциональных, творческих состояний исполнителей эвенского эпоса, характер их аудитории, специфика искусства сказительства и сказывания. Автор вводит в научный оборот обширный полевой материал.

Сектором эвенской филологии подготовлены к печати три эвенских тома 60-томной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» – «Мифы, предания, легенды эвенов», «Сказки эвенов», «Эпос эвенов». В сформированных вариантах томов представлены инедиты, неопубликованные образцы фольклора эвенов. Проведена классификация материала по жанрам – выделены мифы, легенды, предания, сказки, эпос. К каждому тому подготовлен научный аппарат (примечания, комментарии, словари и др.). Впервые будут опубликованы сказочные и несказочные фольклорные материалы, записанные в разных местах локального проживания эвенов Якутии, Магаданской области, Хабаровского края и других регионов России. В настоящее время проводятся работы по составлению словаря имен персонажей эвенского фольклора (С.Н. Саввинова, Е.В. Нестерова).

За последние пять лет сотрудниками сектора эвенской филологии изданы пять монографий в издательстве «Наука» г. Новосибирска, три автореферата, состоялись защиты трех диссертаций в Москве и Санкт-Петербурге, опубликованы около 140 научных статей, более 40 из них – в журналах, рекомендованных ВАК.

Сотрудники сектора за последние годы выиграли и реализовали три гранта РГНФ, проект DobeS «Документация диалектного и культурного разнообразия эвенов Сибири» совместно с Институтом эволюционной антропологии им. Макса Планка (г. Лейпциг, Германия). В рамках Государственной целевой программы «Сохранение, изучение и развитие государственных и официальных языков в РС (Я) на 2012–2016 гг.» проведены четыре экспедиции в места компактного проживания эвенов. Научные сотрудники ведут преподавательскую деятельность в ВУЗах и ССУЗах республики. Ими разработан эвенско-русский разговорник, учебник по эвенскому языку для студентов кафедры северной филологии СВФУ им. М.К. Аммосова, свод эвенских имен, ведется цикл радиопередач «Голоса тундры и тайги» о музыкальной культуре и фольклоре народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Итак, в изучение эвенского языка и фольклора огромный вклад внесли известные российские ученые. В последние десятилетия изучением эвенского языка активно занимаются и исследователи из Якутии, их перу принадлежат многочисленные работы, в которых рассматриваются различные проблемы эвеноведения. В настоящее время сектор эвенской филологии, продолжая традиции предшественников, особое внимание сосредотачивает на наименее разработанных аспектах изучения эвенского языка в области грамматики, диалектологии, лексикологии, лексикографии и фольклористики.

S.I. Sharina

The contribution of the Yakut researchers in the study of the Even language

The article provides an overview of the study Even language, since the XVII century. Particular attention is paid to the work undertaken by researchers from Yakutia, since the 50th of the XX century to our time. It revealed a significant contribution to the Yakut scientists in the study of grammar, dialectology, lexicology, lexicography and folklore Even language.

Keywords: Even language, learning, grammar, dialectology, lexicology, lexicography and folklore.

УДК 061.61:39(571.56)

П.Е. Прокопьева

Юкагироведческие исследования в ИГИиПМНС СО РАН

В статье освещается история формирования в ИГИиПМНС СО РАН юкагироведческого направления. В ней представлены основные результаты научных исследований по юкагирскому языку и фольклору.

Ключевые слова: ИГИиПМНС СО РАН, юкагирский язык, юкагирский фольклор, научные исследования, сектор палеоазиатской филологии.

Первое всестороннее изучение языка, фольклора и культуры юкагиров, малочисленного народа северо-востока Азии, этническое происхождение которого до сих пор представляет загадку для ученых, связано с именем политического ссыльного, выдающегося ученого-североведа конца XIX – начала XX в. Владимира Ильича Иохельсона.

Исследуя духовную и материальную культуру юкагиров, которые уже в конце XIX в. практически утратили основные черты своей самобытной культуры, В.И. Иохельсон осознавал всю ответственность своей деятельности перед наукой. В труде «Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора» (1900 г.) он писал: «Для этнологии результаты этого изучения имеют тем большее значение, что в них собрана значительная часть из того, что еще сохранилось о языке и фольклоре древнего племени …, дни которого сочтены» [Иохельсон, 2005а, с. 31].

Основательные пионерные работы В.И. Иохельсона способствовали тому, что проблемы юкагирского языка и культуры попали в поле зрения лингвистов, этнографов, фольклористов, историков. «Материалы и исследования Иохельсона, – пишет известный юкагирский ученый Гаврил Николаевич Курилов, – позволили "прорубить окно" в далекое прошлое юкагиров и найти им достойное место на Мировом древе человечества» [Иохельсон, 2005б, с. 11].

К счастью, словам В.И. Иохельсона об исчезновении в ближайшем будущем юкагиров как народа не суждено было сбыться, а научные изыскания по юкагирскому языку и фольклору, заложенные исследователем, продолжены и продолжаются целой плеядой ученых, большинство из которых представители самого юкагирского народа.

Говоря о роли ИГИиПМНС СО РАН, созданном на базе двух гуманитарных институтов – ИГИ АН РС (Я) и ИПМНС СО РАН, в развитии юкагироведения, трудно не согласиться с этнологом, одним из ведущих специалистов в области юкагирской культуры Л.Н. Жуковой, которая в предисловии к переизданию вышеуказанного труда В.И. Иохельсона отметила: «Само создание подобного единственного в мире Института проблем малочисленных народов Севера в 1991 г. в Республике Саха (Якутия) стало возможным и счастливым следствием неутомимой научной деятельности политических ссыльных Якутии в XIX – нач. XX вв. и многонационального отряда советских ученых» [Иохельсон, 2005а, с. 3–4]. Знаковым является то, что благодаря ИПМНС СО РАН в 2005 г. впервые на русском языке вышел другой фундаментальный труд В.И. Иохельсона «Юкагиры и юкагиризированные тунгусы» ранее изданный в 1926 г. на английском языке в серии «Ученые записки Американского музея естественной истории» (по результатам Джезуповской экспедиции 1900–1902 гг.).

Сбор материалов по юкагирскому языку и фольклору в Институте языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР, институте, откуда берет начало история нынешнего ИГИиПМНС СО РАН, стал производиться в 1958 г. Тогда на работу лаборантом был принят нижнеколымский юкагир Афанасий Николаевич Лаптев, выпускник ЛГПИ им. А.И. Герцена.

В 1959 г., «учитывая большой научный интерес к потомкам древнейшего населения северовостока Якутской АССР» [Юкагиры..., 1975, с. 7], институт организовал комплексную экспедицию в места расселения юкагиров, которая явилась второй крупной экспедицией после Джезуповской. В ходе этой Юкагирской экспедиции А.Н. Лаптев записал у нижнеколымских и верхнеколымских юкагиров уникальный разножанровый

© П.Е. Прокопьева, 2015

фольклорный материал, большая часть которого была зафиксирована впервые. Собирателю удалось первым зарегистрировать образцы эпических преданий тундренных юкагиров о богатыре Эдилвее. Впоследствии собранные материалы войдут в академическое издание «Фольклор юкагиров» 60-томной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (2005).

В 1963–1964 гг. в ИЯЛИ в качестве лаборанта работал юкагир с Нижней Колымы Г.Н. Курилов, ныне доктор филологических наук. Здесь начался его большой путь в науку. После окончания аспирантуры Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР с 1968 г. он трудится в ИЯЛИ уже на постоянной основе. Молодой сотрудник активно собирает языковой и фольклорный материал, позже приступает еще и к составлению первого юкагирско-русского словаря на основе тундренного диалекта.

С созданием в 1992 г. Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН Г.Н. Курилов, к.ф.н., ученик выдающихся ученых, тунгусоведа Веры Ивановны Цинциус и юкагироведа Ерухима Аврамовича Крейновича, возглавил сектор юкагирской (в последующем – палеоазиатской) филологии. Организация самостоятельного подразделения для проведения исследований по языку и фольклору юкагиров послужила огромным стимулом для развития юкагироведения, создало условия для подготовки научных кадров из числа представителей юкагирского народа.

С момента образования сектора основными направлениями его работы стали исследования в области юкагирской грамматики, словообразования, лексикологии и лексикографии, изучение жанровых особенностей и семиотики фольклора юкагиров.

Сотрудниками сектора разработаны следующие актуальные темы юкагирского языкознания: по лексике и лексикографии – бытовая лексика (А.А. Данилова), топонимика (Ю.Г. Курилов), юкагирско-русские словари по двум юкагирским диалектам (Г.Н. Курилов, П.Е. Прокопьева, А.Е. Прокопьева); по грамматике – наречные слова (М.П. Лукина), спряжение глаголов (Э.С. Атласова), служебные части речи (Г.Н. Курилов), категория модальности (М.П. Лукина), местоимение (С.Н. Курилова), междометная лексика (С.Н. Курилова), деепричастие (А.Е. Прокопьева); по словообразованию – способы и средства именного и глагольного словообразования (Г.Н. Курилов); по синтаксису – простое предложение (Г.Н. Курилов, М.П. Лукина, Ю.Г. Курилов, С.Н. Курилова) и др.

Значительный вклад в юкагироведение внес сам Г.Н. Курилов. Он автор таких крупных научных работ, как «Сложные имена существительные в юкагирском языке» (Л., 1975), «Именное аффиксальное образование имен существительных» (Якутск, 1980), «Юкагирско-русский словарь» (Новосибирск: Наука, 2003), «Лексикология современного юкагирского языка: развитие лексики и роль в нем якутского языка» (Новосибирск: Наука, 2003), «Современный юкагирский язык» (Якутск: Офсет, 2006). Является составителем тома «Фольклор юкагиров» серии «Памятники фольклора народов Севера и Дальнего Востока» (М.; Новосибирск: Наука, 2005).

В частности, его монография «Лексикология современного юкагирского языка: развитие лексики и роль в нем якутского языка», посвященная описанию словообразовательной системы и путей обогащения словарного состава юкагирского языка, явилась итогом многолетних научных изысканий автора по лексике и словообразованию. В рамках исследования Г.Н. Курилов рассмотрел проблему этнической истории юкагиров, сравнил языки лесных и тундренных юкагиров в лексическом и фонетическом плане. Изучение этих вопросов позволило автору выдвинуть предположение о существовании в прошлом семьи юкагирских языков, уральских по происхождению.

Огромным достижением сектора стал выпуск в 2001 г. первого академического «Юкагирско-русского словаря», который включил около 11 тысяч лексических единиц тундренного юкагирского языка с фразовыми примерами, большинство из которых представляют полевые материалы составителя словаря Г.Н. Курилова.

На основе лексикологических исследований вышла монография Анны Андреевны Даниловой «Бытовая лексика юкагирского языка» (Новосибирск: Наука, 2004). В работе впервые систематизирована и научно обработана лексика таких тематических групп, как жилище, утварь, одежда, проведены семантический и морфологический анализ слов и словосочетаний, в наиболее интересных случаях даны этимология слов, этнографические сведения.

Результатом исследований по топонимике стала книга молодого ученого, к сожалению, рано ушедшего из жизни, Юрия Гавриловича Курило-

ва «Юкагирские топонимы Северо-Востока Азии» (Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2013). В книге представлен семантический, морфологический и этимологический анализ юкагирских топонимов, приведены некоторые исторические, этнографические и географические данные.

Как известно, юкагирский язык состоит из двух сильно различающихся диалектов – тундренного (язык юкагиров Нижней Колымы) и колымского (язык юкагиров Верхней Колымы). Однако данное определение статуса юкагирских языков, по-видимому, не является точным. Лингвисты (Е.А. Крейнович, Г.Н. Курилов и др.) придерживаются мнения, что тундренный и колымский диалекты, очевидно, нужно квалифицировать как два самостоятельных близкородственных языка.

В связи с этим важным вектором исследований по юкагирскому языку становится изучение юкагирских диалектов в сопоставительном аспекте, что позволяет выявить их сходство и различие, глубже понять те или иные языковые явления. Подобные разработки перспективны и с точки зрения проведения исследований сравнительно-исторического и типологического характера.

В контексте сопоставительного изучения юкагирских диалектов выполнены следующие работы.

Предметом исследования в монографии А.Е. Прокопьевой «Деепричастие в юкагирском языке: сопоставительный аспект» (Новосибирск: Наука, 2012) стали полипредикативные конструкции с деепричастиями колымского и тундренного диалектов юкагирского языка. Автор классифицировал их по структурным и семантическим типам, рассмотрел аналитические конструкции с деепричастными формами.

Междометная лексика тундренных и лесных юкагиров описана и проанализирована в монографии С.Н. Куриловой «Междометия и междометные слова юкагирского языка» (Новосибирск: Наука, 2012). В работе впервые предпринята попытка определения структурно-морфологических особенностей и функционально-семантического содержания междометий, установлена их роль в речевой коммуникации.

Комплексному описанию наречий на материале двух юкагирских диалектов посвящена работа Маргариты Петровны Лукиной «Наречие в юкагирском языке» (Новосибирск: Наука, 2014). В монографии наречие впервые рассмотрено с учетом функциональных трансформаций в системе частей речи современного юкагирского языка; определены его лексико-грамматические разряды, синтаксические функции, словообразование.

Приоритетное направление научной деятельности сектора составляют, кроме юкагирского языка, исследования по юкагирскому фольклору.

Проведены исследования по малым жанрам фольклора (Л.В. Курилова), мифологическим образам и сюжетам (П.Е. Прокопьева, Л.Н. Жукова), составлен этномифологический указатель (Л.Н. Жукова). Сотрудниками сектора накоплен большой полевой материал, собранный у юкагиров Нижней и Верхней Колымы.

Как было сказано выше, в 2005 г. вышел том «Фольклор юкагиров» 60-томной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Это первое академическое двуязычное издание фольклора лесных и тундренных юкагиров. В книге впервые широко представлены фольклорные тексты тундренных юкагиров, собранные А.Н. Лаптевым и составителем тома Г.Н. Куриловым. В публикации приводятся основные сведения о юкагирах, их истории, фольклорном наследии, содержатся примечания к текстам и комментарии к переводу. К тому прилагается компакт-диск с образцами музыкального фольклора двух этнолингвистических групп юкагиров.

Результатом научных изысканий в области фольклористики явилась монография П.Е. Прокопьевой «Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре» (Новосибирск: Наука, 2009). В исследовании интерпретируются самобытные мифологические образы устнопоэтического творчества лесных юкагиров – хитроумный Заяц, Мифический Старик-людоед, шестиногий лось, анализируется песенный фольклор юкагиров, поэтическая образность которого также проистекает из мифа.

В центре внимания монографии Л.Н. Жуковой «Очерки по юкагирской культуре. Ч.2: Мифологическая модель мира» (Новосибирск: Наука, 2012) – мифологическая модель мира юкагиров как символическая система. В работе предпринята попытка реконструирования мифологического времени как последовательно меняющихся картин мира со своими доминирующими идеями и героями.

Сегодня ИГИиПМНС СО РАН является единственным научно-исследовательским учреждением в России и в мире, где системно разрабатываются проблемы исчезающего юкагирского язы-

ка и фольклора. Деятельность сектора палеоазиатской филологии института базируется на сочетании фундаментальных и прикладных научных исследований, социальной и образовательной практики.

В настоящее время в секторе работают шесть научных сотрудников: П.Е. Прокопьева, к.п.н., зав. сектором, Г.Н. Курилов, д.ф.н., г.н.с., Л.Н. Жукова, к.и.н., н.с., М.П. Лукина, к.ф.н., н.с., С.Н. Курилова, к.ф.н., н.с., А.Е. Прокопьева, к.ф.н., н.с. – и два лаборанта: А.В. Помогаева, Л.Г. Курилова.

Помимо основной научно-исследовательской работы в секторе реализуются дополнительные научные, образовательные и социокультурные проекты.

Так, Л.Н. Жукова издала монографию «Очерки по юкагирской культуре. Ч. 1: Одежда юкагиров: генезис и семантика» (Новосибирск: Наука, 2009). В книге рассматриваются вопросы бытования национального костюма юкагиров (преимущественно лесных) от глубокой древности до современности, исследуются типы наплечной одежды и адаптивные изменения в гардеробе аборигенных и пришлых народов Северной Евразии.

За последние пять лет сотрудники выиграли и реализовали два гранта РГНФ, один грант Министерства культуры и духовного развития РС (Я), выполнили пять проектов в рамках Государственной целевой программы «Сохранение, изучение и развитие государственных и официальных языков в РС (Я) на 2012–2016 гг.», ведут работу по гранту РНФ. За эти годы проведены семь экспедиций в места проживания юкагиров – в Верхнеколымский и Нижнеколымский улусы Республики Саха (Якутия), в п. Сеймчан Среднеканского района Магаданской области – с целью сбора фольклорных, языковых и этнографических материалов, изучения этнокультурной ситуации.

Юкагирский язык относится к исчезающим языкам мира. Поэтому приложение научных знаний к образовательной практике – одна из важных сторон деятельности юкагироведов. Сотрудниками сектора выпущено около 30 учебных пособий, среди которых печатные и аудиовизуальные издания по языку, фольклору и традиционной культуре юкагиров.

В 2007 г. сектор совместно с Министерством образования РС (Я) явился инициатором и исполнителем проекта «Содействие сохранению юкагирского языка и устных традиций посредством укрепления ресурсов образовательных учреждений в местах компактного проживания юкагиров в Республике Саха (Якутия) Российской Федерации», который получил поддержку ЮНЕСКО. В рамках проекта выпущены 14 аудиовизуальных пособий на юкагирском языке, из которых пять – учебные издания, 9 – полевые материалы исследователей.

Сектор совместно с СВФУ им. М.К. Аммосова инициировал и выполнил проект «Программа сохранения и развития языков и культур малочисленных народов Севера на цифровых носителях и в Киберпространстве на 2011–2014 гг.», в ходе которого издано свыше 10 электронных пособий по языку и культуре юкагиров.

Сотрудники сектора принимают участие в разработке республиканских законопроектов, касающихся вопросов социально-экономического и этнокультурного развития юкагиров, ведут активную работу по пропаганде научных знаний, публикуются в СМИ, выступают на радио и телевидении по проблемам сохранения юкагирского языка и культуры.

Главный научный сотрудник сектора, доктор филологических наук Г.Н. Курилов известен и как талантливый поэт, общественный деятель. Он стоял у истоков создания Совета старейшин юкагиров, около 10 лет возглавлял его. Принимал активное участие в организации юкагирских общин «Чайла» и «Тэки Одулок», явился разработчиком проекта Закона РС (Я) «О Суктуле юкагирского народа».

В связи с 80-летним юбилеем ИГИиПМНС СО РАН хочется с благодарностью назвать имена тех, кто ранее работал в стенах института по юкагирской тематике. Это научные сотрудники Анна Андреевна Данилова, Любовь Васильевна Курилова, Зоя Андреевна Дмитриева, Николай Николаевич Курилов, Анастасия Афанасьевна Тымкель, Елена Ильинична Нератова, Элида Спиридоновна Атласова, Юрий Гаврилович Курилов, Светлана Алексеевна Турпанова; лаборанты – Анна Афанасьевна Дружинина, Надежда Егоровна Бандерова, Акулина Ивановна Курилова, Ирина Гавриловна Курилова, Прасковья Ивановна Курилова, Анастасия Афанасьевна Атласова, Александра Федоровна Маликова, Николай Гаврилович Солнцев, Лена Николаевна Сергеева, Таисия Иннокентьевна Третьякова, Любовь Николаевна Демина.

Отмечая основные результаты юкагироведческих изысканий в ИГИиПМНС СО РАН, необходимо подчеркнуть значимость проведения научных исследований в сохранении и развитии юка-

гирского языка и культуры и в целом – юкагирского этноса. Первооткрыватель юкагирской культуры В.И. Иохельсон с убеждением говорил: «...Познание малых народов не менее важно, чем изучение народов больших» и «пока еще живы свидетели прошлой жизни, нужно спешить получить от них всю возможную информацию относительно их прошлого» [Иохельсон, 2005 б, с. 24–25].

Конечно, в юкагирской филологии остается еще очень много открытых вопросов и белых пятен, но думается, что многие научные открытия еще состоятся.

Литература

Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. – Якутск: Бичик, 2005а. – 272 с.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы / Пер. с англ. В.Х. Иванова, З.И. Ивановой-Унаровой. – Новосибирск: Наука, 2005б. – 675 с.

Юкагиры. Историко-этнографический очерк. – Новосибирск: Наука,1975. – 244 с.

P.E. Prokopyeva

Yukagirs' researches in the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North Siberian Branch Russian Academy of Science

This article deals with the history of formation in IHRISN SB RAS the study of the Yukagirs direction. It presents the main results of research on the Yukagir language and folklore.

Keywords: IHRISN SB RAS, Yukagir language, Yukagir folklore, scientific research, Department of Paleoasian Philology.

УДК 811.554

С.Н. Курилова

К проблеме разграничения явлений смешения кодов в рамках одного слова и лексических заимствований в юкагирском языке

В статье рассматриваются взгляды европейских ученых на проблематику, связанную с явлениями языковых контактов. Анализ теоретического материала позволяет определиться с понятиями и терминами, необходимыми для классификации и всестороннего исследования иноязычных лексем в языке тундровых юкагиров.

Ключевые слова: юкагирский язык, тундровый диалект, переключение кодов, смешение кодов, иноязычная лексема, лексическое заимствование, частотность, адаптация.

В контактологии смешение кодов (далее – СК) – это употребление двух языков в одном предложении, т.е. включение элементов из языка Б в язык А, а переключение кодов (далее – ПК) – это переход с одного языка на другой в рамках одного дискурсивного единства. Лексическое заимствование состоит в переносе или вставке слов из языка Б в язык А. В первое время преобладал классический взгляд на различение этих понятий: при СК/ПК иноязычные единицы не адаптируются морфологически и фонологически, а заимствования адаптируются. Однако опыт многих других исследователей показал, что в обоих случаях может иметь место адаптация иноязычных элементов и что не все неинтегрированные элементы следует считать СК/ПК [Appeal, Muysken, 2005, p. 172].

Большинство исследователей СК/ПК и заимствования (П. Гарднер-Хлорос (1987), Ш. Мейерс-Скоттон (1992, 1997), С. Томасон (2001), Дж. Трефферс-Даллер (1994)) считают, что их нужно рассматривать в одном диахроническом континууме. Другими словами, заимствования начинаются как ПК и затем постепенно становятся закрепленными заимствованными единицами. Когда

© С.Н. Курилова, 2015

это происходит в разных исторических периодах контакта все тех же двух языков, заимствования могут интегрироваться совершенно по-разному и в результате выглядеть совсем иначе в языке-реципиенте [Gardner-Chloros, 2009, p. 12, 31; Backus, Dorlejn, 2009, p. 78].

Ш. Поплак, Д. Санкофф и К. Миллер (1988) определяют лексическое заимствование как «инкорпорацию отдельных слов L2 (язык-источник) (или словосочетаний, выступающих как одно слово) в дискурс языка L1 (принимающий язык или язык-реципиент), обычно фонологически и морфологически адаптируемых с тем, чтобы соответствовать моделям этого языка, и занимающих определенное место в предложении по своей синтаксической структуре». В то время как ПК для Поплак и Санкофф (1981) представляет собой «отрезки предложения L2, состоящего из нескольких слов, которые остаются морфологически и синтаксически неадаптированными моделями языка-реципиента», они все же допускают теоретическую возможность включения одного слова L2 при ПК. Определив, что включают эти понятия, и проанализировав работы своих коллег, они дают список критериев для определения заимствования:

- интеграция в языке-реципиенте;
- частота в сообществе языка-реципиента;
- замена родными синонимами;
- приемлемость носителями языка-реципиента [цит. по: Nivens, 2002, p. 6].

Ш. Мейерс-Скоттон [1997] видит как сходства, так и различия между этими двумя явлениями и выдвигает в качестве гипотез следующие утверждения.

Заимствования и ПК (вставка одного слова) подвергаются морфосинтаксической интеграции в матричном языке (далее – МЯ). Заимствования вписываются в морфологический строй МЯ, так же как и ПК в составляющих предложения на МЯ и включенном языке (далее – ВЯ). Связано это с тем, что оба явления происходят в одном континууме, в котором заимствования больше попадают под влияние МЯ, чем ПК.

Заимствования бывают культурные и основные. Основные заимствования тесно связаны с ПК, поскольку они вошли в МЯ как ПК. В плане частотности ПК имеют минимальный показатель по сравнению с заимствованиями. Культурные заимствования, обозначающие новые предметы и понятия, часто «заполняют пробелы», что в принципе свойственно всем заимствованиям. ПК также могут «заполнять пробелы», но иного характера, кроме того они происходят спонтанно.

Заимствования и ПК отличаются своим статусом по отношению к ментальному лексикону. Заимствования вошли в этот лексикон, а ПК нет. Основанием для этого необходимо считать различие в частотности употребления оригинального материала на ВЯ в высказываниях с ПК.

Статус форм на ВЯ, будь то заимствования или ПК, можно определить через частоту появления, когда представляют понятие или предмет, который они кодируют, с частотой родных форм для того же понятия или предмета. Конечно же культурные заимствования покажут относительно высокую частотность, поскольку в языке-реципиенте нет родных слов для них. Основные заимствования демонстрируют высокую частотность по сравнению с ПК.

Сама же Мейерс-Скоттон использует собственное правило для определения частотности – если любая форма на ВЯ имела место в относительно большом корпусе хотя бы три раза, то она считается заимствованием.

Таким образом, явления ПК (включение одного слова) более непредсказуемы, и можно лишь указывать на тот факт, что ПК являются морфемами, возникающими в рамках МЯ [Myers-Scotton, 1997, p. 206–207].

Выделив три основные стратегии СК, П. Мэйскен называет одну из них *включение*, в которую у него вошли окказионализмы (nonce-borrowing) и вставки составляющих (constituent insertion) [Muysken, 2000, p. 60]. Он приводит следующие особенности (на материале языка кечуа как языка А и испанского как языка Б), характерные для включений.

Включения главным образом представляют собой вставку одного слова (составляющего) из языка Б. К ним относится все, что может рассматриваться как вставка, – слова, словосочетания, устойчивые обороты и т.п. Вставки легко переносятся благодаря своей синтаксической инертности. Если вставляется несколько слов, не образующих вместе одного или нескольких составляющих, то речь идет о конгруэнтной лексикализации.

Для включений характерно промежуточное положение в предложении языка А (…а…б…а…), без нарушения грамматической целостности.

Включения обычно представлены знаменательными частями речи и реже – служебными. Обычно это – имена существительные, прилагательные и глаголы.

Включения функционируют в предложении как дополнения и в редких случаях – определения.

Включения могут быть морфологически интегрированы.

При стратегии включения МЯ сохраняется, и его грамматическая система определяет всю структуру предложения [Muysken, 2000, p. 61–64].

Он отмечает, что стратегия включения формально отличается от заимствования морфологически – происходит ли вставка на супралексическом или на сублексическом уровне (т.е. на уровне предложения или слова). Таким образом, Мэйскен считает, что СК предполагает вставку иноязычных слов или составляющих *в предложение*, а заимствование – внесение иноязычного элемента *в лексику*. СК могут быть спонтанными в речи (собственно СК) и условно принятыми в языковом сообществе (когда определенные модели СК часто имеют место в одном сообществе, а другие модели – в другом). Заимствования же могут быть окказиональными (иноязычные элементы, еще не получившие какого-либо статуса в данном языковом сообществе) и закрепленными (собственно заимствования) [Muysken, 2000, p. 71–72].

С. Томасон считает, что необходимо различать элементы ПК и заимствования по следующим критериям: 1) ПК возможно только в условиях двуязычия; 2) элементы ПК не встраиваются в структуру принимающего языка, в то время как заимствованные элементы проходят адаптацию; 3) если иноязычное слово появляется в речи билингва нечастотно и спонтанно, то речь идет о ПК; 4) ПК не может встраиваться в структуру слова, т.е. между основой и аффиксом или двумя аффиксами; 5) при ПК совершенное владение вторым языков не является существенным условием [Thomason, 2001, p. 134–136].

Некоторые исследователи различают заимствование и ПК на основании реализации лингвистической интеграции. Так, для Э. Хаугена (1950) отличительным критерием была фонологическая ассимиляция. Ф. Гросжан (1982) и Е. Бокамба (1988) утверждали, что обязательными особенностями заимствований необходимо считать как фонологическую, так и морфологическую интеграцию. С ними согласны Р. Кёппэ и Ю. Майзель (1995), хотя и отмечают размытость деления. К. Хильтенштам (1995) считал, что заимствованные формы морфологически и синтаксически, но не обязательно фонологически, интегрированы. Ж. Нортье (1990) отмечала, что К. Пфафф (1979), К. Мейерс-Скоттон (1988), А. Бентахила и Э. Дэвис (1983) не учитывают морфологическую интеграцию как критерий различения заимствования от ПК, однако С. Берк-Селигсон (1986) применила термин «заимствование» только к тем словам, которые прошли интеграцию на всех лингвистических уровнях, наряду со всеми другими вставками ВЯ, рассматриваемыми как ПК. Ш. Поплак также считала любое иноязычное слово формой ПК до тех пор, пока оно не пройдет фонологическую, морфологическую и синтаксическую ассимиляцию [цит. по: Nivens, 2002, p. 5].

Однако результаты работ Дж. Касагранде (1954–1955) и Ш. Поплак и Д. Санкофф (1984) показали, что интеграция не показатель заимствования, однако степень интеграции иноязычного элемента может свидетельствовать о времени заимствования [цит. по: Appel, Muysken, 2005, p. 173].

П. Ауэр и К. Истман пишут, что практически невозможно отличить заимствование от ПК. Несомненно, закрепленные заимствования (называемые заимствованные слова), которые зарегистрированы в словарях и употребляются и/или знакомы также монолингвальным носителям, не являются случаем ПК. Однако окказионализмы могут стать закрепленными заимствованиями со временем, если они употребляются часто и в итоге переходят от билингвов к монолингвам. Поскольку этот процесс по сути постепенный, невозможно определить является ли каждый отдельный заимствованный знак случайным или закрепленным. Семантический критерий (прежде всего, вопрос состоит в том, есть ли в языке Б соответствующее родное слово с примерно таким же значением, или заимствование заполняет лексический пробел) может повлиять на то, станет ли слово закрепленным заимствованием, но не может определить, на какой стадии интеграции слово находится на данный момент. Казалось бы структурная интеграция заимствованного элемента в МЯ является хорошим критерием, но при ближайшем рассмотрении это ведет к содержательному результату: фонетическая интеграция сама по себе постепенна, а морфологическая интеграция часто отсутствует, т.к. окказионализмы в морфологически разнообразных языках не получают соответствующего морфологического обозначения (т.н. голые формы). Поэтому сложно или даже невозможно провести четкую границу между заимствованиями и явлениями вставки слов спонтанно или при ПК [Auer, Eastman, 2010, p. 86].

К. Пфафф (1979) предлагает использовать не лингвистические критерии, а подходить к проблеме с позиции ввода и мотивации. Она задает следующие вопросы: какому языку – МЯ или ВЯ – по мнению носителя принадлежит слово? Если он относит слово к ВЯ, знает ли он эквивалент на МЯ? Как часто эквивалент МЯ употребляется в сообществе? Здесь противопоставлены действительное определение объекта и практическое определение или эвристическое. Необходим лишь ряд формально определенных объектов на психолингвистическом (вводном) и внешнем (выводном) уровнях, которые могут наглядно соотноситься друг с другом на статистически важном уровне [цит. по: Nivens, 2002 p. 6].

Учитывая специфику нашего исследования, объектом которого является язык тундровых юкагиров и на котором говорят менее 60 носителей, мы пришли к выводу о необходимости оперировать следующими основными понятиями и терминами при описании и анализе иноязычных лексических единиц. Во-первых, это – СК, под которым мы пониманием включение элементов из языка Б в язык А на сублексическом уровне. К таковым относятся случаи коммуникативной стратегии билингва (в зависимости от собеседника, темы, контекста и т.п.). Однако если слово демонстрирует одно- или двукратное употребление в речи одного носителя, в корпусе (в различных источниках), либо оно идиосинкретично, что усложняет определение его статуса в юкагирском языке, то мы называем такое иноязычное слово *СК в рамках одного слова* или *СК-слово*. К СК мы условно относим окказионализмы, которые могут стать закрепленными заимствованиями со временеми при условии их частого употребления, а в дальнейшем – их перехода от билингвов к монолингвам. Интеграция – процесс постепенный и длительный, требующий функционирования инолексемы в языке-реципиенте в пределах нескольких поколений носителей. Поэтому невозможно определить, является ли то или иное иноязычное слово случайным или закрепленным. Тем более это невозможно по отношению к юкагирскому языку как вымирающему, носители которого несколько столетий являются билингвами (мультилингвами). Иноязычные слова, частотно (3 и более трех раз в разных источниках) и широко употребляющиеся и не имеющие родного эквивалента в языке А, являются *лексическими заимствованиями* или *заимствованными словами*. Как можно видеть, важным при определении СК-слова и лексического заимствования для нас является частотность употребления в нашем исследуемом корпусе.

Все эти понятия расположены на одной прямой, в которой СК представляют собой среду случайного вхождения иноязычных слов (СК-слова, окказионализмы), которые, с одной стороны, не имеют определенного статуса в языке-реципиенте, а с другой – употребляются в речи одного носителя или нескольких в одной определенной группе, и на противоположной точке находятся лексические заимствования.

Литература

Appel R., Muysken P. Language contact and bilingualism. Amsterdam: Amsterdam university press. – Amsterdam academic archive, 2005. – 216 p.

Auer P., Eastman C. Code-switching // Society and language use. In J. Jaspers, J. Östman, J. Verschueren (eds.), Handbook of Pragmatics Highlights. 7. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2010. Ch.7. – 324 p.

Backus A., Dorlejn V. Loan translations versus code-switching // The Cambridge handbook of linguistic code-switching. In B. Bullock, A. Toribio (ed.). – Cambridge: Cambridge university press, 2009. – 422 p.

Gardner-Chloros P. Code-switching. – Cambridge: Cambridge university press, 2009. – 242 p.

Muysken P. Bilingual speech: A typology of code-mixing. – Cambridge: Cambridge university press, 2000. – 306 p.

Myers-Scotton C. Duelling languages: grammatical structure in code-switching. – Oxford: Clarendon press, 1997. – 286 p.

Nivens R. (Richard J.) Borrowing versus code-switching in West Tarangan (Indonesia). – Dallas: SIL International, 2002. – 232 p.

Thomason S. Language contact: an introduction. – Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2001. – 312 p.

S.N. Kurilova

On the problem of distinguishing the effects of mixing code in one word and lexical borrowing in Tundra Yukagir

The article considers the views of the European scholars on an issue related to cases of the language contacts. The analysis of the theoretical material allows to determine what key terms could be used to classification and comprehensive study on foreign lexemes in Tundra Yukaghir.

Keywords: Yukaghir language, Tundra dialect, code-switching, code-mixing, foreign word, lexical borrowing, frequency, adaptation.

УДК 811.512.2’373

Ван Гоуин

О фонологических соответствиях в области консонантизма тунгусских языков

В статье приводятся результаты сравнительного изучения начальных согласных в однокоренных словах девяти языков тунгусоманьчжурской семьи и на этой основе выводится правило соответствия между однокоренными словами нанайского, орокского и ульчского языков, которое помогает установить родство между данными языками.

Ключевые слова: сравнительно-историческое, тунгусоманьчжурская семья, тунгусские, маньчжурские, согласные, родство.

Основные принципы сравнительно-исторической лингвистики определяют степень родства различных языков посредством изучения морфологических соответствий двух или нескольких родственных языков [Цинциус, 1949; Чао Ке, 2014]. Тунгусоманьчжурская семья языков включает две ветви – маньчжурскую и тунгусскую. Общепризнанно, что эвенкийский, эвенский, солонский, негидальский языки принадлежат к тунгусской ветви языков; маньчжурский, диалект сибо, чжурчжэ́ньский языки относятся к маньчжурской ветви. Главное разногласие состоит в том, к какой ветви отнести удэгейский, орочский, нанайский, ульчский, орокский языки или признать их независимой ветвью. Согласно Nirou Ikeue (Нироу Икеу), японскому ученому [1989, с. 1063], эти десять языков в тунгусоманьчжурской семье могут быть далее разделены на четыре подгруппы следующим образом:

1) эвенкийский, эвенский, солонский, негидальский языки;

2) удэгейский, орочский;

3) нанайский, ульчский, орокский;

4) маньчжурский.

Согласно последней классификации, наше исследование рассматривает соответствия начальных согласных однокоренных слов в следующих девяти языках: эвенкийском, эвенском, негидальском, маньчжурском, ульчском, орочском, нанайском, орокском, удэгейском. Мы изучили 394 родственных слова, которые включают в себя 237 существительных, 24 местоимения и числительных, 31 прилагательное и 102 глагола. И мы обнаружили определенные закономерности соответствий начальных согласных в нанайском, ульчском, орокском и других шести языках. Выделяются четыре группы языков: 1) эвенкийский, эвенский, солонский, негидальский языки; 2) удэгейский, орочский; 3) нанайский, ульчский, орокский; 4) маньчжурский, в которых обнаружено следующее:

1. Согласный ***x*** соотвествует нулевой форме

(1) Ветер: эвенк.: ədin, эвен.: ədun, негид.: ədin, маньчж.: ədun, ульч.: xədu (n), орок.: xədu (n), нанай.: xədu (n), ороч.: ədi (n), удэг.: ədi (n)

(2) Белка: эвенк.: uluki, эвен.: oliki, негид.: olohi, маньчж.: ulhu, ульч.: xolo, орок.: xolo, нанай.: xulu, ороч.: oloki, удэг.: oloxi.

(3) Белка-летяга, летучая мышь: эвенк.:

© Ван Гоуин, 2015

umuki, эвен.: umәki, негид.: omki, маньчж.: omka, ульч.: xomu, орок.: xoŋmu, нанай.: xoŋmo, ороч.: omki, удэг.: umugi. .

(4) Хвост: эвенк.: irgi, эвен.: irgә, негид.: igi, маньчж.: ungәhәn, ульч.: xuʤu, орок.: xudu, нанай.: xuigu, ороч.: iggi, удэг.: igi.

(5) Рог: эвенк.: ijә, эвен.: i: j, негид.: i: jә, маньчж.: uihә, ульч.: xujә, орок.: xujә, нанай.: xujә, ороч.: ijә, удэг.: j ә.

(6) Лягушка: эвенк.: әrәki, эвен.: әrәki, негид.: әjәhi, маньчж.: әrhә, ульч.: xәrәkә, орок.: xәrә, нанай.: xәrә, ороч.: әki, удэг.: әhi

(7) Мозг: эвенк.: uma: n, эвен.: uman, негид.: oman, маньчж.: uman, ульч.: xuma (n), орок.: xuma (n), нанай.: xoma, ороч.: uma (n), удэг.: uma (n)

(8) Еда: эвенк.: irgisә, эвен.: issa, негид.: issә, маньчж.: uʤi, ульч.: xujsә, орок.: xujsә, нанай.: xujgәsә, ороч.: iggixә, удэг. -.

(9) Игла: эвенк.: inmә, эвен.: inma, негид.: inmә, маньчж.: ulmә, ульч.: xulmә(n), орок.: xulmә, нанай.: xurmә, ороч.: immә, удэг.: iŋm ә

(10) Тетива: эвенк.: il, эвен.: il, негид.: il, маньчж.: uli, ульч.: xuli (n), орок.: xuli (n), нанай.: xuliә, ороч.: ili, удэг.: ilu

(11) Как: эвенк.: o: n, эвен.: o: n, негид.: o: n, маньчж.: absi, ульч.: xon, орок.: xoni, нанай.: xon, ороч.: o: ngo, удэг.: ono

(12) Сколько: эвенк.: adi, эвен.: adi, негид.: adi, маньчж.: udu, ульч.: xasu (n), орок.: xasu, нанай.: xadu, ороч.: adi, удэг.: adi (n)

(13) Широкий: эвенк.: әmŋә, эвен.: әmŋa, негид.: әmŋә, маньчж.: ontson, ульч.: xәm, орох.: xәmgә, нанай.: xugdi, ороч.: әmmә, удэг.: әŋm ә

(14) Вес: эвенк.: urgә, эвен.: urga, негид.: ujgәgdi, маньчж.: udәkәn, ульч.: xudә uli, орок.: xudә: , нанай.: xujgә, ороч.: uggә, удэг.: ugәhi

(15) Ждать: эвенк.: ala: t-, эвен.: ala: t-, негид.: ala: t-, маньчж.: ala: -, ульч.: xalati-, орок.: xala: ti-, нанай.: xalati-, ороч.: ala: ti-, удэг.: alasi-.

(16) Играть: эвенк.: әwi: -, эвен.: әwi-, негид.: әwi: -, маньчж.: әfi-, ульч.: xupi-, орок.: xupi-, нанай.: xupi-, ороч.: әwi: -, удэг.: gusi-.

(17) Поток, течение: эвенк.: әjә-, эвен.: әjә: -n-, негид.: әjә: -n-, маньчж.: әjә-, ульч.: xәj ә-n-, орок.: xәjә-n-, нанай.: xәjә-, ороч.: әjә-, удэг.: әjә-.

(18) Крепкое объятие, обнимать: эвенк.: әru, эвен.: әr-, негид.: әj-, маньчж.: әri-, ульч.: xәru-, орок.: xәri-, нанай.: xәti-, ороч.: әi-, удэг.: әju-

(19) Преодолевать, достигать: эвенк.: әtә-, эвен.: әt-, негид.: әtә-, маньчж.: әt ә, ульч.: xәt ә-, орок.: xәt ә-, нанай.: xәt ә-, ороч.: әt ә-, удэг.: әt ә-.

(20) Разбирать на части: эвенк.: әnә-, эвен.: әn-, негид.: әnә-, маньчж.: -- , ульч.: xәnә-li-, орок.: xәd ә-n i-, нанай.: xәnә-, ороч.: әnә-ti-, удэг.: әnә-си.

Вышеупомянутое сравнение показывает, что начальный согласный ***x*** нанайского, ульчского и орокского исчез в других шести языках.

2. Согласный s соотвествует нулевой форме

(1) Снег: эвенк.: imana, эвен.: imanra, негид.: imana, маньчж.: nimaŋa, ульч.: simata, орок.: simana, нанай.: simana, ороч.: imasa, удэг.: imaha.

(2) Мех: эвенк.: inŋakta, эвен.: inŋat, негид.: әnŋakta, маньчж.: iŋgaha, ульч.: sinakta, орок.: sinagta, нанай.: siŋagta, ороч.: iŋagta, удэг.: iŋakta.

(3) Течка (период полового возбуждения у млекопитающих): эвенк.: irgakta, эвен.: irgat, негид.: ijgakta, маньчж.: iga, ульч.: sigagta, орох.: sigagta, нанай.: sigagta, ороч.; iga, удэг.: iga.

(4) Лиственница: эвенк.: ismama, эвен.: isag, негид.: isma, маньчж.: isi, ульч.: sisi, орок.: sisi, нанай.: sisi, ороч.: isi, удэг.: ihi.

(5) Черемуха: эвенк.: inŋәktә, эвен.: -- , негид.: imŋәmkәn, маньчж.: jәŋgә, ульч.: sinәktә, орок.: siŋәktә, нанай.: siŋәktә, ороч.: Я amәpә, удэг.: iŋofo.

(6) Цветок: эвенк.: ilaga, эвен.: ilaga, негид.: ilaha, маньчж.: ilχa, ульч.: sila, орок.: sila, нанай.: silaqta, ороч.: ilakta, удэг.: ila.

(7) Язык: эвенк.: inŋi, эвен.: iәnŋa, негид.: inŋi, маньчж.: ilәŋgu, ульч.: sinu, орок.: sinu, нанай.: siŋmu, ороч.: iŋi, удэг.: iŋi.

(8) Спинной мозг: эвенк.: i: kә: ri, эвен.: ikari, негид.: i: xәj, маньчж.: ikursun, ульч.: siәri, орок.: s ә: ri, нанай.: -- , ороч.: ikәi, удэг.: ix ә.

(9) Жир: эвенк.: imu: ksә, эвен.: imran, негид.: imuksә, маньчж.: Я amәŋgi, ульч.: simsә, орок.: simurә, нанай.: simuksә, ороч.: imuksә, удэг.: imoho.

(10) Масло (нефть): эвенк.: imu: ksә, эвен.: imran, негид.: imuksә, маньчж.: imәŋgi, ульч.: simsә, орок.: simurә, нанай.: simuksә, ороч.: imuksә, удэг.: imoho.

(11) Чесать, расчесывать (расческа): эвенк.: igdi-, эвен.: id-, негид.: igdi-, маньчж.: idʒi-, ульч.: sigdu-, орок.: sigdi-, нанай.: sigdi-, ороч.: igdi-, удэг.: --.

Сравнение показывает, что начальный согласный ***s*** нанайского, ульчского и орокского исчез в других шести языках.

3. Согласный χ соотвествует нулевой форме

(1) Ели (ель): эвенк.: asi: kta, эвен.: asta, негид.: -- , маньчж.: -- , ульч.: χasta, орок.: χasi:

qta, нанай.: χasikta, ороч.: asikta, удэг.: ahikta.

(2) Стороны (сторона): эвенк.: oldo: n, эвен.: olda: n, негид.: oldo: n, маньчж.: -, ульч.: χoldo (n), орок.: χoldo (n), нанай.: χoldo, ороч.: ogdo (n), удэг.: ogdo (n).

(3) Двадцать: эвенк.: orin, эвен.: ʤulmər, негид.: ojin, маньчж.: orin, ульч.: χori (n), орок.: χori (n), нанай.: χori, ороч.: oi, удэг.: waji.

(4) Пояс, ремень: эвенк.: alaɣ, эвен.: al, негид.: ala, маньчж.: - , ульч.: χala, орок.: χali, нанай.: χala, ороч.: ala, удэг.: ala.

(5) Сухой: эвенк.: olgokin, эвен.: olgaqan, негид.: olgokin, маньчж.: olχon, ульч.: χolʤo (n), орок.: χoldoxo, нанай.: χolgoqto, ороч.: oggipta, удэг.: ogou

(6) Тонкий, увядший (иссохший): эвенк.: umda: n, эвен.: umnaku, негид.: - , маньчж.: uxukən, ульч.: χomdo (n), орок.: χumana, нанай.: χumdu, ороч.: umana, удэг.: umina: -.

(7) Уезжать: эвенк.: asa-, эвен.: asi-saw-, негид.: asa-, маньчж.: asaχa-, ульч.: χasa-, орок.: χasa-, нанай.: χasa-si-, ороч.: asa-, удэг.: ага -.

(8) Восстанавливать: эвенк.: ura: -, эвен.: ир-, негид.: ojaji-, маньчж.: - , ульч.: χora-, орок.: χura-, нанай.: χora-, ороч.: uja-, удэг.: uja-.

Сравнение показывает, что начальный согласный χ нанайского, ульчского и орокского исчез в других шести языках.

4. Соотвествующие согласные h, x, f, p

(1) Тополь: эвенк.: hula, эвен.: hul, негид.: xol, маньчж.: fulχa, ульч.: puli, орок.: pulu, нанай.: polo, ороч.: xulu, удэг.: xulu.

(2) Малыш: эвенк.: hutə, эвен.: hut, негид.: xutə, маньчж.: faŋgu, ульч.: piktə, орох.: puttə, нанай.: piktə, ороч.: xitkə, удэг.: сидите ə.

(3) Губы: эвенк.: həmun, эвен.: həman, негид.: xəmun, маньчж.: fəmən, ульч.: pəmu (n), орок.: pəmu (n), нанай.: pəmu, ороч.: xəmu (n), удэг.: xəmu (n).

(4) Большой палец: эвенк.: hurugun, эвен.: horagan, негид.: xojəŋən, маньчж.: fərxə, ульч.: poro (n), орок.: poro(n), нанай.: pərxə, ороч.: xoŋo (n), удэг.: xu ə.

(5) Молоток: эвенк.: halka, эвен.: halqa, негид.: xalka, маньчж.: folχo, ульч.: palawu (n), орок.: palo, нанай.: paloa, ороч.: xaluχa, удэг.: xaluga.

(6) Шарообразная ручка (двери): эвенк.: həsin, эвен.: həsan, негид.: xəsin, маньчж.: fəsin, ульч.: pəsi (n), орок.: pəsi (n), нанай.: pəsi, ороч.: xəsi (n), удэг.: xəhi.

(7) Короткий: эвенк.: urumku: n, эвен.: urumkun, негид.: ujumku: n, маньчж.: foxolon, ульч.: xurmi, орок.: xurdumi, нанай.: xurmi, ороч.: u: mi, удэг.: umasa.

(8) Кипение воды, вскипятить воду: эвенк.: huju-, эвен.: huj-, негид.: xuj-, маньчж.: fuj ə-, ульч.: puju-, орок.: puj-, нанай.: puju-, ороч.: xujusi-, удэг.: xui-.

(9) Прыгать: эвенк.: hətəkə: n-, эвен.: hətəkən-, негид.: xətəxən-, маньчж.: fint ə-, ульч.: pətən-, орок.: pottʃo-, нанай.: pətən-, ороч.: xət ə-, удэг.: xətigən - .

(10) Бегать: эвенк.: hukti-, эвен.: hotu-, негид.: xukti-, маньчж.: fəksi-, ульч.: pukti-, орок.: pukti-, нанай.: pukti-, ороч.: xukti-, удэг.: xukti-.

(11) Отрезать (вырезать): эвенк.: hus-, эвен.: hus-, негид.: xos-, маньчж.: fusi-, ульч.: pusi-, орок.: pusi-, нанай.: posi-, ороч.: xusi-, удэг.: -.

Сравнение показывает, что согласный *p* в нанай., ульч. и орок. соответствует *h* в эвенк. и эвен. и *f* в маньчж., *x* в негид., ороч. и удэг..

5. Согласный g соответствует G

(1) Кость: эвенк.: giramna, эвен.: giramra, негид.: gijamna, маньчж.: giraŋgi , ульч.: Giramsa, орок.: Giransa, нанай.: Girmaqsa, ороч.: giamsa, удэг.: gamaha.

(2) Дрова: эвенк.: golo, эвен.: gol, негид.: golo, маньчж.: goldon, ульч.: Goloŋqo, орок.: Golo, нанай.: Goloŋqo, ороч.: golo, удэг.: golo.

(3) Палка: эвенк.: gara, эвен.: gar, негид.: gaja, маньчж.: garia, ульч.: Gara, орок.: Gara, нанай.: Gara, ороч.: ga: , удэг.: ga: .

(4) Горький: эвенк.: goti, эвен.: got, негид.: gotigdi, маньчж.: gosi-χon, ульч.: Gotuli, орок.: Goti, нанай.: Goti, ороч.: gotisi, удэг.: guatihi.

(5) Холодный: эвенк.: gildi, эвен.: gilra, негид.: giligdi, маньчж.: gahurun, ульч.: Gituli, орок.: Giluli, нанай.: Gilisi, ороч.: gilisi, удэг.: gilihi.

(6) Далекий: эвенк.: goro, эвен.: gor, негид.: gojo, маньчж.: goro, ульч.: Goro, орок.: Goro, нанай.: Goro, ороч.: go: , удэг.: go: .

(7) Высокий: эвенк.: gugda, эвен.: gu: d, негид.: gogda, маньчж.: godo-χon, ульч.: Gugda, орок.: Gugda, нанай.: Gogda, ороч.: gugda, удэг.: gugda.

(8) Прогуляться: эвенк.: gira-, эвен.: giraŋ-, негид.: gijan-, маньчж.: garda-, ульч.: Giran-, орок.: Giran-, нанай.: Giran-, ороч.: gia-, удэг.: gəana-.

(9) Резать: венк.: gir-, эвен.: gir-, негид.: gi: -, маньчж.: giri-, ульч.: Giri-, орок.: Giri-, нанай.: Giri-, ороч.: gi: -, удэг.: gi: -.

Сравнение показывает, что начальный согласный G нанайского, ульчского и орокского соответствует g других языках.

Соответствия

Эвенкийский	Эвенский	Негидальский	Манчжурский	Ульчский	Орокский	Нанайский	Орочский	Удэгейский
0*	0	0	0	x	x	x	0	0
0	0	0	0	s	s	s	0	0
0	0	0	0	χ	χ	χ	0	0
H	h	x	f	p	p	p	x	x
G	g	g	g	G	G	G	g	g

*0 обозначает нулевую форму/

Морфологические соответствия указывают на эмбриологическое отношение языков. В какой-то степени это показывает родство языков. Следовательно, изучение морфологического соответствия является очень важной частью генеалогического изучения языков. Наше исследование свидетельствует, что начальные согласные нанайского, орокского и удэгейского языков соответствуют друг другу, эти три языка ближе друг к другу, чем к другим языкам тунгусоманьчжурской семьи.

Литература

Нироу Икеу. Тунгусоманьчжуроведение// *Они Такаси, Кунру Кокуру, Тино Эйти.* Толковый словарь иноязычных слов. Ч. 2. – Сансейдо. 1989. – С. 1058–1083.

Цинциус В.И. Сравнительная фонетика тунгусоманьчжурских языков. – Л., 1949.

Чао Ке. Этимология тунгусоманьчжуроведения. – Пекин, Издательский дом социальных наук, 2014.

Van Gouin

About phonological correspondences in the sphere of consonantism Tungus languages

The article presents the results of comparative studying of initial consonants in cognates nine languages Tungus-Manchurian family, and on this basis appears generally correspondence between cognates Nanay, Orok and Ulch languages, which helps to establish the relationship between these languages.

Keywords: comparative-historical, Tungus-Manchurian family, Tungus, Manchurian, consonants, relationship.

УДК 81’27

А.А. Бурыкин

Современные социолингвистические проблемы функционирования языков коренных малочисленных народов Севера России в свете социальных функций языка

В статье представлен опыт решения проблем функционирования языков коренных малочисленных народов Севера России в приложении к языковой ситуации с угрожаемыми языками, основанный на характеристиках социальных функций языка как универсальных свойств языка, реализующихся в коллективах говорящих. Автор полагает, что основная причина ухудшения языковой ситуации заключается в билингвизме говорящих на этих языках, но самым неблагоприятным фактором, способствующим утрате языков коренных народов, является чрезмерная, избыточная и немотивированная разобщенность микроколлективов представителей этих народов-билингвов по признаку возраста, образования, места проживания, состава семьи, гендера.

Ключевые слова: коренные народы, функции языка, социальные функции языка, языковая ситуация, двуязычие, возраст, гендер, образование.

© А.А. Бурыкин, 2015

Нам неоднократно приходилось говорить и писать о том, что Российская Федерация за без малого последнее столетие является прекрасной этносоциологической и социолингвистической лабораторией – она имеет в своем распоряжении множество материалов и объектов для наблюдений и осмысления, в жизни ее народов и их культур откладываются как планируемые и ожидаемые культурные изменения, так и не ожидавшиеся изменения – возьмем известный процесс интернатизации детей КМНС, или сложные взаимосвязанные изменения. Российская наука располагала и в остаточной форме уникальными специалистами, способными вести социолингвистический мониторинг при практическом владении языками коренного населения Севера, Сибири и Дальнего Востока России, что обеспечивало возможность наблюдения над языковым поведением помимо ответов на опросы, присутствия в социуме коренных жителей и участия в коммуникации (Г.А. Меновщиков, И.С. Вдовин, П.Я. Скорик, В.В. Леонтьев, О.П. Суник, Л.И. Сем, Л.В. Хомич, М.Д. Симонов, М.М. Хасанова и др.), ныне эта практика составляет привилегии отдельных исследователей (Н.Б. Вахтин, А.М. Певнов, О.А. Казакевич, Н.Б. Кошкарева, некоторые зарубежные ученые – Е. Шмидт, Т. Салминен, А. Лаврилье, Т. Куребито). Накоплен интереснейший опыт в сфере разнообразной и разнонаправленной деятельности ученых-представителей КМНС (А.Н. Мыреева, Ч.М. Таксами, В.А. Роббек, П.И. Инэнликэй, С.Н. Оненко, Н.Б. Киле, Т.С. Теин, Е.И. Ромбандеева, В.Н. Соловар, Г.И. Варламова, Н.Я. Булатова и мн. др.). Однако заметим, что многие специальные проблемы социолингвистики КМНС, значимые частности языковой политики и характеристика процесса языкового строительства в 1930–1990-е гг. стали разрабатываться только недавно [Бурыкин, 2004] и еще не получили продолжения в конкретике на более объемном материале письменных языков КМНС России.

Одна из интереснейших проблем, давно находящаяся в поле зрения исследователей, но освещаемая обычно в виде общей схемы, – двуязычие и связанная с ним проблема смены языка, или, как это называет Н.Б. Вахтин, языковой сдвиг [Вахтин 2001].

Попробуем разобраться в обозначенных проблемах с позиций объективных свойств языка – его функций. Они делятся на две группы – коммуникативные и социальные. При этом все эти функции характерны для естественных языков, для отдельных социальных и территориальных форм языка (диалектов, сленга, жаргонов), а равно для искусственных языков типа эсперанто. Исключений тут просто не может быть.

В отличие от коммуникативных функций языка, описывающих ситуацию общения с минимальным числом участников (говорящий и слушающий), проблема социальных функций языка, которые охватывали бы большее количество субъектов коммуникации и большее число используемых кодов (разные естественные языки, территориальные и социальные варианты языка), разработана в гораздо меньшей степени. Определение и исчисление социальных функций языка, проявляющихся в различных по объему и составу группах пользователей языка, у разных авторов неодинаково. Обычно в этом качестве называются консолидирующая, разъединяющая, символическая (функции выражения некоей общей идеи) и интегрирующая функции, объединяющие говорящих в сообщество на основе некоторой общей идеи, например, ислама [Никольский, 1976, с. 134; Швейцер, Никольский, 1978, с. 22]. К этому списку добавляются и иные функции, например, объединяющая, выделительная и престижная функции языка [см. Швейцер, 1976, с. 143], престижная, объединяющая, изоляционистская функции [Хаймс, 1975а, с. 65], а также функция системы отсчета [Хаймс 1975б, с. 244]. Ниже мы попытаемся построить исчисление социальных функций языка как его универсальных свойств, способных реализоваться в любом социуме – как моноэтническом, так и полиэтническом.

Объединяющая, или консолидирующая функция – функция объединения пользователей языка. Она реализуется не только в объединении этнических носителей естественных языков, но и в объединении пользователей мертвых языков, искусственных языков, пользователей техногенных кодов вроде азбуки Морзе, а также пользователей любых языков, например, лингвистов одной специальности, говорящих между собой по-албански или по-турецки.

Дифференцирующая, или разъединяющая функция – функция объединения участников коммуникации по территориальному признаку (диалекты), по социальному, профессиональному, конфессиональному признаку, с отделением микросоциальных групп говорящих от единой глоттофорной общности (термин Л.Г. Герценберга). Если сама глоттофорная общность создается языком

межэтнического и надгосударственного общения, то данная функция свойственна этническим языкам. Внутри этнического языка дифференцирующая функция свойственна диалектам, социальным вариантам языка, жаргонам и т.д. В условиях двуязычия и многоязычия, когда утрачивается корреляция между владением языком и принадлежностью говорящего к этносу, эта функция реализуется на уровне использования языка ограниченным числом говорящих в роли «тайного языка» – одного из любимых социолингвистических объектов.

Функция языка, представляющая собой оператора-посредника между двумя вышеназванными, – это **функция, которую можно назвать социоинициирующей, или социоинкорпорирующей**. Эта функция представляет собой объективное свойство языка, позволяющее говорящему входить в несколько разных сообществ пользователей – безразлично, имеются ли в виду этнические языки или социальные варианты языка: давно признано, что индивид входит в несколько языковых коллективов [Поливанов, 1968, с. 180; Туманян, 1985, с. 215]. Эта функция реализуется при овладении детей родным языком в виде формы их социализации в языковом колллективе, а также при изучении любого языка в целях пользования им для общения. Факт включения, «инициирования» говорящего в сферу пользователей языка не зависит от индивидуальной компетенции пользователя.

Одновременно с социоинициирующей функцией можно выделить также и культуроинициирующую функцию языка. **Культуроинициирующая функция языка** по существу привязана к социоинициирующей, хотя она соотносится только с этническими языками или языковыми формациями, связанными с отдельными социальными субкультурами. Границы между этносом, как носителем культуры, и социумом – пользователями языка, не совпадают, так что эти две социальные функции языка, можно рассматривать как разные функции. Хотя надо признать, что культуроинициирующая функция языка реализуется только в виде специфического набора компонентов, куда входит либо какая-то совокупность текстов (фольклорные, обрядовые тексты, художественная литература и т.п.), либо какие-то составляющие текстов, к примеру, идеологически значимые понятия, либо профессиональная сфера оленеводства или рыбной ловли. Вне языка культурная адаптация индивида в социуме невозможна, и внеязыковые формы культуры ее не обеспечивают.

Различие между социоинициирующей функцией и культуроинициирующей функцией языка проявляются еще и в том, что в ходе развития социума может иметь место смена культуроинициирующих компонентов, которые не сопровождаются сменой языка общения внутри этноса или какими-то радикальными изменениями в языке. У народов Севера в XX в. по существу каждое поколение составляло особую культурную парадигму с различиями в образовании – от отсутствия образования, постепенно через ликбез, начальное или незаконченное восьмилетнее образование (5–6 классов) к законченному среднему, среднеспециальному и высшему образования. В этом случае даже при сохранении этнического языка как средства общения (об изменениях в языковой компетенции мы здесь говорить не будем) связь между поколениями в плане передачи культурных традиций не может не нарушиться. Культивирование внеязыковых форм традиционной этнической культуры (декоративное искусство, хореография, вокал) в ущерб языковым формам (фольклор, литература) поддерживает культуроинициирующую функцию в социуме, но отделяет ее от функций родного языка.

Другая часть проявлений этносоциальной характеристики говорящего в языке может быть отнесена на счет **социорепрезентативной функции языка**, которая позволяет слушающим судить о принадлежности говорящего к тому или иному языковому коллективу. Отметим, что социорепрезентативная функция проявляется вне зависимости от желания самого говорящего, и формы ее проявления могут быть весьма различными – от диалектного произношения, указывающего на то, что данный язык является родным, до иноязычного акцента, свидетельствующего об обратном.

До сих пор мы говорили о социальных функциях языка в коллективе монолингвов – тех, для кого характеризуемый язык является единственным. Однако в наше время признано, что билингвизм и многоязычие – полиглоссия, более характерны для современного общества, чем одноязычие, доминировавшее в России и составлявшее эталон языковой практики в СССР.

Обсуждая процессы развития билингвизма и постепенного перехода с первого языка на второй язык (сдвиг Вахтина) мы насчитали 21 состояние разных стадий этого перехода, связанных с постепенным нарушением языкового паритета, равенства функций и языковых ценностей, ожидае-

мого от сообщества билингвов. Многие стадии этого сдвига сосуществуют во времени и являются характерными для отдельных территориальных, возрастных, профессиональных групп.

Трудно сказать, по какой причине оказался и оказывается незамеченным факт дисперсии разных групп билингвов среди этнических пользователей языков КМНС РФ и вообще языков народов РФ, как и в целом языков с односторонним билингвизмом (когда этнос меньшинства владеет двумя языками – своим родным и языком этноса большинства, а этнос большинства – одним, своим собственным). Увеличению числа групп билингвов с разным уровнем интенсивности практики на этническом языке, разным уровнем образования и разными формами профессиональной деятельности (от использовании своего языка как языка общения до отношения к нему как к предмету профессии), соответственно с разными формами и состояниями включения в социум пользователей языка и в те сферы культуры, которые связаны с функционированием языка, способствуют культура, литература, как форма творчества и наука.

Здесь, как это сделал Н.Б. Вахтин, для уровней языковой компетенции (подразумевая компетенцию в родном языке билингвов, попавших под сювиг и переходящих и перешедших на другой язык) можно выделить несколько состояний: 1) говорящий (ребенок или взрослый) владеет минимумом слов и фраз на языке и имеет опыт обучения этому языку как объект (изучал в детском саду и начальных классах школы); 2) говорящий имеет в своей лингвистической биографии опыт коммуникативного использования этнического языка, тут возможен возврат к этому языку; 3) говорящий имеет опыт профессиональных контактов с теми или иными формами родного языка (преподавание, редактирование, перевод, работа с фольклором, работа в СМИ и т.п.).

Степень включенности в культуру весьма заметно отличается от включености в язык – к чукотской культуре подключены миллионы читателей Юрия Рытхэу, а не только приезжие жители поселков, главным образом в нее включены дети коренных жителей, живущие летом в тундре и зимой в интернате, и дети из смешанных семей, живущие в административных центрах или вообще за пределами территории расселения этноса. Здесь также выделяются три состояния: 1) общее знание о хозяйстве и материальной культуре как компонент, связанный с нахождением на периферии этноконтактной зоны; знание основных символических элементов духовной культуры (самое знание об институте шаманов без углубления в предмет); знание о фольклоре по учебникам и популярным изданиям; знание о родной литертуре по именам авторов или по переводам; оценка традиционной культуры как объекта изучения и преподавания; 2) знание о традициоой этнической культуре, как элементе социальной идентичности, позволяющее на компетентном уровне излагать эти знания (в лекциях, учебных пособиях), а также преподносить их заинтересованным специалистам-этнографам как нечно значимое для характеристики состояния культуры, в идеале – как источник новых верифицируемых фактов; знание о фольклоре по аутентичным воспоминаниям, позволяющее сохранять следы «детского» фольклора на уровне детства говорящего; знание о родной литературе как о предмете преподавания; оценка традиционной культуры как потенциального объекта духовной ценности; 3) знание о хозяйстве, материальной и духовной культуре как систематический личный опыт; оценка этнической культуры как базовой жизненной ценности, средства выживания как в мире природы, так и в современном мире, меняющемся в этносоциальном плане; знание литературы по оригинальным текстам, способность заниматься переводом с родного языка или на родной язык или литературной практикой.

Основная причина блокировки социальных функций «угрожаемых языков КМНС Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, приводящая к языковому и культурному коллапсу, усматривается нами в немотивированно большой дисперсии коллективов билингвов, у которых этнический язык занимает разные формы подчиненного положения, позиции «второсортного» языка.

Социоинициирующая функция для этих языков действует, но при этом она отражает все состояния дисперсии коллектива – уже не коллектива говорящих, а коллектива так или иначе знакомого с языком. Противопоставление нулевого-ненулевого уровня языковой компетенции ориентируется на этническое-неэтническое в основании для говорящего, желающего примкнуть к языковому коллективу. Иностранец тут имеет преференции перед «своим» русским.

Культуроинициирующая функция этих языков не действует прежде всего в силу разрозненности форм причастности к культуре и доминирования

получивших завышенную оценку внеязыковых форм культуры – хореография, вокал, музыка, переводная литература по принципу, чем больше переводов, тем меньше переводимых авторов.

Очень важно, что поскольку реально активно даже не действуют, целенаправленно эксплуатируются функции продвижения и престижа – для билингвов, вследствие чего профессиональной (научной, управленческой, педагогической) мажоритарной части миноритарного этноса нет резона увеличивать эту группу за счет русско-национальных билингвов (финско-ненецкие, венгерско-хантыйские и японско-чукотские билингвы ей не угрожают). Миноритарный язык тоже обретает функцию продвижения, но на ущербном поле частичного незнания языка представителями этноса или этнически насыщенной профессиональной группы.

Действие социальных функций продвижения и престижа, да, собственно, и инициирующих функций основано на трансляции от старших поколений к младшим – результатом действия этого механизма является отставание уровня культурной (литературной, фольклорной) и научной компетенции на одно-два поколения от социальной и культурной реальности. Все эвены назовут «классиков» эвенской литературы Н.С. Тарабукина и В.Д. Лебедева, но забудут Е.Н. Бокову и В.Г. Аркук. Все чукчи будут знать В. Кеулькута, но не будут знать поэтов Е. Омрыну или С. Тиркыгина, будут знать Ю. Рытхэу, но едва ли помнят В. Ятгыргына и едва ли читают Ивана Омрувье. Всего этого старшие в школе не проходили – не будут знать и младшие. Все региональные тунгусоведы знают В.И. Цинциус, К.А. Новикову, Г.М. Василевич, М.Г. Воскобойникова, (П.Я. Скорика и П.И. Инэнликэя), мало кто знает М.Д. Симонова, Б.В. Болдырева, Л.М. Бродскую, И.В. Недялкова, не котируются А.Л. Мальчуков и др. То же в этнографии – на книги Г.М. Василевич буквально молятся, даже на то, что в них устарело, не знают иной теории этногенеза тунгусов, незнакомы с работами А.И. Мазина, М.Г. Турова, Н.В. Ермоловой. Магаданская камчадалка У.Г. Попова не попадет в обойму патриотов-эвеноведов, юкагироведы и чукчеведы почитают В.И. Иохельсона и В.Г. Богораза, иногда вспоминают И.С. Вдовина, но не помнят ни И.С. Гурвича, ни В.В. Леонтьева. Увы, к последнему по времени поколению исследователей языков КМНС РФ вообще сформировалось отношение как к некомпетентным выскочкам, унижающее не столько их, сколько самую среду, где культивируются подобные оценки.

Литература

Бурыкин А.А. Язык малочисленного народа в его письменной форме. Социолингвистические и собственно лингвистические аспекты. – Спб., 2004.

Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке: Очерки языкового сдвига. – СПб., 2001.

Никольский Л.Б. Синхронная социолингвистика. – М., 1976.

Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. – М., 1968.

Туманян Э.Г. Язык как система социолингвистических систем. – М., 1985.

Хаймс Д.Х. Этнография речи // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. VII. – М., 1975а. – С. 42–95.

Хаймс Д.Х. Два типа лингвистической относительности // Там же. – М., 1975б. – С. 229–298.

Швейцер А.Д. Современная социолингвистика. – М., 1976.

Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. – М., 1978.

A.A.Burykin

Contemporary sociological problems of functioning of languages of the native peoples of the Russian North in the light of social functions of language

The article represents the experience of the decision of problems of functioning of languages of the native peoples of the North of Russia in the application to a language situation with the endangered languages, based on characteristics of social functions of language as the universal properties of language realised in the collectives of speakers. The author believes that the basic at a rank of deterioration of a language situation consists in the bilinguals of the speakers of these languages, but the most adverse factor promoting the loss of languages of the native peoples is the excessive, superfluous and unmotivated dissociation of micro-collectives of representatives of these bilingual peoples on the basis of age, education, the places of residence, structure of a family, gender.

Keywords: the native peoples, language functions, social functions of language, a language situation, bilinguals, age, gender, education.

УДК 821.512.157

А.А. Бурцев

Поэтика «местного колорита» в романах В. Далана

В статье рассматривается использование в исторических романах Далана так называемого «местного колорита». В результате анализа функционирования этого художественного принципа в романах «Глухой Вилюй» и «Тыгын Дархан» установлено, что обращение писателя к местному колориту связано с повышенным интересом к национальному своеобразию, самобытности жизненного уклада народов Якутии.

Ключевые слова: историко-художественная дилогия, национальный быт, традиции, обычаи, обряды, сезонные работы и трудовые процессы, интерьер жилищ, ряд еды и питья, традиционные занятия, охота и рыбалка, народный календарь, национальный «космопсихологос».

В.С. Яковлев-Далан является одним из самых талантливых, самобытных якутских писателей. Он по праву считается основоположником жанра исторического романа в национальной литературе.

В своих романах «Глухой Вилюй» (1983) и «Тыгын Дархан» (1995) Далан мастерски использовал художественный принцип, получивший название «местного колорита». По мнению исследователей, местный колорит особенно характерен для литературы романтизма. Поэтому не случайно само понятие местного колорита (*couleurlocal*) было введено в оборот в 20-е гг. XIX в. французскими романтиками. Как писал Б.Г. Реизов, местный колорит – одна из важнейших особенностей исторического романа: «Быт, орудия труда, одежда, жилища, нравы, зависящие от обстоятельств жизни и традиций, уходящих в глубокую древность, сознание народа, его верования, предания и песни, им сложенные, – все это составляет проблему «местного колорита» [Реизов, 1977, с. 12].

Очевидно, Далану были хорошо знакомы исторические произведения романтиков, в частности цикл романов Ф. Купера о Кожаном Чулке (Натти-Бумпо) и романы В. Скотта. По крайней мере его Даганча, «последний хосуун из туматов», и его дед Бакамда из романа «Глухой Вилюй» весьма напоминают «последнего из могикан» Ункаса и его отца Чингачгука, героев второго романа пенталогии Купера. Да и образы воинственных туматов в красных одеяниях и «шитолицых» джирикинеев с изрисованными синей краской лицами во многом сродни описаниям североамериканских индейцев – гуронов, ирокезов и представителей других племен в романах Купера.

Что касается В. Скотта, то подобно ему якутский писатель тоже был собирателем фольклорных материалов и знатоком истории. Ему принадлежит сборник исторических легенд и преданий «Священная чаша» (1988). В. Скотт, используя литературный прием местного колорита, нарисовал в своих исторических романах «Пуритане», «Роб Рой», «Айвенго» и других колоритные картины шотландской и английской старины, которые исследователи сравнивают с «фальстафовским фоном» Шекспира.

В американской литературе конца XIX в. возникла целая школа «местного колорита» во главе с Ф. Брет-Гартом [Стегнер, 1978, с. 425], влияние которого испытал не кто иной, как Р. Киплинг. Их роднила как раз тяга к описанию местного колорита, в одном случае – американского Запада, в другом – британской Индии [Бурцев, 1991, с. 425].

В якутской литературе до Далана местный колорит, как важнейший художественный принцип, фактически не использовался. Одним из редких примеров обращения к местному колориту в целях придания большего правдоподобия и самобытности жизненного уклада народа является роман «Весенняя пора». Масштабное по охвату жизненного материала, философское по глубине идейно-нравственной проблематики художественное полотно произведения Н. Мординова соткано из множества таких обыденных и в то же время не лишенных особого национального колорита сцен и эпизодов, как описания сезонных хозяйственных работ, круговорота природы, народного календаря, особенностей быта, охоты и рыболовства, сватовства и похорон, способов обращений и приветствий, родительского благословения и проклятий недругов, праздничных обрядов и шаманского камлания.

© А.А. Бурцев, 2015

В.С. Яковлев-Далан в своем романе «Глухой Вилюй» в художественном плане достоверно и убедительно изобразил атмосферу XVI – начала XVII вв., то есть эпохи формирования народонаселения Якутии. На основе народных преданий и легенд писатель воссоздал исторические судьбы туматов, тонгбиисов, саха-уранхаев и других племен, населявших тогда территорию Якутии. Тем самым он подтвердил современную концепцию о том, что Якутия изначально складывалась как страна диалогов, контактов и симбиозов культур, языков, народов.

Главные события в романе происходят на берегах Вилюя, куда приходят первые переселенцы-якуты. Здесь они столкнулись прежде всего с туматами, племенем, которое упоминается в письменных источниках: «Сборнике летописей» персидского историка Рашид-ад-Дина, «Алтан-тобчи» («Золотом сказании») ученого ламы Лубсана Данзана. В «Сокровенном сказании монголов» упоминаются хори-туматы, оказавшие сопротивление самому Чингисхану и восставшие в 1217 г. против монголов.

Большинство специалистов считает туматов воинственным племенем, обитавшим первоначально на территории современной Бурятии и Иркутской области. Когда походы монголов привели к своего рода «великому переселению народов» на юге Сибири, туматские роды продвинулись на запад до Горного Алтая и Тувы, а также на север вплоть до бассейна Вилюя. Можно, таким образом, предположить, что туматы обитали на Вилюе до прихода туда саха-уранхаев и постепенно растворились среди местного населения.

В романе «Глухой Вилюй» судьба туматов описана следующим образом: «Откуда пришли туматы – неведомо. Верно, в незапамятные времена покинули они родные края, никто из них не знал, от кого они происходят, в каких местах берет истоки их кровь. Тревожный век, усадив на холку беспокойного и ненадежного коня, что зовется роком, гнал их по земле, не давая опомниться и задуматься над тем, куда мчит их время…» [Далан, 1993, с. 6–7]. В том же романе со ссылкой на С. Боло о туматах сказано следующее: «И потомки их, ставшие ветром, исчезли из наших краев, и даже духа их не осталось…» [Там же, с. 236].

Существует версия, согласно которой само слово «тумат» ассоциировалось с термином «тумэн» («десять тысяч»), обозначавшим войсковое объединение. Она имеет косвенное подтверждение в «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина, где туматы фигурировали как «племя и войско». В свою очередь понятие «тумэн» означало что-то «аморфное» и «множественное», вроде «тумана». Видимо, поэтому у Далана племена туматов предстают «многочисленными, как летящие над землей утренние туманы» [Там же, с.18].

Что касается тонгбиисов, то речь идет о тунгусах, одном из самых древних коренных народов Восточной Сибири, прародиной которых, по мнению исследователей, были Забайкалье и Приамурье. В древнекитайских летописях они упоминаются как народ, «сильнейший среди северных и восточных иноземцев». Название «тунгусы» встречается и в «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина. Одним из вариантов происхождения слова «тунгус» считается якутское выражение «*тонгуос*» («люди с мерзлыми губами», то есть «говорящие на непонятном языке»). Не случайно в романе «Глухой Вилюй» тонгбиисы фигурируют как «мерзлое племя» [Там же, с. 6]. Другими вариантами этимологии этого термина являются монгольское слово «*тунг*» («лесной» человек) и эвенкийское «*кунгу*» («короткая шуба из оленьих шкур, сшитая мехом наружу»).

Завязкой действия в романе «Глухой Вилюй» служит убийство витязем племени тонгбиисов Маганом Мэкчэхосууна – вождя туматов Юрэна, что служит поводом для межплеменных распрей. Единственный сын Юрэна Даганча должен продолжить отцовский род и отомстить врагам. Его воспитывает дед Бакамда. После гибели Юрэна он возненавидел воинственные нравы соплеменников и предпочел жить отшельником, подобно старику Платону из рассказа Н. Неустроева, на берегу небольшого озера. Бакамда воспитал внука сильным и бесстрашным воином и внушил ему мысль о кровной мести. Но другой наставник юного вождя почтенный старец Арчикаан придерживается иных взглядов. Он говорит Даганче: «Убийства к добру не приводят. Чем держать в руках копья и пальмы, лучше взять за рога верхового оленя». В стане тонгбиисов тоже оказались противники войны и насилия. Это прежде всего сын воинственного Магана Мэкчэ Ерегечей, убитый туматами в расцвете сил, и его сестра маленькая Нюрбачаан. Среди саха-уранхаев олицетворением добра и мудрости выступает белый шаман Люксюрээни. Всех их объединяют мужество, самоотверженность и любовь к жизни.

В романе «Тыгын Дархан» действие разворачивается в Центральной Якутии. На этот раз в

поле зрения автора оказалась эпоха известной исторической личности Тыгына Дархана, одного из самых знаменитых потомков легендарного Эллэя. Он жил в конце XVI – первой половине XVII вв., то есть в период завершения этногенеза и формирования традиционной культуры народа саха на Средней Лене. Тыгыну удалось ценой огромных усилий стать повелителем большинства якутских родов, хозяином благодатной долины Туймаада, превратившейся в средоточие политической и культурной жизни только что сформировавшейся якутской народности. А.П. Окладников не только назвал Тыгына «якутским царем», но и обратил внимание на то обстоятельство, что еще при жизни эта фигура «мудрого старца, владыки и грозного воина, избранника самого Улуу тойона» в глазах сородичей «сливалась с величественными образами эпических богатырей и божеств» [Окладников, 1955, с. 400].

С точки зрения идейного содержания и сюжетно-композиционной структуры романы Далана представляют собой единую историко-художественную дилогию. Согласно авторской концепции, грозные и трагические события и эпизоды прошлого имеют прямое отношение к современной эпохе. Романы Далана проникнуты философской идеей, носящей вневременной характер и в якутской литературе выраженной А. Кулаковским, – «проклятье, как эхом, отзывается кровью, благословение, как эхом, отзывается любовью».

Что касается сходства композиционного строя, то авторский зачин в романе «Глухой Вилюй» выдержан в эпическом стиле, проводится аналогия с народным певцом, который настраивает свои «звучные горячие уста», «горло-колокольце», чтобы «метким, как стрела якута, словом» поведать о «минувших временах тревожных», о «междоусобицах и войнах дней, бесследно сгинувших в потемках» [Далан, 1993, с. 3]. Роман «Тыгын Дархан» тоже открывается красочным описанием, языком олонхо «троерусельной, благодатной и щедрой Улуу Эбя – Великой Кормилицы Лены-реки Бабушки» и «трех плодородных долин» – Эркени, Энсели и Туймаады [Далан, 1994].

Финал «Глухого Вилюя» представляет собой эпитафию по воинственным туматам, которые «никогда не жили так, как другие северные народы», не утруждали себя мирными занятиями, а «проливали кровь и грабили чужое богатство». Тем самым они нарушали закон Великой Природы, согласно которому «ничто не остается без возмездия: посеявший ветер, пожинает бурю», в результате «от многочисленных, как клубящиеся туманы, туматов не осталось ничего, что напоминало бы людям об их пребывании на земле, - ни памятников, ни жилищ, ни могил…» [Далан, 1993, с. 331]. Символический финал романа «Тыгын Дархан» весьма напоминает заключительную часть поэмы А. Кулаковского. Шаман Одуну, подобно своему собрату из «Сновидения шамана», окидывает внутренним оком «необозримую ширь будущих времен» и тоже создает мрачную футурологическую картину грядущего: «В госпоже Туймааде не осталось ни птиц пернатых, ни тварей бегающих, ни рыб с серебряной чешуей… Над горой Чочур-Мыран, изрыгая огонь и дым, с ревом проносятся железные птицы. По гладкой равнине Туймаады рыскают железные звери со стальными внутренностями. Взбаламучивая воды Великой Кормилицы, плывут железные суда…» [Кулаковский, 1990, с. 428–429]. Но, как и в поэме А. Кулаковского, священный «*туерэх*» предрекает успех и благополучие. Одуну ободряет больного, павшего духом Тыгына и благословляет его на продолжение борьбы за объединение народа саха.

Единству романов Далана способствуют и сквозные герои. Это, в частности, сам Тыгын Дархан, который наведывался на Вилюй за данью к своим бывшим подданным и во время одного из походов увез с собой в Туймааду маленькую Нюрбачаан. Именно она становится одной из главных героинь во втором романе, и в ее воспоминаниях в качестве своеобразных параперсонажей в «Тыгыне Дархане» фигурируют ее брат Ерегечей, ее спасители старые Мохсохо и Хатты-ана, друзья детства Ничча, Богдуу и Некю. Не раз упоминается во второй части дилогии и Туога Баатыр, одним из первых проложивший дорогу на Глухой Вилюй.

Местный колорит используется Даланом для придания большего жизненного правдоподобия и выразительности изображению исторического прошлого. В первых же главах романа «Глухой Вилюй» упоминаются реальные топонимы и географические названия: «холодная речка Оленек», «Муус Кудулу Далай» (Ледовитый океан), «Великий Белый простор» (тундра), «великая река племени саха» (Лена), Верхоянские горы и другие. Они придают повествованию характер достоверности и правдоподобия происходящих событий.

Такую же функцию выполняют этнографические термины и понятия, отражающие особенно-

сти быта, трудовой деятельности и социального опыта разных народов. Например: *тордох* – конусообразное, покрытое шкурами жилище туматов, эвенков и других народов Севера; *холомо* – крытая дерном и корьем землянка; *саилык* – летнее жилище; *тусулгэ* – место для проведения ысыаха; *кес* – мера расстояния, равная примерно 10 километрам; *сандалы* – низкий столик из дерева или бересты; *тордуйа* – берестяной сосуд; *хаппахчы*– боковая комната в юрте для девушек; *лыжи-туут* – легкие, подбитые шкурками оленьих лап лыжи-снегоступы; *торбаса* – меховая обувь на мягкой подошве; *доха* – шуба мехом внутрь и наружу; *тунэ* – обработанная, мягкая кожа; замша; *тар уерэ*– кисломолочная болтушка с чернобыльником.

В романе «Глухой Вилюй» Далан со знанием дела описал суровый погребальный обряд туматов. Его совершил Даганча по велению своего деда: он соорудил посреди леса деревянный помост на восьми столбах, устелил его медвежьей шкурой, собрал и сложил под ним сухой хворост. Дед Бакамда надел длинную, до щиколоток, доху из оленьего меха, сам взобрался на помост, уселся на медвежью шкуру лицом к восходящему солнцу, справа от себя положил копье, слева – лук и стрелы. Затем он торжественно произнес: «Девять поколений туматов не оставляли врага неотомщенным и вершили кровную месть. Отомсти и ты за гибель отца своего!.. Я все сказал, теперь ты исполни свой долг и обагри копье моей кровью». По суровым законам туматов не полагалось проявлять хоть малейшую слабость, проронить хоть одну слезу. Даганча, выслушав дедовский завет, ответил также спокойно и просто: «Я исполню твою волю, дедушка». «Вонзив копье в сердце старика, распахнувшего шубу, он убил его… Потом поджег сушняк, и гигантские языки пламени взметнулись к вершинам лиственниц. Вскоре ни от помоста, ни от Бакамды ничего не осталось, все превратилось в сизый летящий дым – старик отправился к предкам» [Далан, 1993, с. 33]. Также детально описана в романе борьба за звание хосууна-удальца с Тремя Отметинами. Согласно древнему обычаю, состязание включало три испытания: бег, стрельбу из лука, битву вслепую на копьях. Полным победителем в состязании вышел Даганча, на его доху пришили три белые горностаевые шкурки. Он стал предводителем племени туматов и получил право зваться хосууном-удальцом с Тремя Отметинами [Там же, с. 117–118, 142–144].

В своих романах Далан наиболее глубоко и полно воспроизвел обычаи и традиции народа саха. Уже в начале романа «Глухой Вилюй» читаем: «… якуты после удачной охоты угощают огонь, бросая в пламя кусочки добычи и благословляя его. Туматы так не поступали, они не верили ни в богов, ни в злых духов…» [Там же, с. 22]. В этом же романе упоминается обряд «ойдуо», который заключался в том, что прибывшие на новое место люди должны были громко возвестить о своем приходе. Если место не было занято ранее другими, пришельцы делали затес на дереве и поселялись тут. Так поступил Туога Баатыр, пришедший на Вилюй со своим родом и обосновавшийся в *Улуу Сыһыы* – Великом поле. Однако оказалось, что эта прекрасная земля была занята родом Мэнгэ во главе с Чоргулом Тиэргэном, который сначала потребовал освободить ее, в противном случае пригрозил решить спор с позиции силы. Но потом он предпочел заключить союз с Туога Баатыром, чтобы вместе противостоять туматам. Обретя, таким образом, постоянное пристанище, люди Туога Баатыра стали устраиваться на новом месте. Первым делом они установили в середине поля священный столб, на который вешали шкуру животного, принесенного в жертву духам. Затем Белый шаман Люксюрээни окропил кумысом ритуальное дерево, угостил огонь и произнес заклинание, обращенное к Духу Земли – госпоже Аан Чаалай. Священный *туерэх*, гадальная ложка, брошенная шаманом, предрекла удачу, и все разом вскричали: «Слава! Слава!»

Туматы время от времени совершали набеги на якутов, и Люксюрээни по собственному желанию решил выступить в качестве посла доброй воли. Но коварные туматы не пожелали принять предложение о мире и жестоко расправились с ним. Белого шамана проводили в последний путь так, как он завещал, – на вершине северного холма построили склеп на восьми столбах, поставили туда выдолбленную деревянную колоду, в которой лежал облаченный в шаманские одежды старый Люксюрээни, а снаружи повесили его бубен. Девять огромных лиственниц, что росли рядом, превратили в жертвенные деревья. Забив скотину семи цветов, устроили поминальную трапезу, цельно снятые шкуры повесили на деревья. Другой шаман, Миикээн, пропел девять прощальных песен. Люксюрээни просил смотреть за его усыпальницей и обещал, что его бубен будет предупреждать о надвигающейся опасности [Там же, с. 223–224, 233].

В романе «Тыгын Дархан» приводится описание еще одного погребального обряда – тризны по умершему отцу Тыгына, старейшине хангаласцев Мунняне Дархане. Его проводили к праотцам со всеми почестями, предусмотренными в законах предков: «Облачив Мунняна Дархана в лучшие одежды: в шапку с оторочкой из рысьего меха, штаны и натазники из лосиной ровдуги, шубу с вышитым на спине орлом, положили в гроб – в колоду из вековой лиственницы. С правой стороны поместили лук, колчан с девятью стрелами и пальму. Вложили в колоду также берестяные и глиняные сосуды, полные всякой снеди, чтобы умерший не знал голода… На мысу Тойон Тумус, где в глубокой древности впервые соорудили жилье предки Уранхаев-Саха, рядом с могилами пращуров был срублен лабаз и установлен на шести высоких столбах… Четыре могучих боотура подняли колоду на руки и легко, словно невесомый короб, возложили на лабаз… По четыре стороны лабаза выкопали ямы и, столкнув туда живых лошадей с нарядной упряжью и украшениями, забросали землей. На этих лошадях умерший Муннян Дархан должен был на том свете ехать в далекую страну предков. В земной жизни всякий знатный Уранхай имел стремянного, который ухаживал за лошадьми, запрягал их и помогал своему тойону садиться в седло. Безжалостный обычай предков требовал, чтобы такой холоп сопровождал мертвеца и на том свете…» [Далан, 1994, с. 115–117]. К счастью, в этот раз вместо живого человека ограничились деревянным истуканом.

В этом же романе присутствуют красочные картины организованного Тыгыном Дарханом ысыаха Белого Изобилия с подробными описаниями пиршественного места – *туһулгэ*, торжественных обрядов кумысного кропления, шаманского славословия, барабанного боя. Самостоятельное значение имеет описание интерьера жилища Тыгына Дархана: «Громадная *моҕол-ураһа,* похожая на остроконечный колпак, тремя резными обручами, к которым крепились вышитые и изукрашенные сквозной резьбой берестяные полосы, делилась на три яруса. Вдоль нижнего яруса по кругу располагались двенадцать лежанок и боковухи-*хаппахчы*для дочерей. Посередине, под дымовым отверстием, находился очаг… Именитых гостей своих владыка Туймаады рассадил на почетные места, называемые *кегул-олох, кулан-олох, дьобдьур-олох*. Родственники хангаласцы устроились на сиденьях, именуемых *дах-хан* и *налыгыр*…» [Там же, с. 29].

Во время ысыаха происходит состязание боотуров за великую честь – получить в жены несравненную Арылы Ко Айталы и стать зятем самого Тыгына Дархана. Когда победителем стал борогонский удалец Маягатта, гости ысыаха стали свидетелями еще одного старинного обряда – погони жениха за невестой [Там же, с. 9–33].

Если свадьба любимой дочери Тыгына Айталы Ко не удалась, гораздо более счастливой оказалась судьба его внучки Эгей Туллук, мужем которой стал Мамык, сын почтенного Кедегера, полновластного хозяина долины Энсели. Далан в своем романе подробнейшим образом описывает помолвку и свадьбу этих «отпрысков двух знатных родов и богатейших семей». Отдельного упоминания заслуживает описание свадебного одеяния невесты: «В утро свадьбы женщины облачили Эгей Туллук в прекрасные одежды, которые по просьбе ее матери были сшиты самыми искусными мастерицами Туймаады. Длинные черные волосы ее были расчесаны, разделены на три пряди, заплетены в тугую косу и заколоты серебряным накосником. На голову возложили отороченную соболями и рысью рогатую шапку с высоким султаном и серебряной круглой бляхой. Поверх узорчатой, затейливо расшитой собольей шубы-тагалай накинули пушистый нашейник, сшитый из хвостов сотни соболей. Не забыто было ни одно из украшений,.. – ни начельник-*бастына*, ни длинные серьги, ни наручные браслеты, ни набедренные подвески с изображениями муравьев, ни ожерелье *илин-кэлинкэбиһэр*, ниспадающее на грудь и спину. Все это звенящее и сверкающее серебряное великолепие завершал пояс невинности – *кыабака симэҕэ*, дважды оборачивающийся вокруг стана и завязывающийся на четыре тесемки. Лицо новобрачной скрыли накидкой, сшитой из собольих шкурок. На руки надели рукавицы с оторочками из рысьего меха. Ноги обули в *торбаса-сарыы*, отделанные вставками красного, черного и зеленого сукна и серебряными бляшками» [Там же, с. 292–293].

Свадьбу сопровождали обряды «*куен былдьаһыы*» (борьба за главенство) и «*дьол былдьаһыы»* (борьба за счастье), а также традиционные состязания борцов и прыгунов. Родители жениха устроили невесте пышную встречу. Во дворе высилась поставленная для такого случая свадебная коновязь с тройной медной опояской, покрытая богатой резьбой и увенчанная точеной головой лошади. Когда девушка вместе со свитой въеха-

ла во двор и остановила свою молочно-белую кобылу, две непорочные девочки-подростка приняли повод и трижды обвели ее вокруг свадебной коновязи против солнца. Старик свекор взял Эгей Туллук за руку и по зеленой траве, постланной от коновязи до самого порога, повел в дом. Проходя мимо *чэчира* из девяти березок, невеста повесила на них девять связок драгоценного меха. Вступив в дом, невеста развела огонь и, стоя перед очагом на коленях, произнесла алгыс. После этого жених с невестой осушили чорон кумыса [Там же, с. 295–296, 298–301].

Обязательным элементом местного колорита является ряд еды и питья. В этом отношении особенно богатый материал содержит описание пиршества на той же свадьбе Мамыка и Эгей Туллук: «Каких только яств не было здесь: и холодная вареная конина, и желтое масло,.. и всевозможные блюда, приготовленные из мяса только что забитых откормленных животных. Особое место на столе заняли так называемые *хонньеһор кэһии* – бычья голова, сваренная целиком и обмотанная говяжьей кровяной колбасой, набитой рубленым жиром, и голова лошади, обложенная конской кровяной колбасой. Стояли рядами огромные берестяные посудины, наполненные топленым маслом, *суоратом*. Довольно было тут напитков – кумыса густого, как следует охлажденного, кумыса крепкого и терпкого, кумыса разбавленного, свежих сливок, пахты и парного молока…» [Там же, с. 296–297]. Не менее богатое угощение предлагалось гостям на ысыахе Белого Изобилия, особенно это касалось дичи: «С пищей домашней соседствовали блюда из даров Бая Баяная, хозяина тайги: жареная медвежатина, лосиный костный жир, оленьи языки, собольи мозги, турпанье мясо, яйца гагары…» [Там же, с. 28]. Наряду с праздничной едой, довольно обильным выглядел и обыденный, в частности рыбный, рацион якутов: «Из рыбы здесь готовили самые разные блюда: сыму, лыбу, агыраан, бусурук, баттыалык, хах, куйах, барчу, хачыр…» [Там же, с. 202]. Причем в ход шла самая разнообразная речная и озерная рыба: щука, окунь, язь, осетр, таймень, нельма, стерлядь, чир, пелядь, карась, гольян.

Для создания достоверной картины жизненного уклада разных племен и народов Далан воспроизводил не только их традиции, обряды, кухню, но и трудовые процессы, бытовые заботы, хозяйственные занятия. Так, в романе «Глухой Вилюй» подробно описываются труды и дни старых Мохсохо и Хаттыаны, приютивших Нюрбачаан. Попутно ее глазами читатель воспринимает интерьер якутской юрты: «Здесь все было совсем не так, как в *тордохах*: утоптанный, твердый земляной пол не покрывали оленьи и лосиные шкуры, вдоль стен тянулись нары, ...поверх пригнанных друг к другу бревен постелены шкуры незнакомых животных в черных и белых пятнах и брошены сплетенные из травы подстилки. Здесь находилось очень много незнакомых предметов…», и Нюрбачаан постепенно узнала, что жилье, построенное из ошкуренных бревен, покрытое сверху корьем и обмазанное глиной, называется *балаҕан* или юрта, очаг носит название *оһох*, нары, где люди сидят и лежат, – *орон*, круглая деревянная, о трех ногах, подставка для еды – *сандалы*, небольшая пристройка за юртой, где хранились припасы, – *унэх* [Далан, 1993, с. 187–189]. Она прошла обучение у старухи Хаттыаны – научилась обрабатывать кожу на кожемялке-*талкы*, сучить нитки из высушенных сухожилий, пользоваться железной иглой и наперстком, помогала ей вялить и коптить рыбу. Она даже стала свидетелем неудачной охоты старика Мохсохо на лося и более удачной – на медведя [Там же, с. 244 –245, 256 –257]. Сама Нюрбачаан во время плавания по реке ставила на уток силки-петли (*тиргэ*), сплетенные из собственных волос, и благодаря этому не умерла с голоду.

Вообще, что касается охоты, то ее самые яркие эпизоды связаны с Даганчей, у которого тоже был авторитетный наставник в лице деда Бакамды. Первой его крупной добычей стал огромный лось, добытый после длительного преследования. Затем он умертвил матерого медведя и прошел обряд посвящения в воины: по велению деда выпил девять пригоршней медвежьей крови и омыл ею лицо и колени, чтобы быть таким же могучим, грозным и беспощадным, как он [Там же, с. 24 –27]. Впоследствии Даганча убил с десяток диких оленей и тем самым спас своих сородичей от голодной смерти.

В романах Далана нашло отражение и такое традиционное занятие якутов, как рыбалка: в «Глухом Вилюе» – весенняя (*куйуур*) [Там же, с. 292], в «Тыгыне Дархане» – осенняя неводьба (*мунх*а). Причем осенняя подледная рыбалка устраивалась как праздник. В назначенный день у выбранного озера собирался народ со всей округи – и стар, и млад. У разведенного на берегу костра шаман исполнял песнь-благословение. После этого начиналась работа: старейшины намечали путь, по которому пройдут невода, самые молодые пробивали проруби, долбили лунки, са-

мые опытные вели прогонные жерди, самые сильные тянули бечевы. Все прочие – старики, женщины, дети – становились загонщиками. Наконец, вытягивали из воды мотни неводов, полные рыбы. Добычу ссыпали в одну кучу, чтобы потом разделить между всеми участниками рыбалки. Тем временем начинались состязания в борьбе, в прыжках, перетягивании палки; кто замерз – играли в пятнашки, в «соколов и уток» [Далан, 1994, с. 303 –305]. Таким же долгожданным и веселым становился праздник забоя скотины, который нередко сопровождался состязанием певцов-олонхосутов [Окладников, 1955, с. 134 –140].

В романе «Тыгын Дархан» особое место отведено описанию сенокосной страды [Далан, 1994, с. 58–59]. Его автор, прекрасно понимая значимость для народа саха «рогатого и гривастого скота», написал ему настоящий гимн: «О бесценная домашняя скотина, кормилица добрая с изогнутыми рогами! Благодаря тебе Уранхаи-Саха выжили сохранились как народ на этой студеной северной земле. Ты спасла Уранхаев, хотя и стоила им недешево. Круглый год ради тебя им приходилось трудиться без передыху: косить траву, метать стога, возить сено, строить хотоны и загоны… В отличие от коров, нуждающихся зимой в теплом стойле и готовом обильном корме, Уранхаи имели и другой, куда более неприхотливый скот. Длинногривое племя лошадей не требовало от людей ни сена, ни тщательного ухода. От природы приученные доставать траву из-под снега, вольные дети Джесегея издревле находились на подножном корму круглый год. Поэтому Уранхаи-Саха особо почитали как могущественного бога духа-покровителя лошадей грозного и гордого Джесегея» [Там же, с. 57 –58].

Еще одним способом создания местного колорита в обоих романах Далана служил традиционный календарь якутов, в соответствии с которым воспринимались природные циклы и строилась жизнедеятельность людей. Началом нового года считалось наступление весны, когда удавалось пережить зиму, когда зеленели деревья и трава, а все живое плодилось и размножалось. Первым месяцем года признавался месяц Нереста – май, за ним следовал месяц Сосны или Белого Изобилия – июнь, потом месяц Сенокоса – июль, месяц Вил – август и месяц Юрты – сентябрь. Далее следовали месяцы, у которых не было названия, просто – шестой, седьмой, восьмой, девятый и десятый – октябрь, ноябрь, декабрь, январь, февраль. Последними месяцами года считались месяц Жеребенка – март и месяц Ледохода – апрель [Далан, 1993, с. 291]. Все основные праздники и сезонные работы приходились на определенные времена и месяцы года: переезд в сайылык – на май, ысыах Белого Изобилия – на июнь, сенокос – на июль–август, осенний *отор* – на сентябрь, переезд в зимник – начало октября, праздник неводьбы – конец октября, забой скота – начало ноября.

Наконец, местный колорит как художественный принцип предполагает изображение особенностей национальной ментальности, или, по терминологии Г.Д. Гачева, «национального космопсихологоса» [Гачев, 1994]. Далан в романе «Глухой Вилюй» устами своих героев дает краткие, но очень емкие и точные характеристики представителям племен, населявших в XVI–XVII вв. территорию Якутии. В частности, туматы названы старым якутом Мохсохо «кровожадным племенем, славящимся своей жестокостью» [Далан, 1993, с. 204]. Ему вторит Туога Баатыр: «Нет никого злопамятнее туматов…Туматы упрямые люди» [Там же, с. 216–217]. С ними солидарен в своем неприятии туматов Чоргул Тиэргэн, еще один представитель народа саха: «Племена, что живут в здешних местах, нрава горячего и вспыльчивого, что необъезженные кони, характера капризного, как горные олени. Они смерть за сон почитают… Непостижимые люди…» [Там же, с. 232]. Авторская оценка туматов тоже весьма нелестная: «Туматам, оседлавшим скакуна битв и сражений, неведомы были печаль и жалость…» [Там же, с.110]; «Они не слушали, как делали это Саха Уранхаи, советов стариков, хранителей мудрости и ума, не носили их в кожаных сумах, не отдавали им последних почестей, как испокон веков повелось меж людьми, а сжигали и обращали в пепел. Словно дым костров, на которых жгли они стариков, улетели в вечность и сами туматы, превратившись в воздух и ветер…» [Там же, с. 331]. Не случайно повадки и нравы туматов были чужды даже их предводителю Даганче.

Зато Тонг Биисы снабжены в целом положительным имиджем. Тот же Мохсохо водит дружбу с представителями этого племени Малыдой и Кэбэйи, поэтому он дает им подробную характеристику: «Тонг Биисы большой народ, но живут оторванно друг от друга… Смелые люди, в одиночку на медведя с копьем ходят. Только наивные, доверчивые, потому и терпят поражения… За друга все отдадут! Но дружба должна быть взаимной, больше всего на свете ненавидят они ложь, не

прощают ее» [Там же, с. 296]. Еще одна черта менталитета не только Тонг Биисов, но и всех северных народов отличала Ерегечея, старшего брата Нюрбачаан, – «не подобает хосууну выказывать свои чувства: радость ли, грусть ли, все должен таить в себе» [Там же, с. 60].

Таким образом, анализ романов В.С. Яковлева-Далана свидетельствует о том, что обращение к местному колориту связано с повышенным интересом к национальному своеобразию, самобытности жизненного уклада, быта, нравов, традиций и обычаев народов Якутии.

У Далана местный колорит выполнял еще одну дополнительную функцию. Не забудем, что его романы создавались в сложный переходный период 80–90-х гг. прошлого столетия. Колоритные картины природы, исторические события и реалии, легендарные характеры создавали в его романах мир, более богатый и привлекательный, чем будничная и регламентированная окружающая действительность. Более того, романы «Глухой Вилюй» и «Тыгын Дархан» могут быть восприняты как выражение принципиального авторского эскапизма, как сознательное противопоставление смутному времени героического прошлого. В то же время они представляют собой своеобразный синтез искусства слова и исторической науки.

Литература

Бурцев А.А. Английский рассказ: конец XIX – начало XX века. Проблемы типологии и поэтики. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991.

Гачев Г.Д. Национальный Космо-Психо-Логос // Вопросы философии. – 1994. – №12.

Далан. Глухой Вилюй: Роман / пер. с якут. Л. Либединской. – Якутск: Бичик, 1993.

Далан. Тыгын Дархан: Роман / пер. с якут. А. Шапошниковой. – Якутск: Бичик, 1994.

Кулаковский А. Сновидение шамана: Стихотворения. Поэмы / сост., вступ. ст., примеч. В. Дементьева. – М.: Худож. лит., 1990. – 238 с.

Окладников А.П. История Якутской АССР. – Т. 1. – М.; Л., 1955.

Реизов Б.Г. Французский роман XIX века. – М.: Высш. шк., 1977.

Стегнер У. Документальная и художественная литература Запада // Литературная история США: в 3 т. – Т. 2. – М.: Прогресс, 1978.

A.A. Burtsev

The poetics of "local colour" in the novels of V. Dalan

The article studies the use of so-called local colour in Dalan's historical novels. The functional analysis of this artistic principle in the novels The Desolate Vilyui and Tygyn Darkhan showed that the author's use of the local colour stems from his increased interest to the ethnic originality, originality of the life style of the peoples in Yakutia.

Keywords: historical and artist dilogy, ethnic everyday life, traditions, customs, rituals, seasonal works and working processes, dwelling interior, food and drink group, traditional trades, hunting and fishing, people's calendar, ethnic "cosmopsychologos".

УДК 821 5121

Н.А. Непомнящих

Мотивы утраты, умирания, памяти в русской деревенской прозе и в русскоязычных произведениях писателей о коренных народах Сибири*

Общая проблематика, конфликт, жанровые особенности, цитирование и обработка фольклорных источников, а также мотивы утраты, родовой и исторической памяти, детских воспоминаний и широко распространенный сюжет смерти старика / старухи, который, помимо буквального и зачастую автодокументального содержа-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Новосибирской области. Проект № 14-14 54001/ 15 «Сюжетно-мотивные комплексы в литературах народов Сибири».

© Н.А. Непомнящих, 2015

ния, имеет иное, переносное значение, становящееся глобальной метафорой утраты традиционного образа жизни, безвозвратного исчезновения исконной культуры, – всё это в совокупности роднит многие произведения, написанные писателями о трагических судьбах народов Сибири, с русской деревенской прозой, типологически им наиболее близкой.

Ключевые слова: младописьменные и новописьменные литературы, мотив, сюжет, жанр, мотивы памяти, утраты, сюжет смерти старика / шамана, деревенская проза.

В исследовательской среде уже высказывалась мысль о том, что литературное творчество писателей коренных малочисленных народов Сибири и Севера РФ возникло и развивалось в контексте русской культуры, то есть не в «герметичной» локальной среде, а в процессе диалога двух культур. Многие писатели создавали произведения на двух языках: родном и русском. Национальные культуры, испытывая воздействие иной культуры, отчасти ассимилировались, отчасти вбирали в себя те элементы, идеи, художественные принципы, способы репрезентации, которые могли стать источником нового, импульсом к их развитию в контексте мировой и многонациональной российской культуры. Творчество многих писателей коренных народов Сибири 1960–1990-х гг. равноправно вписывается в литературный ряд эпохи. Наиболее близкой, органичной и внутренне созвучной национальным литературам Сибири как по тематике, проблематике, так и по художественным решениям была русская деревенская проза.

Основной темой деревенской прозы, ее посылом, эмоциональным, идейным, было сожаление об утрачиваемой традиционной культуре, об уходящем корнями в историю народа укладе жизни. Именно на трагедии утраты исконных корней было, главным образом, сосредоточено ее внимание. Соответственно сюжетно-мотивный корпус произведений деревенской прозы по преимуществу включает в себя мотивы, связанные с утратой, потерей, разрывом и смертью, памятью. Почти в каждом произведении, у самых разных авторов, будь то В. Астафьев, В. Распутин, В. Белов, Ф. Абрамов, В. Шукшин и другие, важное место в повествовании занимают памятные воспоминания, подробные описания когда-то привычных деревенских реалий, обыденных некогда, но почти исчезнувших крестьянских работ и занятий. Чаще всего хранителями памяти – исторической, крестьянской, родовой – являются герои, представленные старшим поколением. Это старики и старухи, по-житейски мудрые, противопоставляемые рациональному и прагматическому уму современной молодежи, покидающей родные места, сознательно ориентированной на кажущиеся ей более привлекательными достижения цивилизации. Старики в отличие от молодых с большим трудом и болью расстаются со своими родными местами, для многих из них такое расставание подобно смерти и не только метафорической.

Вполне закономерно, что сюжетная ситуация смерти старика / старухи встречается практически в каждом произведении «деревенщиков». Исследователи отмечают: «Примечательно, что в 1960–1980-е гг. слова “старик” и “старуха” выносятся в заглавие многих произведений “деревенской прозы” – см., к примеру, рассказы “Как помирал старик”, “Солнце, старик и девушка” В. Шукшина, “Старухи” и “Последний старик деревни” Ф. Абрамова, “Эх, старуха” В. Распутина и др.» [Парте Катлин, 2004, с. 87]. Исследовательница называет характерные, повторяющиеся в деревенской прозе мотивы: возвращение героя на родину, к истокам; мотивы детства и детских воспоминаний; мотивы родовой памяти и утраты не только устоявшегося уклада жизни, традиций, но и определенного мировоззрения, «лада» в противовес современному «разладу» – разрыву прежде непрерывной связи поколений: «Писатели-деревенщики понимали, что они последние, кто ещё помнит старинный уклад деревенской жизни: кто-то по своему собственному детству, кто-то из рассказов старших односельчан. Их воспоминания стали важным наследием, оставленным в русской культуре. Ощущение того, что деревенская проза – это литература “последних вещей”, складывается из большого количества метафор утраты в этих текстах» [Там же, с. 29].

Все те же мотивы характерны и для прозы Алитета Немтушкина, Еремея Айпина, Владимира Санги, Галины Кэптукэ и других авторов. Их повествование об уходящих традициях своих народов, о трагедии, которая постигла их в результате исторических перипетий XX в., о насильственном навязывании многим народностям на территории Сибири оседлого образа жизни, замене традиционной охоты, оленеводства, про-

мыслов колхозами, во многом перекликается с трагическими страницами книг писателей-деревенщиков. И те, и другие обращены к образу светлого прошлого. И тем, и другим свойственно желание описать в подробностях утрачиваемый быт, опыт, за которыми стоит многовековая жизнь множества поколений. Олицетворением уходящего мира, его духовного средоточия становятся, как и в деревенской прозе, старики и старухи. Деревенщики, со слов исследователя, «в умирании стариков видят символ утраты жизненного порядка» [Там же, с. 16]. Умирание, смерть стариков и старух в произведениях национальных писателей Сибири становятся сходною метафорою. Кроме того, для героя повествования смерть дедушки или бабушки может стать символическим окончанием детства, что верно и для юного героя «Небесных оленей» А. Немтушкина: концом жизни в родном чуме, концом детства становится для маленького Армачи смерть бабушки.

В книге Еремея Айпина в главе «Бабушкина сестрица» рассказчик повествует о том, как помогла им, сиротам, оставшимся без матери, двоюродная бабушка, и что он ничего не знал о ее смерти, не задумывался о ней до той поры, когда осознал, уже будучи взрослым, что она помогла им выжить. В чем-то размышления героя перекликаются с подобными же мыслями из финальной части «Последнего поклона» В. Астафьева. Не исключено, что в какой-то мере и степени на жанровую форму, тематику и проблематику таких книг, как «Мне снятся небесные олени» (А. Немтушкин), «У гаснущего очага» (Е. Айпин»), «Маленькая Америка» (Г. Кэптукэ) повлияла повесть В. Астафьева «Последний поклон»: всеми авторами сохранен хронотоп идиллического детства и самых светлых воспоминаний о нем, каждый описывает утраченные современной цивилизацией бытовые подробности, трудовые процессы, обряды, а самое главное – в центре повествования находятся фигуры бабушек, воспитавших и во многом повлиявших на склад их души. Именно от них и благодаря им авторы получают ту «родовую память», которая не отпускает, заставляет писать, вспоминать родную культуру, ту, почти ушедшую ныне в небытие, жизнь. Для каждого из них смерть бабушки станет поворотной вехой в судьбе.

Старики и старухи владеют знаниями, которые становятся недоступными, неизвестными молодому поколению. Сила их веры, сила их знаний, накопленных веками, житейская мудрость и бытовая этика определяют духовное развитие авторов-рассказчиков, не дают им порвать и прервать связь поколений, заставляют в зрелом возрасте браться за перо, чтобы зафиксировать, запечатлеть, запомнить безвозвратно уходящее и исчезающее. Шаман, дедушка Ефрем, в книге Е. Айпина когда-то во время камлания открыл маленькому ребенку (автору-повествователю) истину о взаимосвязанности всего в этом мире, о взаимозависимости, о созвучности всех составляющих Вселенной, ее единстве:

Во-в!..
Во-в!.. – откликнулся бубен.
Во-в!.. – откликнулся огонь в чувале.
Во-в!.. – откликнулись четыре угла дома.
Во-в!.. – откликнулись стены старого дома.
Во-в!.. – откликнулся лёд потолочного окна.
Во-в!.. – откликнулся дом.
И я в неудержимом восторге закричал:
Во-в!..
Во-в!.. – отозвались сосны в бору.
Во-в!.. – отозвались снега в бору.
Во-в!.. – отозвались звёзды над домом.
Во-в!.. – отозвалась Луна в тучах.
Во-в!.. – отозвалось Небо.
Во-в!.. – отозвалась Земля.
А старец всё летал, всё кружил по солнцу. Всё летал, всё кружил, не касаясь земли.
Во-в!..
Во-в-в-в!.. – отозвалась Вселенная.
А я клокотал от восторга.
Клокотало моё тело.
Клокотала моя душа [Айпин, 1998, с. 162].

Мать, отец, бабушка и ее сестра рассказали ребенку о самом важном: о традициях, вере, обычаях хантов. Их рассказы облечены в разные жанровые формы: сказок, преданий, поговорок, песен, быличек. Хантыйский фольклор органично вплетается в повествование, звучит как речь персонажей и в то же время является зримым воплощением памяти о родной культуре, которую обязательно нужно сохранить для будущих поколений, особенно учитывая угрозу полного исчезновения культур коренных народов Сибири.

Смерть у многих народов Сибири не означает бесповоротный конец бытия, это лишь переход в иной мир, где тебя уже ждут твои предки, и каждому определено, в какой срок положено прийти к ним. Здесь тоже есть параллели между русской деревенской прозой, использующей фольклорно-мифологические мотивы при изображении смер-

ти и представления о ней у стариков и старух, и мифологическими представлениями о смерти у сибирских народов. Очень интересно наблюдение Н.Н. Котенко, о том, что описание кончины старухи Анны в «Последнем сроке» В. Распутина во многом совпадает с текстом его же более раннего рассказа «Эх, старуха», написанном на основе его непосредственного общения с представителями коренных народов в бытность автора корреспондентом красноярской газеты: «Так, сюжетную основу небольшого рассказа "Эх, старуха" (1966) составляет смерть старой тофаларки, верящей, что души умерших продолжают общаться с живущими. Этот рассказ интересен еще и тем, что в образе тофаларской шаманки проступают черты характера, которыми позднее будет наделена праведница Анна из "Последнего срока". Здесь уже содержится ряд формулировок, которые затем почти без изменений войдут в текст повести: "Старуха не боялась смерти <...>. Она выполнила свой человеческий долг <…>. Ее род продолжался и будет продолжаться – она в этой цепи была надежным звеном, к которому прикреплялись другие звенья <…> Ночью старуха умерла"» [Котенко, 1988, с. 22]. Перед нами интересный пример параллели сюжета о смерти шаманки-тофаларки и русской деревенской старухи, возникающей в творчестве одного автора: текст раннего рассказа о шаманке войдет в состав более поздней повести о старухе, что говорит о типологической близости как самих описываемых жизненных ситуаций, так и о сходстве их авторского видения и литературного воплощения.

В рассказах и повестях писателей национальных сибирских литератур так же, как и в русской деревенской прозе, часто встречается повторяющийся сюжет: мудрый и уважаемый всеми старик / старуха (иногда это шаман или шаманка, но не всегда именно они) умирает, но прежде готовится к своей смерти. Зная о скором приходе последнего часа, герой вовсе его не страшится, ожидает положенного срока деятельно, хотя виды этой деятельности могут диаметрально разниться. Так, в книге А. Немтушкина «Мне снятся небесные олени» старик сколачивает себе гроб заранее, а в рассказе «Последняя воля шаманки» шаманка впадает в подобие летаргии на десять дней, чтобы совершить предварительное путешествие в Нижний мир. Не всем просьба шаманки не хоронить ее раньше времени до появления характерного запаха кажется разумной: «Не дай бог, ешкин клен, узнают в райкоме, что мы из-за своих первобытных пережитков не хороним человека, у-у, держись тогда, голову снимут!.. Сейчас строго, шевелитесь!..». Однако воля шаманки была выполнена благодаря Вере, которую та избрала своей преемницей за неимением родных детей. Символично имя девушки – русское, говорящее, именно Вера одна и поверит шаманке, расскажет о ее просьбе не хоронить сразу. Десять дней старуха пролежала в чуме, наконец, окружающие все же решаются. В клубе, куда принесли гроб с телом, старуха вдруг села и «ожила», немало напугав присутствующих. Оказывается, шаманка все десять дней путешествовала, побывала там, «откуда мы приходим». Сразу после рассказа о своем путешествии в Нижний мир она просит похоронить ее «на деревьях» по старинному обычаю эвенков, речь идет об уже никем не соблюдаемом традиционном захоронении, она говорит собравшимся: «...Продолжайте свое дело…. Спасибо, что пришли проводить, я не буду больше задерживать. Только не зарывайте меня в землю, а похороните по-старинному, на деревьях. Я уйду в Угу Буга, там мой Маича…. Через год приходите посмотреть меня там не будет…. А теперь, Вера, помоги мне лечь…. Вера помогла. Старушка закрыла глаза, сложила руки. И вдруг – эрэ! – громко простонала она, дернулась всем телом, словно ее ударило током, и затихла. Лицо стало умиротворенным, вытянулось и на глазах стало чернеть, почувствовался запах…. Похоронили Лолбикту так, как она пожелала».

Финал остается открытым: «Через сорок дней, перебирая свои вещи в чемодане, Вера неожиданно обнаружила красивый старинный платок, в котором было что-то завернуто. Развернула – шаманский серебряный пояс. Откуда он взялся? Это же вещи старушки Лолбикты. Как они попали Вере в чемодан?.. Уж не знак ли это, а может, и духи Лолбикты переселятся в Веру?..». Примечателен здесь сороковой день после смерти, который лишь по русскому поверью является значимым. Вера уже соединяет в себе две разные культуры, и какую именно выберет она, неизвестно. Финал открыт: «Прошлым летом парни ради интереса сходили к гробу Лолбикты, висевшему на двух лиственницах, отколотили нижнюю доску – пусто. Даже от одежды – ни одной тряпочки. Диво!..». Это последние строки рассказа. Читатель сам волен решать, что это за необъяснимое явление, о котором известно лишь посвященным

шаманам, и придет ли на смену последней шаманке Лолбикте Вера, в которой течет эвенкийская кровь того же, что и у шаманки, рода дятлов.

То, что старики заранее готовятся к смерти, не является чем-то из ряда вон выходящим для тех традиционных культур, к каковым принадлежат культуры народов Сибири. Но это не всегда находит понимание у пришлых людей и людей нового склада. Так, у А. Немтушкина «полномоченный», приехавший в стойбище, заставляет молодых парней разломать сколоченную стариком Маду для себя домовину. Старик огорчен, он уже неделю как занят сооружениям этого «ящика». И, как выясняется, разломан он совершенно напрасно: старик действительно умирает в тот самый вечер, когда сломают его гроб. Маду не сердится на уполномоченного. Он понимает, что по новым порядкам не принято, чтобы человек сам себя снаряжал в Нижний мир. Он лишь переживает, что некому будет проводить его по старым обычаям, единственный родственник, племянник, их уже не соблюдает, для него это лишний повод напиться. Вообще, в связи со смертью старика, часто встает вопрос о выполнении / невыполнении древних священных заветов и обычаев. Мотив нарушения заветов предков и прерывания древних традиций, как правило, присутствует в связке с мотивом смерти, являясь составной частью сюжета смерти мудрого старика.

Мотив угрозы нарушения древнего обычая повторяется в разных произведениях. В рассказе «Похороны шамана» нанайского автора Григория Ходжера спор возникает между родственниками умершего шамана и бригадой рыболовов, которым необходимо выполнять определенный план по улову рыбы. Шамана полагается переправить для похорон на старое кладбище, находящееся на острове посреди реки, однако началась путина, а по древнему поверью, если через реку перевезти мертвого шамана, то рыба уйдет из реки и больше уже туда не вернется. Новому секретарю райкома предстоит разрешить возникший конфликт. В результате шамана хоронят, как положено, не нарушая обычая.

Зачастую старики, хотя и чувствуют приближающуюся смерть, не желают встречать ее в тепле и комфортных условиях. В рассказе Г. Кэптукэ «Дедушка уезжает умирать в Сковородино» последняя воля старика состоит в том, что он хочет уехать от его родственников туда, где родился. И никто не смеет ему возразить: «Мне жаль было отпускать его так далеко, но я так же, как и он, была уверена, что он должен умереть обязательно в Сковородино. Раз этого хочет дедушка, значит так и должно быть» [Кэптукэ, 1991, с. 32]. В связи с приближающейся смертью неоднократно возникает мотив последнего желания старика, которое нельзя не исполнить. Таким желанием в рассказе В. Санги «Изгин» становится желание осуществить вылазку в одиночку в тайгу на лыжах, чтобы найти там старого лиса, с которым у старика сложилась своеобразная дружба. Односельчане одалживают старику лыжи, понимая, что это его последнее желание. Однако старик идет не просто так, он хочет добыть шкуру старого лиса. В рассказе отчетлив параллелизм «лис – старик». Однако финал разводит эту параллель: лис еще полон сил, а старик, в последний раз взглянув на своего резвящегося с молодой лисою любимца, не решается в него выстрелить, затем умирает посреди тайги. Перед смертью старик нарушает старинное охотничье правило не трогать чужих ловушек: он ломает расставленные вокруг капканы других охотников, чтобы его любимец туда не попал. Так что мотив нарушения обычая присутствует и здесь.

Мотив смерти старика в тайге встречается и у А. Немтушкина – в главе о его бабушке, ушедшей проверять ловушки и умершей в пути обратно. Подобная смерть не была чем-то необычным. Умирали эвенки и от болезней. Но смерть всегда объяснялась соответственно верованиям. Так, получившая похоронку с фронта мать погибшего, бабушка Эки, вопреки запретам выказывать свою печаль, в голос оплакивает последнего погибшего сына. Показывать свое горе, особенно в чуме, было нельзя категорически, потому что злые духи могли услышать и натворить еще больших бед. Полагалось молчать, грустить и печалиться, не издавая ни звука, – только так, по поверьям, можно было обмануть злых духов, которые забирали душу человека в Нижний мир. Старуха нарушает одно из самых строгих предписаний, идет против родового, веками устоявшегося уклада. Элементы старинных поверий в повести Немтушкина чаще всего даются в пересказе, вкладываются в уста стариков или рассказчика.

Если пользоваться для характеристики сюжетно-мотивного состава младописьменных и новописьменных литератур народов Сибири терминологией А.Н. Веселовского, то можно сказать, что бытовая основа сюжетики в них зачастую доминирует. Во многих случаях в основе рассказов и

повестей – зарисовки жизни конкретных людей, в конкретном месте и в обозначенное историческое время. Они либо очерково-документальные, либо автодокументальные. Деревенская проза также имеет в основе очерковую прозу и личный опыт авторов, рассказывающих о своих предках, родственниках, соседях, жителях родных деревень. Основной ее конфликт также близок к жизненному и литературному опыту писателей из Сибири и характерен для их произведений – это конфликт поколений, когда между молодым поколением и старшим возникает разлад, когда стремление молодых жить иначе, уехать в город ставит под угрозу само существование традиционной культуры, будь то вековой крестьянский уклад вымирающей русской деревни или традиционный образ жизни как непременное условие существования этносов – хантов, манси, шорцев, эвенков, нанайцев, нивхов и других народов Сибири. Внутренний конфликт, возникающий у героя, уехавшего из деревни / стойбища (малой родины), обычно приводит к возвращению в родные места, где он наблюдает их полное вымирание, вызывает тоску по былому, детским воспоминаниям, почти всегда окрашенным в светлые лирические тона. Однако вернуться в это идиллическое прошлое он не может, обратного пути нет. В рассказе В. Санги «Последняя дань обычаю» приехавший в родные места герой довольно быстро ощущает, что оставаться здесь он не может, и даже успешно пройденное испытание охотой на медведя (старинный обычай) не приближает его к родственникам и жителям поселка, а, напротив, разобщает с ними, заставляет бежать обратно, в мир цивилизации и другой культуры.

У каждого автора своя степень литературной обработки действительности, но в произведениях каждого угадываются реальные прототипы, нередко выступающие под собственными именами. Так, в уже ставшей классикой эвенкийской литературы книге А. Немтушкина «Мне снятся небесные олени» рассказывается о реальных людях, носящих свои настоящие имена, излагаются достоверные факты, это рассказ о жизни конкретного сообщества на протяжении десятилетий, многие лица узнаваемы, а эпизоды совпадают с реальными событиями из жизни писателя*. Сходна по тематике и жанру книга Е. Айпина «У гаснущего очага». На основе жизненного опыта и впечатлений создает многие романы, повести и рассказы В. Санги. Книга Г. Кэптукэ «Маленькая Америка», как и книга А. Немтушкина, состоит из отдельных рассказов, законченных историй, являющихся либо воспоминаниями о детстве самой писательницы, либо пересказом воспоминаний близких ей людей о прежнем укладе жизни, об отдельных случаях и эпизодах из той прежней жизни. В их произведениях рассказывается в том числе и о выживании в тайге, в суровых условиях, о традиционных промыслах, о национальных обычаях и традициях, об охоте и поединке со зверем, пересказываются некоторые фольклорные сюжеты. Эти сходные черты объединяют и выявляют глубинное родство произведений авторов, представителей разных национальных культур.

Общая проблематика, конфликт, жанровые особенности, цитирование и обработка фольклорных источников, а также мотивы утраты, родовой и исторической памяти, детских воспоминаний и широко распространенный сюжет смерти старика / старухи, который, помимо буквального и зачастую автодокументального содержания, имеет иное, переносное значение, становящееся глобальной метафорой утраты традиционного образа жизни, безвозвратного исчезновения исконной культуры, – всё это в совокупности роднит многие произведения, написанные писателями о трагических судьбах народов Сибири, с русской деревенской прозой, типологически им наиболее близкой.

Литература

Айпин Е. У гаснущего очага. – Екатеринбург; М., 1998.

Котенко Н.Н. Валентин Распутин: Очерк творчества. – М., 1988.

Кэптукэ Г. Маленькая Америка. – М., 1991.

Партэ Катлин. Русская деревенская проза: светлое прошлое / пер. с англ. – Томск, 2004.

* Книги Алитета Немтушкина входят в обязательную программу в эвенкийских школах, материалы для проведения уроков представлены на профессиональных сайтах педагогической тематики. По вопросам, которые предлагаются школьникам по прочтении его книг, можно судить о том, что книги предназначены не только для изучения их как литературных произведений, в большей степени они служат как источник по изучению родной культуры.

N.A. Nepomnyashchikh

Motives of loss, dying, and memory in Russian “village prose” and in Siberian Russian literature

General problems, conflict, genre features, quoting and processing folk sources and motives of loss, generic and historical memory, childhood’s memories and widespread plot the death of the old man / old woman, who, in addition to the literal and often auto documentary content has a different, figurative meaning, becoming a global metaphor for the loss of traditional ways of life, the permanent disappearance aboriginal culture – all this together unites many works written by writers of the tragic fate of the peoples of Siberia, a Russian village prose, typologically closest to them.

Keywords: the literatures of Siberian indigenous peoples (Siberian Russian literature), motive, plot, genre, motives of memory, loss, old man’s/ shaman’s death, village prose.

УДК З(=22 (512.157) (083.9)

В.В. Илларионов

Десятилетие Государственной целевой программы олонхо: итоги и задачи

Статья посвящена десятилетию Государственной целевой программы олонхо, которая была принята по Указу Президента от 29 декабря 2005 г. в связи с объявлением ЮНЕСКО олонхо Шедевром устной нематериальной культуры человечества. В статье раскрываются итоги десятилетней работы якутских фольклористов и ставятся дальнейшие задачи по сохранению, популяризации и научному изучению якутского героического эпоса олонхо.

Ключевые слова: олонхо, шедевр, увековечение, популяризация, олонхосуты, ысыах, фонозапись, государственная целевая программа, театр олонхо, трансформация эпического наследия.

Государственная целевая программа «Сохранение, изучение и распространение якутского героического эпоса – олонхо».

25 ноября 2005 г. произошло событие, которое наполнило гордостью сердца якутов, − объявление олонхо Шедевром устного нематериального культурного наследия человечества. Указом Президента Республики Саха (Якутия) от 15 ноября 2006 г. №3036 «Об установлении дня Олонхо» эта историческая дата была объявлена Днем олонхо, Указом от 26 декабря 2009 г. №1776 – утверждена Республиканская целевая программа «Сохранение, изучение и распространение якутского героического эпоса Олонхо» на 2006–2015 гг. и ее основные направления до 2015 г. [Якутский героический эпос..., 2006]

Распоряжением Президента РС(Я) от 12 мая 2006 г. №197-РП (ред. от 13.04.2007) «О подготовке и проведении десятилетия олонхо» было утверждено «Положение о Национальном организационном комитете РС(Я) по подготовке и проведению десятилетия Олонхо (2006–2015 годы)». Работой Комитета по руководству, координации и реализации задач сохранения, защиты и популяризации якутского героического эпоса олонхо вначале руководили вице-президенты А.К. Акимов, Е.И. Михайлова, затем с 2010 г. – А.Н. Жирков, заместитель Председателя Государственного Собрания (Ил Тумэн) РС(Я), вице-президент республиканской Ассоциации Олонхо. Каждый из них внес значительный вклад как в разработку целевой программы, так и в ее претворение в жизнь, совершенствование механизмов ее реализации, финансовое обеспечение этого процесса, в возрождение и сохранение олонхо, увековечение памятников эпического наследия [Якутский героический эпос..., 2009].

Перед рабочей комиссией, в которую входили деятели науки, культуры и образования, под руководством заместителя председателя Правительства РС(Я) на тот период Е.И. Михайловой стояли задачи разработки государственной целевой программы, определения основных направлений и планирования работы по ее реализации. Так, в программе по возрождению олонхо, сохранению

© В.В. Илларионов, 2015

и увековечению эпического наследия предполагалось пять основных направлений деятельности, а также их финансовое обеспечение. В качестве основного заказчика выступило Министерство культуры, утвердившее смету расходов, в соответствии с которой на первые этапы реализации Программы предусмотрели 30 млн. руб.

По пяти направлениям Программы были запланированы и распределены основные мероприятия, организация и проведение которых начались с финансированием проекта. О всех нюансах и деталях этой работы начала десятилетия знают непосредственные участники событий тех лет. Мне же хотелось бы в данной статье остановиться только на тех вопросах, с решением которых я сталкивался непосредственно или содержание которых мне хорошо известно.

Хотя первоначально предполагалась финансовая поддержка мероприятий, посвященных олонхо, со стороны ЮНЕСКО, но из-за того, что Программа не была ратифицирована Россией, ее финансовое обеспечение полностью было возложено на республику. Однако, несмотря ни на что, признание якутского эпоса культурным достоянием человечества воодушевило народ саха и вдохновило на творческий и созидательный труд во имя сохранения и приумножения нашего духовного достояния.

Поддержка олонхосутов

В заявку на признание олонхо Шедевром устного нематериального культурного наследия человечества в качестве живых носителей эпической традиции вошли Д.А. Томская, П.Е. Решетников. Впоследствии им и в 2008 г. А.Е. Соловьеву впервые в Российскй Федерации были назначены ежемесячные пожизненные стипендии в размере 33 тыс. руб. Это, безусловно, сразу повысило статус олонхосутов, которые до последних дней жизни отдавали все свои силы делу передачи молодому поколению живых сказительских традиций.

ЮНЕСКО ставит перед нами задачу увековечения и возрождения традиций олонхо. Живых носителей эпических традиций среди современников сегодня больше нет. Но есть олонхосуты и исполнители олонхо. К потомственным олонхосутам мы относим тех талантливых певцов, исполнителей, кто вырос, слушая живое исполнение носителей традиций сказительства, вобрал в себя особенности сюжетного построения олонхо, разнообразие мотивов исполняемых тойуков, богатство языковых изобразительно-выразительных средств, кто ощутил и осознал свое призвание, развил свой талант в период возросшего интереса к якутскому эпосу. В 1980-е гг., когда мы проводили дни, вечера олонхо, стали известны имена Н.К. Шамаева, Н.И. Сафонова. К.Н. Никифорова, В.Д. Данилова, которые на основе слышанного ранее стали исполнять несложные для восприятия современного слушателя средние олонхо. С признанием олонхо Шедевром устного нематериального культурного наследия человечества к ним присоединились В.Н. Иванов-Чиллэ, В.Г. Исаков, А.М. Захаров. П.М. Тихонов, Н.Е. Баишев, И.А. Григорьев, Н.Г. Тарасов, в роду которых были известные олонхосуты. Их мы называем потомственными олонхосутами, носителями эпической традиции, на основе которой эти талантливые исполнители создают свои небольшие олонхо и доносят их до слушателей. В большинстве случаев основой служат запомнившиеся им с детства песни-тойуки персонажей олонхо. Кроме этого, используются также стихи олонхо, сюжеты, усвоенные как во время устного восприятия в детстве, так и почерпнутые из книг. Возможно, этим и объясняется то, что многие из них испытывают затруднения при исполнении чабыргахов, обязательных для передачи эпического повествования олонхо. То, что исполнение олонхо перед аудиторией предполагает определенные регламенты, препятствует развитию мастерства этих исполнителей, хотя некоторые из них вполне могли бы исполнять олонхо на протяжении 4–5 часов, но это очень сложно для восприятия современных слушателей.

Репертуар исполнителей складывается из чтения изданных олонхо, текстов, обнаруженных в архивных рукописных материалах, заучиваемых наизусть и исполняемых без изменений, либо используется услышанное из грамзаписей исполнения песен эпических персонажей, радио- и телепередач. При этом в основном исполняются отрывки из олонхо. Отрадно, что у многих исполнителей – певческий талант, сильные голоса, мастерство владения якутским кылысахом. Необходимо отметить, что со всемирным признанием якутского эпоса исполнителей олонхо заметно прибавилось, они сегодня формируют своеобразную эпическую среду. Именно поэтому необходимо и важно работать с современными исполнителями, объединяя усилия для сохранения и увековечения якутского эпоса [Мухоплева, 2015].

Организация фестивалей олонхо

Для сохранения и развития традиций сказительства очень важно проведение ежегодных фестивалей, ориентированных на преемственность поколений: для детей – «Я – дитя Земли Олонхо» («Мин – олоҥхо дойдутун оҕотобун»), учащейся молодежи – исполнение олонхо во время подледной рыбалки («Мунҥха олоҥхото»), для старшего поколения – «Славься, великое Олонхо» («Уруйдан, улуу олоҥхобут»). Основным требованием, критерием оценивания исполнения олонхо на всех этих фестивалях неизменно остается соблюдение традиционности. Иначе говоря, допускаются либо одиночное исполнение перед аудиторией, либо групповое. Другим критерием является то, что исполнитель должен придерживаться основной сюжетной линии текста эпического произведения. Поэтому сегодня, когда возникла опасность того, что традиции олонхо могут кануть в небытие, эти фестивали оцениваются как одно из средств возрождения и увековечения сказительства.

Хотелось бы сказать, что, хотя в проведении фестивалей мы видим реальные результаты реализации Целевой программы, огромную роль в этом играют также инициативы и энтузиазм людей. Так, благодаря организационной работе сотрудников ГУ РЦК им. А.Е. Кулаковского и Дома Арчы – З.Г. Сысолятиной и Б.Н. Михайлова, изысканию ими источников финансирования многие получили возможность участвовать в этих мероприятиях, реализовать своё желание приобщиться к традициям олонхо. Как отмечают организаторы, финансирование по целевой программе не всегда отвечает желаниям и устремлениям ценителей якутского эпоса. В качестве примера можно назвать Ю. Борисова, А. Федорова, С. Львову, Ю. Санникову, Г. Менкярова, которые именно через участие в фестивалях вначале заявили, а затем значительно развили свой исполнительский талант, а сейчас, к нашей всеобщей радости, продолжают его совершенствовать, работая в Театре олонхо, Институте олонхо и в сфере культуры. Хочется надеяться, что с достижением зрелости они смогут выступать перед широкой аудиторией.

Возрастная категория исполнителей позволяет им самовыражаться, выносить свое исполнительское мастерство на суд публики через фестиваль «Славься, великое Олонхо» («Уруйдан, улуу олоҥхобут»). В этом году мы отметили десятилетие фестиваля [Илларионов, 2015]. За это время мы наблюдали, как год за годом оттачивалось, совершенствовалось мастерство постоянных участников, таких, как П.М. Тихонов, В.Г. Исаков, Н.Е. Баишев, Н.И. Сафонов, А.М. Захаров, И.А. Григорьев. К слову сказать, они принимают участие не только в мероприятиях фестиваля, но и в Ысыахах олонхо, Днях олонхо, других мероприятиях на республиканском, российском и международном уровнях. Так, победа П.М. Тихонова на I международном фестивале исполнителей эпоса, присуждение ему гран-при фестиваля свидетельствуют об истинности и высоте его таланта. Целевая программа должна бы быть ориентирована на поддержку таких исполнителей. И обсуждение этого вопроса было инициировано, так как, к сожалению, живые носители эпической традиции выполнили свое предназначение в этой жизни, их больше нет среди нас, но на смену им пришли талантливые исполнители олонхо, сохраняющие и развивающие еще живые традиции олонхо. По утверждению Республиканской ассоциации олонхо, в 2012 г. во время Дней олонхо В.Г. Исакову, К.Н. Никифорову и В.Н. Иванову-Чиллэ было присвоено почетное звание «Олонхосут РС (Я)» и принято решение о денежной премии, которую они не получили по сей день. Надо ли говорить о чувствах одних из самых талантливых олонхосутов после такого отношения, может ли у них остаться желание участвовать в мероприятиях, которые, казалось бы, должны стремиться ко все большему охвату людей, выявлению способных, талантливых исполнителей олонхо? На деле мы видим совсем обратное: например, К.Н. Никифоров перестал участвовать и в мероприятиях по сохранению и увековечению якутского эпоса, и в ысыахах олонхо, возможно, это произошло в силу его возраста, но все мы знаем, что для настоящего исполнителя, носителя традиций, возраст никогда не был помехой, значит, причина кроется совсем в другом. Наша задача сегодня заключается именно в сохранении преемственности, во всемерной поддержке знатоков якутского эпоса, исполнителей олонхо, способных доносить до молодого поколения те традиции, благодаря которым олонхо признано Шедевром устного нематериального культурного наследия человечества.

О Театре олонхо

В противовес вышесказанному, любому бросается в глаза та поддержка, которая оказывается в рамках Целевой программы и лично бывшим

министром культуры А.С. Борисовым Театру олонхо.

По своей природе олонхо, безусловно, близко к сценическим видам искусства. Об этом писал в свое время еще И.А. Худяков, оставивший полную запись текста олонхо, сделавший его перевод, а также сопроводивший его замечательными комментариями и подготовивший к изданию «Олонхо – зародыш народной оперы». И театроведы, и культурологи отмечают тесную связь нашего театрального искусства, его основ и зарождения с народным эпосом. Если перелистать историю якутского театра, то видно, что олонхо ставилось вначале как спектакль, затем как пьеса, музыкальная драма и опера. Так, опера «Нюргун» явилась значимым этапом в развитии якутского театрального искусства, а исполнение талантливых артистов 1940-х гг. Михаила Жиркова, Марии Новгородовой, Устина Нохсорова, 50-х – Ильи Перевалова, Анны Егоровой, Гаврила Колесовым и др., отличавшееся национальной самобытностью якутского пения, было очень тепло воспринято народом и оценено по достоинству. Уровень современных артистов Театра олонхо весьма далек от заданной в указанные годы планки, однако и руководство театра, и Министерство культуры, несмотря ни на что, считают целесообразным увеличение финансирования в этом направлении. Так, усилиями А.С. Борисова, в силу его должностных полномочий и авторитета, финансовыми вливаниями целевой программы поддерживается участие театра во всевозможных фестивалях и мероприятиях и на российском, и на международном уровнях с выездами.

Штат театра постоянно растет, насколько мне известно, в нем организованы пресс-центр, архив олонхо, издательский центр. Правильная организация театра, набор артистов, хорошо владеющих национальным стилем пения, говорят о том, что у Театра олонхо – большое будущее, что подтверждают последние спектакли поставленные по мотивам олонхо «Оҕо Тулаайах», «Две шаманки».

Научные исследования якутского эпоса как одни из основ реализации Целевой программы

В Целевой программе были предусмотрены научные исследования олонхо. Ранее, когда Институт гуманитарных исследований относился к Академии наук Республики Саха (Якутия), в план реализации Целевой программы были включены научные исследования, работы по архивированию, оцифровыванию архивных материалов, организации фольклорных экспедиций, изданию эпических текстов, соответственно, предусматривалось и финансирование. Затем институт перешел на федеральное финансирование, и сразу возникло множество спорных вопросов. Выполнение названных работ возможно на договорной основе, но при этом возникают юридические нюансы, создающие помехи. Это же касается и сотрудников, преподавателей СВФУ, которые желали бы принимать участие и в научных исследованиях, и в вышеуказанных видах работ. В первые годы реализации Целевой программы, видимо, по счастливой случайности в университете была создана лаборатория исполнительского искусства, мы даже успели приобрести оргтехнику; монографии Л.Л. Габышевой, Н.А. Стручковой, А.А. Григорьевой, Т.В. Илларионовой были опубликованы в издательстве «Наука», смета этих работ не превышала 100 тыс. руб. Сейчас на эти деньги можно издать лишь одну монографию. На подготовку и издание Институтом гуманитарных исследований серии «Якутские богатыри» («Саха боотурдара») было предусмотрено определенное финансирование. Также публикацию этой серии поддержал Фонд будущих поколений при содействии А.Н. Жиркова, и 15 томов серии увидели свет. Фольклористы ИГИ АН РС(Я) внесли весьма значительный вклад в создание республиканской Ассоциации олонхо, в признание якутского эпоса одним из Шедевров устного нематериального культурного наследия человечества. Они могли бы сделать больше в реализации Целевой программы, но из-за ограничений в полномочиях, даже при решении посильных вопросов, не имеют возможности реализовать весь свой потенциал.

Несмотря на то, что, как говорилось выше, в Целевой программе предусматривалась работа по архивированию рукописей фольклорных материалов, в том числе олонхо, восстановлению, оцифровке и копированию для введения их в широкий и научный оборот, именно из-за спорных вопросов по разделению и делегированию полномочий содержательной работы практически не проводилось. Так, физик-программист С.Е. Васильев начал оцифровку эпических текстов еще до признания олонхо ЮНЕСКО, но работа приостановилась. В настоящее время ИГИиПМНС СО РАН вывел фольклорные материалы из Архива ЯНЦ СО РАН, создав свой Рукописный отдел, но еще очень многое отделяет от этапа введения матери-

алов этого отдела в научный оборот. В основном эту работу инициируют представители, активисты улусов, где организуются ысыахи олонхо, это неравнодушные к локальным эпическим традициям люди, которые желали бы и сами поработать с архивами, но сталкиваются при этом с определенными препятствиями. Институт ставит вопрос о финансировании договорных работ по восстановлению архивных материалов, но тщетно.

Переложение эпических текстов в письменную форму берет начало еще с А.Ф. Миддендорфа. Большая работа по сбору фольклорных материалов проводилась в 30-е гг. прошлого столетия Г.У. Эргисом, А.А. Саввиным, С.И. Боло и др. Тогда благодаря организованному, по инициативе Суоруна Омоллоона, конкурсу были записаны тексты олонхо от известных сказителей. Так, перед Великой Отечественной войной были переданы в архив около 60 текстов народного эпоса. В настоящее время известны 126 полных записей олонхо.

Если в те годы текст записывался непосредственно рукописным способом, то в наше время широко практикуются технические средства, облегчающие труд собирателей фольклора: магнитофонные записи, аудио- и видеозаписи. Современные средства позволяют запечатлеть живое исполнение, своеобразие исполнительской манеры пения, мимику, движения и т.д. Современная фольклористика имеет все возможности для наблюдения, фиксации аутентичности искусства носителей фольклора, в этом и заключается ее своеобразие. Первое применение технических средств в фольклористике относится к началу XX в. В 1930–1940-е гг., хотя и редко, но использовалась такая возможность для записи голосов сказителей. А в 60-е гг. музыковед Э.Е. Алексеев, фольклористы Н.В. Емельянов, П.Е. Ефремов использовали и широко распространили метод записи исполнения олонхо сказителями на магнитные носители. В 1970–1980-е гг. во время сбора фольклорных материалов П.Н. Дмитриев, В.П. Еремеев, отдельные энтузиасты практиковали, помимо магнитофонной, и запись сказителей на видеокамеру. В настоящее время этот способ применяется всеми фольклористами [Илларионов, 2015].

Сегодня перед нами стоит задача обновления имеющихся записей, перевода их в цифровой формат. Такая работа должна проводиться в рамках Целевой программы. Качество аудио-, видеозаписей прошлых лет низкое. В связи с этим требуются их реставрация, качественное обновление, обработка, например, устранение шумов и т.д., и дальнейшая оцифровка. Многие нюансы этой работы, трудоемкость и затратность ее процессов мне хорошо известны после мультимедийного издания олонхо Е.И. Кардашевского. Это требует кропотливой реставрационной работы музыковедов, инженеров в условиях хорошо, технически оснащенной лаборатории

Магнитофонные записи хранятся в фондах управлений культуры, архивов, в личных архивах людей. Если не ошибаюсь, в этом году правительство республики выкупило у Ивана Осуокая видеозаписи из его архива по цене одного автомобиля. Необходимо организовать комиссию, чтобы оценить ценность этих материалов, решить вопрос об их архивировании. Сомневаюсь, что владелец этого архива производил паспортизацию материалов и другие процедуры по их правильному хранению, поэтому шаги в этом направлении необходимо предпринять при жизни Ивана Осуокая для последующей оцифровки и увековечения ценных материалов. Безусловно, это будет трудоемкий и кропотливый процесс.

Таким образом, предстоит еще много работы по сохранению и передаче будущим поколениям, введению в широкий научный оборот ценности нашего народа – олонхо. Будет непростительным, если труд нескольких поколений фольклористов, народных энтузиастов будет утерян или растрачен.

Именно поэтому мы обязаны не только очень бережно сохранять те материалы, которые были собраны фольклористами разных лет, но и приложить все усилия для их восстановления и увековечения посредством современных технических средств, компьютерных технологий для грядущих поколений, для народа.

Как уже говорилось выше, с признанием олонхо Шедевром устного нематериального культурного наследия человечества усилилось всеобщее внимание к якутскому эпосу. В Целевой программе было предусмотрено издание 21-томной серии «Богатыри олонхо». ИГИиПМНС СО РАН близится к завершению работы по их публикации. Кроме того, было оказано содействие тому, чтобы увидели свет олонхо сказителей Жулейского, Хатылинского наслегов по просьбе их глав В.Д. Осипова, В.В. Ершова. С переводом на текстовую форму магнитофонных записей подготовлены и изданы олонхо Д.А. Томской «Үчүгэй Үөдүгүйээн, Куһаҕан Ходьугур» («Ючюгэй Юд-

жюгюйэн, Кусаган Ходжугур») [Үчүгэй Үөдүйээн...,, 2011], Е.И. Кардашевского «Уол Дугуй бухатыыр» («Богатырь Уол Дугуй») [Уол Дугуй..., 2014]. По Целевой программе было профинансировано издание олонхо лишь Д.А. Томской, а публикации остальных текстов содействовали управления наслегов и улусов.

Каждое олонхо издается лишь один раз, поэтому подготовка его к публикации требует тщательной, кропотливой, учитывающей все детали, вплоть до дизайнерского оформления, работы. Хороший пример соблюдения требований к научному изданию показали молодые ученые-фольклористы А.А. Кузьмина, А.Н. Данилова, которые подготовили и издали впервые олонхо чурапчинского сказителя Н.Ф. Попова «Тойон Ньургун» [Тойон Ньургун, 2015]. Этот текст они обнаружили в архиве Э.К. Пекарского, было проведено тщательное его текстологическое изучение. Необходимо отметить, что такая работа заслуживает всяческой поддержки в рамках Целевой программы, но программа первого десятилетия олонхо, к сожалению, этого не предусмотрела. Хочется надеяться, что все аспекты многоплановой работы по сохранению, увековечению и развитию якутского эпоса будут учтены программой второго десятилетия.

Значение олонхо в сфере образования

Направление «Педагогика олонхо» было возложено на Министерство образования, которое, надо сказать, с самого начала стало вести очень активную работу. Сотрудники Научно-исследовательского института национальных школ Республики Саха (Якутия) Е.П. Чехордуна, Н.И. Филиппова, Д.Г. Ефимова внесли значимый вклад в организацию конференций для работников образования – педагогов, работников ДОУ, в издание детских книг по народному эпосу, научных работ по этнопедагогике олонхо. Их преимуществом является то, что их институт находится на республиканском финансировании, поэтому при выделении средств, заложенных под Целевую программу, никаких ограничений не возникает. Благодаря этому организовывались лагеря олонхо, на методическое сопровождение работы в год выделялось около 3 млн. руб. На второе десятилетие олонхо планируется еще больший объем работы в этом направлении.

Так, председатель Национального организационного комитета РС (Я) по подготовке и проведению Десятилетия Олонхо А.Н. Жирков поставил задачу выпуска и обеспечения детских дошкольных учреждений куклами по мотивам якутских олонхо. По его инициативе был проведен конкурс кукол – персонажей олонхо. В настоящее время по итогам этого конкурса должно начаться массовое производство серий кукол, в каждой из которых 12 эпических персонажей. Это позволит реализовать задачу по приобщению детей к олонхо с раннего детства.

Высказывание И.А. Худякова о том, что «олонхо – главное средство воспитание молодежи», основывается на тех вековечных ценностях, которые заложены в народном эпосе, его мощном воспитательном потенциале, который еще не используется в полной мере. Например, в фестивале «Я – дитя Земли олонхо» («Мин олоҥхо дойдутун оҕотобун») принимают участие дети с дошкольного возраста. По мотивам олонхо можно снимать мультипликационные фильмы, придумывать различные игры. Творческие учителя-предметники вводят использование материалов олонхо, развивающих мышление ребенка, в содержание уроков по математике, физике, истории, географии. Целесообразно было бы предусмотреть в программе второго десятилетия олонхо учреждение грантов для педагогов, идеи которых могли бы не только воплотиться в жизнь, но и получить распространение среди педагогической общественности.

Ысыахи олонхо

Из всех мероприятий Целевой программы всеобщее, всенародное признание получили ысыахи олонхо, проводимые в улусах республики. Республиканский уровень организации ысыахов держат в фокусе внимания и Президент, и Правительство Республики Саха (Якутия). Их финансирование закладывается в республиканский бюджет, формируется комиссия по их организации и проведению под руководством заместителя председателя Правительства РС(Я). Участие Национального комитета олонхо и республиканской Ассоциации олонхо обусловливает пристальное внимание и поддержку к организации и проведению ысыахов олонхо со стороны научной общественности и деятелей культуры республики, активное обсуждение насущных проблем и вопросов на круглых столах и конференциях. Основные тезисы, положения и рекомендации по их итогам опубликованы в шести сборниках «Ысыах олонхо» и явились значительным подспорьем для организаторов ысыахов.

Первая конференция по Ысыаху олонхо была проведена по предложению А.Н. Жиркова, по ее итогам был разработан регламент Ысыаха олонхо, согласно которому в его проведении должны соблюдаться каноны, традиции и обряды якутского ысыаха [Олонхо..., 2009].

Радует и то, что в связи с проведением ысыахов олонхо отдельное внимание организаторы уделяют вопросам возрождения эпических традиций, увековечению локальных традиций. Большую роль сыграло то, что работа в этом направлении была предусмотрена и заложена в Целевой программе олонхо. При планировании мероприятий второго десятилетия олонхо подали заявки на проведение республиканских ысыахов олонхо Верхоянский, Вилюйский, Алданский, Олекминский и Амгинский улусы, которые Национальный комитет представил на рассмотрение и утверждение Главе РС(Я).

В данное время разрабатывается государственная целевая программа второго десятилетия олонхо. Этот процесс требует тщательного анализа того, что было достигнуто и что осталось нереализованным в деле возрождения, увековечения и распространения олонхо. Необходимо провести широкое обсуждение плана мероприятий второго десятилетия, чтобы от внимания общественности не ускользнули значимые вопросы. В связи с этим первоочередной задачей, на мой взгляд, должны стать восстановление, реставрация и перевод на цифровой формат с помощью информационных технологий имеющегося фонда аудио-, и видеозаписей сказителей и исполнителей олонхо. Здесь самым наболевшим вопросом является вопрос о сохранении и восстановлении материалов Рукописного отдела ИГИиПМНС СО РАН. В нем хранятся материалы, записанные карандашом на плохой бумаге, срок жизни которых весьма ограничен: записи бледнеют, стираются, их все сложнее разобрать, бумага со временем истончается, начинает крошиться. Все это накладывает определенные ограничения при их рассмотрении, изучении учеными-исследователями, не говоря уже о студентах или простых людях, которые хотели бы поработать с архивными материалами. В этом вопросе, наверное, недопустимо исходить из того, какое предприятие из какого бюджета финансируется, потому что народный эпос олонхо – наше общее, бесценное достояние, и работы по его сохранению должны вестись и поддерживаться на всех уровнях.

Широкой общественности до сих пор неизвестно, какой объем средств был заложен в Целевой программе первого десятилетия. Собирались заявки, создавались экспертные комиссии, в последние годы с созданием центра олонхо без лишнего шума, информирования прошел конкурс. Совершенно неправомерно, на мой взгляд, то, что фольклористы не допущены к участию на конкурсах в качестве экспертов. В связи с этим хотелось бы, чтобы в этом отношении конкурсы проводились по грантовой системе, как конкурсы РГНФ, РФФИ, а финансовые отчеты по проведенным мероприятиям десятилетия олонхо стали прозрачными. Бюджетные деньги должны идти на финансирование действительно значимых мероприятий, работать на достижение главной задачи Целевой программы, которая заявлена в самом ее названии.

С учетом того, что большие средства были предусмотрены на организацию и проведение ысыахов олонхо, везде, где они проводились, воздвигнуто много объектов, в том числе дома олонхо. Они должны выполнять те задачи, ради которых были созданы, – распространять, пропагандировать и развивать олонхо. Как нам известно, продуктивно и творчески работает из мних только Дом олонхо в Нижнем Бестяхе.

Таким образом, значение Государственной целевой программы для сохранения и развития эпических традиций олонхо, транслирования его ценностей грядущим поколениям якутского народа и др. трудно переоценить. Именно поэтому ради решения этой великой задачи должны объединить свои усилия и представители власти, и деятели науки, культуры, образования, и вся общественность республики. Но в то же время необходимо уделять внимание и другим жанрам фольклора, возрождению и развитию осуокая, тойука, чабыргахов, преданий, которые также составляют духовное богатство и хранят вечные ценности народа саха.

Литература

Якутский героический эпос олонхо – Шедевр устного нематериального культурного наследия человечества. – Якутск, 2006. – 24 с.

Якутский героический эпос олонхо – Шедевр устного нематериального культурного наследия человечества. – Якутск, 2009. – 24 с.

Мухоплева С.Д. Понятия «олонхо» и «олонхосут» в постфольклорном культурном пространстве // Эпосы

народов мира: проблемы и перспективы сравнительного изучения / сб. тез. по материалам Межд. науч. конф. − Якутск, 2015. − С. 48−49.

Илларионов В.В. Олоҥхобут уруйа улааттын / «Уруйдан, улуу олоҥхобут!» (олоҥхону үгэс буолбут ньыманан толорууга республикатааҕы фестиваль 10 сыла). – Дьокуускай: Сайдам, 2015. – С. 10-12.

Илларионов В.В. Из истории фонозаписи олонхо и задачи якутских фольклористов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – Ч. 1, № 8(50). – С. 81–84.

Үчүгэй Үөдүгүйээн, Куһаҕан Холдьугур=Ючюгэй Юдюгюйэн, Кусаган Ходжугур / сост. В.В. Илларионов, Т.В. Илларионова. − Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2011. − 376 с.

Уол Дугуй бухатыыр / сост. В.В. Илларионов, Т.В. Илларионова. − Якутск: Медиахолдинг«Якутия», 2014. − 208 с.

Тойон Ньургун / сост. А.А. Кузьмина, А.Н. Данилова. − Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2015. − с.

Олонхо ыһыаҕын сиэрэ-туома. Олонхо оонньуулара. − Якутскай: Бичик, 2009. − 32 с.

V.V. Illarionov

The Olonkho Decade: results and tasks

The article is devoted to decade of the State Target Program of Olonkho, which was adopted by the President Decree of December 29, 2005 in connection with the announcement of UNESCO Olohkho the Masterpiece of oral and non-material culture of Humaity. In article describes the results of ten years work of the Yakut specialists in folklore and tasks of further work on conservation, promotion and scientific studying of the Yakut heroic epos – Olonkho are set.

Keywords: Olonkho, masterpiece, perpetuation, promotion, olonkho-teller, Ysyakh, background recording, State Target Program, the Olonkho theatre, the transformation of epic heritage.

УДК: 398(=571.122)

Г.И. Варламова

Традиции и новации в фольклоре народов Севера

Статья посвящена анализу современного состояния фольклорного наследия коренных народов Сибири и Дальнего Востока. Автором рассматривается способность адаптации традиционной культуры к современным условиям на примере устного народного творчества.

Ключевые слова: фольклор народов Сибири и Дальнего Востока, жанры фольклора, традиции и новации в фольклоре.

Одними из основных научных направлений сотрудников ИГИиПМНС СО РАН являются исследования, связанные с вопросами культурного наследия народов Якутии, включая язык, фольклор, этнографию.

В 60-е гг. прошлого столетия ведущими исследователями фольклора якутов были начаты попытки сравнительного изучения, к примеру, фольклора якутов и эвенков [Пухов, 1980; Эргис, 1974], в дальнейшем опыт сравнительного изучения якутского фольклора и фольклора народов Севера прекратился. Фольклорные исследования, замыкающиеся на фольклоре одного конкретного этноса, в наше время уже не могут дать результативного научного осмысления фольклора как общего явления человеческой культуры. Фольклор, будучи важнейшим компонентом традиционной культуры, интегрирует в себе также соционормативную и материальную сферы человеческой культуры. Поэтому в современной отечественной фольклористике наметились изменения в самом понимании предмета исследования (фольклора) и рамок его исследования. Термины «фольклорное поле», «поле фольклора», «ментальность фольклора», художественность и нехудожественность фольклора приобретают новые очертания. Вопрос, является ли (как было

© Г.И. Варламова, 2015

принято считать) фольклор в полной мере «искусством слова», и многие, казалось бы, уже решенные вопросы основ фольклористики как науки снова становятся актуальными. Все это свидетельствует о новом восприятии самого понятия «фольклор», связанного со знакомством и научным освоением огромного и разнохарактерного фольклорного материала различных этносов в последние десятилетия. Вопрос о границах и объеме понятия «фольклор» всегда был для науки невероятно сложным. Признание мировым сообществом фольклорных произведений народов как общечеловеческих шедевров нематериальной культуры изменило в современной науке и сам подход как к понятию «фольклор», так и к его границам («фольклорное поле»). Новое осмысление значения получила и одна из важнейших характеристик фольклора – инклюзивность, весьма свойственная фольклору народов Севера. Обращение исследователей к новым граням и особенностям фольклора (ранее игнорировавшимся либо выпадавшим из тем исследований в силу идеологических установок) становится возможным и актуальным. К примеру, эвенкийские табу – запреты одё, ранее не могли изучаться как предмет фольклористики, т.к. они не обладают художественностью и не относятся к тому, что можно назвать «искусством слова». Теперь предметная сфера фольклора воспринимается значительно шире не только устной поэзии, но и устной словесности вообще, и «художественный фольклор» осознается лишь частью общего феномена фольклора. Не меньше оснований имеется для возражений и против таких терминов, как «народная поэзия», «обрядовая поэзия», поскольку с устным творчеством связано немало явлений бытового и познавательного характера, лежащих вне поэзии в современном понимании этого слова. К примеру, чтобы понять механизмы образования эвенкийского обрядового жанра алга (благопожелание, заклинание), невозможно не исследовать эвенкийские запреты-обереги одё – именно они лежат в основе алга [Варламова, 2014, с. 18–19]. Эвенкийские одё являются социально-нормативными правилами жизни эвенков и касаются всех сторон их материальной, бытовой и духовной жизни. Эвенкийский фольклор и в настоящее время выполняет свои бытовые, духовно-нравственные функции регуляции эвенкийского общества. Его включенность в реальную жизнь и быт эвенков, в духовную сферу этноса не просто велика, а является естественным свойством, без которого невозможна сама жизнь эвенка. Былое ограничение предметного поля фольклора народно-поэтической словесностью привело к тому, что многочисленные живые, реальные, принципиально значимые связи фольклора (как одной из сфер народной культуры) оказались искусственно оборванными. Идея синкретизма, завоеванная наукой в свое время, обретает в наше время свой истинный смысл и свое значение, и это особенно важно при исследовании фольклора народов Севера. Вопросы, ранее выпадавшие из круга интересов фольклористики, вновь актуальны для исследований устного творчества народов Севера. Общепринятый постулат, что «фольклор – искусство слова», с позиций современного взгляда весьма уязвим, о чем говорил еще в 90-х гг. XX в. Б.Н. Путилов. Он писал: «Народное искусство многолико, оно знает самые разнообразные формы, подчас слитые со словом, подчас обходящиеся без него, но с ним пересекающиеся функционально и семантически» [Путилов,1994, с. 10].

Время доказывает, что и понятие функциональность фольклора следует понимать в более широком и глубинном его значении – это то, что делает словесный фольклор органической принадлежностью этнографической действительности, т.е. реальной жизни, как самого этноса, так и его культуры.

В настоящее время у фольклора народов Севера изменились и его отдельные функции – в первую очередь, познавательная (к примеру, функция мифа, объясняющая окружающий мир). Начиная с 30-х гг. прошлого столетия, когда северяне в школах, а позднее и в вузах стали постигать научное видение мироустройства, мифы о животных из разряда мифов перешли в разряд сказок. Традиционные эвенкийские формулы: «это было давно, когда только что была создана земля»; «это было в начале мира»; «это было во времена нимнгакана (т.е. далекого мифического времени), предваряющие рассказывание любого мифа в былой фольклорной традиции эвенков, стали считаться необязательными при их передаче. Лишь знатоки и приверженцы фольклорных традиций эвенков продолжают употреблять эти формулы при их повествовании. Но и старшее поколение, получившее среднее образование, при рассказывании мифов о животных начало упускать вышеприведенные временные формулы ввиду нового восприятия

причинно-следственных связей окружающего мира. Грамотному эвенку миф стал служить сказкой – «рассказываю лишь для того, чтоб развлечь всех». Практически, на протяжении жизни одного-двух поколений эвенкийская традиция мифов о животных изменилась, и они, казалось бы, без внешних потерь легко перешли в разряд сказок о животных. Такому легкому переходу способствовали и публикации фольклора народов Севера, которые начали выходить уже в 40-е гг. XX в., где все былые мифы о животных были переведены издателями и собирателями фольклора народов Севера в разряд развлекательных сказок о животных. Однако мифы о сотворении Божеством Сэвэки мира и людей (эвенкийский мифологический цикл творения мира) в эвенкийской среде до сей поры не воспринимаются как сказки, а остаются священной версией творения мира. Почему? Переходу этого цикла в жанр сказок противостоят многие причины, кроющиеся в традиционной жизни эвенков. Образ Сэвэки как духа-божества, его сущность пронизывают всю духовную, производственную и материальную жизнь эвенков. Это и дух, посылающий зверя охотнику (т.к. Сэвэки держит их души в виде шерстинок у себя на небе), это и священный олень-сэвэк, оберегающий стадо – в него (при обряде посвящения белого оленя в ранг охранителя-сэвэк) Сэвэки вмещает священную силу. Это и амулет-оберег сэвэкичэн, оберегающий человека от несчастий и болезней. Как сказал бы эвенк, «Сэвэки бутуннуду бивки – Сэвэки есть во всем». В разных формах и ипостасях этот образ пронизывает всю жизнь эвенка. Образ Сэвэки, с одной стороны, распылен во множестве понятий духовной и материальной жизни, с другой – это объединяющее, цементирующее начало мировоззренческих представлений эвенков и в наше время. Творец Сэвэки не только создал мир, человека и все остальное, он дал эвенкам правила жизни, законы жизни эвенкийского общества, называемые Иты. Иты – свод человеческих заповедей для эвенка. Именно по этой причине мифы о творении земли (творцом Сэвэки) не переходят в разряд эвенкийских сказок.

Мы привели данный пример для иллюстрации того, как быстро могут меняться фольклорные традиции вследствие изменения социально-исторических условий жизни этноса. Но вместе с тем традиционная жизнь народов Севера в корне не изменилась. В оленеводческо-кочевой быт вошли лишь предметы цивилизации, такие, как радио, связь, снегоходы и многое другое. Но, ведя охоту, занимаясь рыболовством, кочуя, народы Севера остаются в прежнем природном окружении, как и много веков назад. В своей основе мировоззренческие установки на мир остались теми же: бережное отношение к природе как к живому миру, населенному живыми сущностями. К примеру, и сейчас соблюдаются запреты по отношению к медведю, остается прежнее восприятие его как своего предка. И сейчас эвенки говорят: «Эхэ – бэе калтакан. – Медведь – человека половина, т.е. предок человека». В традиционных условиях кочевой жизни до сей поры рассказывание преданий и других фольклорных произведений о медведе регулируется определенными правилами и условиями.

Несмотря на угрозу исчезновения языков малочисленных народов Севера и некоторое забвение устного наследия, и сами языки, и устное народное творчество продолжают не только сохраняться, но и развиваться в местах компактного проживания эвенков, эвенов, юкагиров. Фольклорные традиции народов Севера представляют огромный интерес для науки, т.к. являются одним из самобытных феноменов человеческой культуры. Именно своими архаическими фольклорными традициями, которых уже давно нет в фольклоре других народов, и ценно устное наследие народов Севера. Еще совсем недавно в историческом плане народы Севера по типу хозяйствования, организации своих обществ и социальных отношений внутри этих обществ являли собой исторически-архаический этап развития человечества. С приобщением к современной цивилизации они не утеряли многое из того, что следует отнести к понятию архаические традиционные общества. Фольклор северян именно по этой причине имеет огромное значение для изучения генезиса фольклора. Фольклор данных этносов образовывал специфическую подсистему, выполнявшую весьма важную роль в системе традиционной народной культуры. В фольклорной форме интегрировалась, закреплялась и аккумулировалась традиционная информация, выработанная этносом. Фольклорные жанры народов Севера в подавляющем большинстве имели весьма определенную бытовую предназначенность. Состоящая из теснейшей связи

разнообразных бытовых, практических, внеэстетических функций с эстетическими, она является основой жанрообразующего фактора в фольклоре северян.

На новом этапе изучения фольклора народов Севера следует более внимательно относиться к таким явлениям и характеристикам северного фольклора, как синкретизм и инклюзивность. Семантическая насыщенность фольклора народов Севера и его роль как системообразующего фактора в традиционной культуре прежде мало бралась во внимание. И, тем не менее, ни один этнограф, изучающий тот или иной северный этнос, не обходился без привлечения его фольклора.

Роль, место и функции фольклора в культуре этноса обусловливаются историческим типом конкретной системы духовной культуры, в составе которой он возникал, существовал и функционировал. Для общества архаического типа характерно нерасчлененное, синкретическое состояние духовной культуры. Фольклорные формы были теснейшим образом переплетены с разнохарактерными комплексами, породившими самые различные ветви духовной культуры – обряды, верования, мифы, рациональные исторические представления и иррациональное видение мира, песни, нарративные жанры и т.д. В настоящее время в российской фольклористике ширится и крепнет взгляд на фольклор как на «аккумулированное знание», средоточие разнообразных проявлений культурной традиции в духовной сфере. Элементы материальной культуры могут иметь отношение к фольклору постольку, поскольку с ними связан духовный опыт народа. Типичные фольклорные идеи «манифестируются» в обычаях, связанных с рождением, смертью, со средствами от болезней и многим другим. Фольклорная культура народов как целое включает план эстетический и план «иррациональных верований» и базирующиеся на них действия. Она не может быть разделена на части и подлежит изучению с разных точек зрения в интеграции с разными специалистами.

Таким образом, на первое место выдвигается понимание фольклора как ментальной сферы культуры. Ментальный характер фольклора заключается в целостной системе: «идеология», «картина мира» или даже философия. К примеру, фольклор оказывается основным источником, рисующим общее «северное» видение мира. Какова эта общая картина мира, отраженная в фольклоре народов Якутии? В первую очередь, это мифолого-мировоззренческая основа, являющаяся общей для северных мифов и повествовательного фольклора эвенков, эвенов, юкагиров и якутов. Повествовательный мировоззренческий фольклор народов Севера включает в себя не только мифы, объясняющие устройство мира, но и современные мифологические (охотничьи и бытовые) рассказы, где установка на реальность происходившего является одной из важных характеристик подобных видов повествований.

Главное занятие эвенков – охота отражена в их любом фольклорном произведении, где описываются способы охоты и рыболовства, дается образная картина охоты. Герои обращаются к своим орудиям производства и охоты с благопожеланиями и заклинаниями, присущими практической жизни эвенков. Многочисленные эвенкийские запреты одё служат основой подобных заклинаний, основанных на древнем мировоззрении эвенков [Варламова, 2014, с. 12–42].

Жизнь показывает, что адаптивные свойства национальной культуры и ее роль в выживании народов Севера оказываются гораздо сильнее, чем можно было предположить. Рост этнического самосознания как способ сохранения этнической самоидентификации, как способ социальной и психологической адаптации человека в обществе; зарождение и развитие современных форм культуры и искусства играют в данный момент немаловажную роль. Фольклор (и эпическое наследие, в частности) оценивается самими носителями как одно из наиболее ценных достояний их культуры. Пока сохраняются основы традиционной жизни северян, роль и функции фольклора не следует умалять, ибо этот процесс не завершен и фольклор народов Севера продолжает жить. Внутренние резервы в виде адаптационных свойств и форм позволяют бытовать фольклору народов Якутии в современных социальных условиях.

Литература

Варламова Г.И. Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора. – Новосибирск: Наука, 2002. – 376 с.

Варламова Г.И. Мировоззрение эвенков: отражение в фольклоре. – Новосибирск: Наука, 2004. – 186 с.

Варламова Г.И. Обрядовый и песенный фольклор эвенков // Обрядовая поэзия и песни эвенков. – Новосибирск: Наука, 2014. – С. 12–42.

Обрядовая поэзия и песни эвенков / сост. Г.И. Варламова, Ю.И. Шейкин. – Новосибирск: Наука, 2014 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 32). – 487 с.

Путилов Б.Н. К спорам о границах предмета // Фольклор и народная культура. – СПб.: Наука, 1994. – С. 3–46.

Пухов И.В. Фольклорные связи народов Севера (Эпические жанры эвенков и якутов) // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР. Поэтика и стилистика. – М.: Наука, 1980. – С. 264–282.

Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. – М.: Наука, 1974. – 404 с.

G.I. Varlamova

Traditions and innovations in the folklore of the North

This article analyzes the current state of the folk heritage of indigenous peoples of Siberia and the Far East. The author examines the adaptability of traditional culture to modern conditions on an example of folklore.

Keywords: folklore of the peoples of Siberia and the Far East, the genres of folklore, traditions and innovations in folklore.

УДК:398.2

О.И. Чарина

Изучение русского фольклора северо-востока Якутии в начале XXI века

Рассматриваются основные вопросы, связанные с изучением важнейших тем фольклорного наследия русских старожилов Приленья и северо-востока Якутии: отражение реалий быта XVII–XIX вв., влияние языка и фольклора соседних народов – юкагиров, якутов.

Ключевые слова: фольклор, экспедиции, мифологические образы, былины, песни, сказки, андыльщина, взаимовлияние, билингвизм.

Традиционный фольклор русских старожилов Якутии и современные жанры устного народного творчества изучаются в русле основных тем, которые являются приоритетными в исследованиях ИГИиПМНС СО РАН в последние пять лет. Так, с января 2010 по декабрь 2012 г. – это «Русский старожильческий фольклор в Якутии: сохранность и трансформация», а с 2013 по 2017 г. – «Локальные особенности русского фольклора русскоустьинцев и колымчан: жанры и сюжеты».

Эти темы подчинены исследованию важнейших вопросов традиционной культуры русских старожилов Севера. Так, наше исследование, связанное с духовной культурой русских старожилов низовьев рек Колымы и Индигирки, это часть изучения общего культурного состояния средневекового поселения в арктической зоне на территории Якутии в XVII–XIX вв.

Как известно, записывать русский фольклор на Индигирке начали в конце XIX – нач. XX в. Важные материалы по устному творчеству зафиксировали В.Г. Богораз [1901], Д.И. Меликов [1893], И.А. Худяков, В.М. Зензинов, М.А. Кротов, в середине XX в. – Н.М. Алексеев, Н.А. Габышев, С.И. Боло. Ряд важных статей о русском фольклоре написан Т.А. Шубом [1956; 1958]. В конце XX в. состоялись комплексные экспедиции с участием С.Н. Азбелева, Ю.И. Смирнова, Ю.Н. Дьяконовой, которые еще застали живое бытование традиционного фольклора [ФРУ, 1986; Дьяконова, 1983]. Все они отмечали особый репертуар русскоустьинцев, древние черты языка; их исследования показывают несомненную связь устного народного творчества русскоустьинцев с новгородским, архангелогородским фольклором. А к концу XX в. уже шло активное

© О.И. Чарина, 2015

«выветривание традиционного фольклора» [ФРУ, 1986, с. 13].

Бесспорным толчком для основательного изучения устного народного творчества Сибири и Дальнего Востока стало издание серии «Памятники фольклора». Русский фольклор представлен в книге «Русская эпическая поэзия Сибири» [РЭП, 1991]. Безусловно, нам важны исследования Ю.И. Смирнова, А.В. Сокторева [1998, с. 455–464], Т.С. Шенталинской [1995, с. 191–193]. Л. Кляус и С.В. Супряга провели сравнительный анализ фольклора семейских Забайкалья и русскоустьинцев [Кляус, Супряга, 2006, с. 13].

Изучению фольклора старожилов Аллаиховского и Нижнеколымского улусов посвящены монография Л.Н. Скрыбыкиной «Былины русского населения Северо-Востока Сибири» (1995), статьи сотрудников института А.Г. Чикачева [2007], Ж.К. Лебедевой [1985, с.133–138].

Долгое время после записей, зафиксированных Г.В. Ксенофонтовым в 20-е гг. XX в., песни русских старожилов Приленского тракта не записывались исследователями, однако с развитием в 1970-е гг. в Якутском госуниверситете фольклорной практики они стали изредка фиксироваться в Олекминском и Хангаласском улусах.

Если исследование фольклора северо-востока Якутии более связано с учеными из Центральной России, то устную культуру русских Приленья изучают ученые ИГИиПМНС СО РАН.

Особенности говора русских старожилов Приленья в якутском окружении изучила Р.И. Васильева, написавшая работу «Этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия)» [2012]. А.С. Ларионова, помимо нотации русских песен, провела исследование по музыкальному фольклору русских старожилов Якутии [2007, с. 266–271].

В последнее время мы опираемся на корпус песен, записанных Дмитрием Ивановичем Меликовым в ходе Сибиряковской экспедиции (ряд произведений для него исполнил Соковиков). В записях представлены былины про Добрыню Никитича и Змея («Оставалось у Никиты все житье-бытье») и про малолетнего богатыря Михаила Даниловича («Тит Харафонтьевич»), исторические песни, несколько лирических песен, а также три андыльщины [Чарина, 2013, с. 419–437].

Экспедиции ИГИиПМНС СО РАН в начале XXI в. по разным причинам проводились нерегулярно. Так, в Аллаиховском и Нижнеколымском улусах они побывали с большим разрывом во времени – в 2001, 2005, 2013 гг. (таблица)

Экспедиции в Приленье, Русское Устье и Походск

Экспедиции, год	Русское Устье	Походск	Приленье
1946	134 песни и эпических произведения		
1977	31 песня и эпическое произведение		
1989			200 песен
1990			40 песен
2000			15 песен
2001	12 песен		
2005		10 песен	
2013		6 песен	

Как видим, на севере Якутии долгое время преобладали произведения эпического фольклора, а в Приленье основной репертуар составляли лирические песни и городской романс. На основе указанных в таблице экспедиций рассмотрены особенности бытования русского фольклора в Приленье «Русские песни Приленья» [Чарина, 2009].

В настоящее время, когда мы имеем различные средства для аудиовизуальной фиксации произведений фольклора и обрядовых действий, все также важно рассматривать современное бытование фольклора в его диахронных сравнениях с фольклором других регионов, а также в сравнении с фольклором русских старожилов северовостока Якутии и старожилов Приленья.

В современной фольклористике весомыми являются исследования по семиотике. При этом важны формы, которые напрямую связаны с выявлением фольклорной коннотации, скрытой за внешним, верхним слоем рассказа, – были, предания. Так, мифологическая основа произведения проглядывает не только в указанных жанрах, но и в сказках, ритуальных песнях, во всем обряде.

В домах русскоустьинцев, походчан и вокруг, по их мнению, было много темной силы, с которой надо было считаться. Домового называли «домовой», или «пужанка», лешего – «леший», а тундрового – «сендушный». В отношении определения термина «сендуха» Р.В. Каменецкая пи-

шет: «Сендуха, часто в литературе понимаемая как синоним тундры, – понятие более широкое: это весь окружающий индигирщика простор» [ФРУ, 1986, с. 354; Чарина, 2012а, б]. Интересным в научном плане является пример мифологического рассказа, записанного в Иркутской области, о событиях, произошедших на Индигирке. Так, Е.Л. Тихонова приводит следующую запись: «В давнее время, когда осваивалась река Индигирка, донские казаки, попавшие туда, строили остроги. В 1636 году они построили Зашиверск. Когда прошла болезнь "черная оспа", город захирел, и жители, оставшиеся живыми, стали переходить с этого места вниз по реке. Одной ватаге (бригаде) было поручено поставить сруб будущей церкви на новом месте. Они поплыли по среднему течению Индигирки, нашли такое место (где можно поставить церковь). Среди "ватажников" (бригады) было десять мужчин и одна женщина. Они работали дружно, а вечерами занимались рыбным промыслом (рыбачили сетями). Сделали три тони. Два раза – пусто, на третий раз поймали большого осетра, что интересно – он был одноглазый. Так как они поймали такой деликатес, то бригадир сказал, что его надо сварить. Но женщина воспротивилась: "Может, не надо!" Удивление у нее было, что осетр одноглазый, но все-таки она приготовила ужин, накормила всех. А сама не стала. После ужина все уснули, утром проснулась женщина, все мертвые, она одна жива. Она убежала с этого места и сообщила (об этом) всем людям. И хотя фундамент был заложен, там церковь не поставили» (зап. Р.П. Матвеевой, Р.П. Потаниной, сделанная от Н.М. Стрюкова, 1941 г.р. в Киренском районе Иркутской области в 1945 г.) [Тихонова, 2014, с. 99]. Важен тот факт, что сакральность сооружения – церкви требует чистого, освященного места. Здесь за первым ясным сюжетом, конечно, открывается второй, связанный с хозяином реки – осетром, которого отказалась употребить в пищу женщина, имевшая явную связь с потусторонним миром. Одноглазость осетра показывает его мифологическую сущность. Так, в русской сказке походчан «Раз юкагиры жили», заимствованной у юкагиров, действует «односторонний Лыгынака» [Богораз,1901, с. 345]. Как видим, бытовая ситуация в рассказе перекрывает мифологическую коннотацию, основанную на образах юкагирского мира, связанного в свою очередь с иными образами соседних этносов.

Для определения мира, окружающего в старину колымчан и индигирцев, мы обратились к уличным песням, которые, как пишет В.Г. Богораз , «по преимуществу составляются молодыми парнями с целью осмеяния того или другого лица» [Там же, с. 175]. Далее он отмечает, что такие песни мог «составить» не всякий. Для нас важно, что «она <песня> всегда переполнена множеством намеков местного и личного свойства, которые понятны только старожилу и для объяснения своего потребовали бы слишком много комментариев» [Там же, с. 176]. В памяти походчан осталось мнение, что песни в конце XIX в. на Колыме сочиняли в основном два человека: молодой Соковиков-Кулдаренок и Аввакум Бережнов.

На первый взгляд, кажется, что тексты песен не содержат сколько-нибудь четких описаний действительного быта нижнеколымчан. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что эти песни наиболее приближены к повседневной жизни поречан и, несомненно, отражают истинную картину их быта.

Например:

Напишу я письмо не пером, не чернилом,
Напишу я письмо горючей слезой.
Отошлю я письмо с сизокрылым голубком,
Полети, сизокрылый, во славный город Якутск,
Оборони там письмецо под косящее окошечко.

[Чикачев, 2007, с. 116].

Здесь мы видим сочетание классических образов – «сизокрылый голубок», «горючая слеза», «косящее окошко», и современных моменту создания – «перо», «чернила».

Да между Яром и Косовой
Да убил могучего третьяка.

[Там же, с.117].

Здесь «третьяк, -а, м. Молодое животное на третьем году жизни – оленое мясо <…>» [Дружинина, 2007, с. 89].

У Меликова есть песня – «чисто местное произведение, составляющее местный юмор и сатиру на Карпа, обывателя Нижнеколымска, по фамилии Габушев (Габышев)»:

Весной стало лёд ломать,
Карпа невод собирать…
Заметал тоню в курен,
Добыл омуля в метын (*не понятно. – О.Ч*).
Страшно скудная весна
……..

Карпа омуля печет
……..
Он печет, чтоб закусить,
Заленился неводить,
Невод киснет в карбасу̀,
Он лежит на лабазу (на амбаре).
Лабаз от полу вершок
Карпа просит корешок (неразб.).
Карпа трубку закурил,
Неводку совсем забыл…
[Меликов, 1893, л. 204].

Здесь предельно четко описан быт поречанина: видимо, это Карп, его работа – добыча рыбы, наступившая усталость рыбака после тяжелой, «скудной» весны, возможный выход в море. Невод, тоня (невод), курен («место, деляна в лесу»), лабаз – «надстройка на столбах для хранения продуктов и вещей» [Дружинина, 2007, с. 41, 43].

Есть также песня:

До угору недалеко
Стоит во весь-дерво балаган.
В этом самом балагане, ой-да!
Ох! Скрипучий пол лежит.
Да дайте щетки-шаткары!
Дайте нескрипучи сапоги.
[Чикачев, 2007, с. 117].

Как видим, внешний мир связан с освоением пространства: море, тундра-сендуха, поездки на собаках, промысел рыбы.

Так, певец-импровизатор сообщает, что «главным для них был и рубный (рыбный) промусел». Поэтому надо было «белую рыбочку наболее заловить», омуля, сельдятку, чира, «муксуна», «чакучаньи кишки» (рыба для собак) заготовить. Другой добычей были нерпа («нейпей наших возий»), тюлень-лахтак, песцы («недопесок», «у него один песец»; «серы гуси» [Богораз, 1901, с. 147].

Часто упоминается главная «скотинка» – собаки: «одногнездочки», «Ой да, послужите вы, одногнездочки». В этой связи описываются нарты («нартишечка»), снаряжение «алык», красивые украшения, «жемчужные вертлюга». Упоминается количество собак в упряжке – «он запрег моих четырнадцать собак».

В одной песенке спрашивают:

На улишке чия нарта, нартишечка шепетка,
Да шепетка?
Стоит нарточка на лысовых, чернолысовых ремнях,
Да на ремнях.
Собаченьки все на красных, на суконных красных алыках,
Да алыках,
Потяжок-то на жемчужных вертлюгах
[Там же, с. 313].

Здесь «щепеткой, -ае -ое – красивый» [Дружинина, 2007, с. 138].

Как выясняется, согласно объяснению Богораза в сноске, «чернолысовый ремень выкраивается из черненой шкуры большого тюленя-лахтака» [Богораз, 1901, с. 313]. «Потяжок» – ремни, опоясывающие собаку.

Поэт-импровизатор показывает свой поселок: «поповский дом», магазин, «лабаз (амбар)», «караулка», «казаматка», т.е., помимо домов колымчан, здесь были и строения общественного назначения.

Локальные особенности колымского и индигирского фольклора проявляются в ряде песен в ткани самих произведений. Так, в настоящее время наиболее изучена историческая песня об отравлении Скопина-Шуйского. Достаточное количество вариантов песен о Скопине-Шуйском позволяет проводить исторические изыскания, выявлять наиболее древние варианты, искать параллели с другими жанрами [Чарина, 2010а]. Вариант исторической песни, который мы рассматриваем в указанной статье, – произведение небольшое по объему – всего 26 стихов, также сопровождается повторами припева «Виноградье красно-зеленое» после каждой строки. Меликов, к сожалению, не указывает, от кого записана песня.

Ю.И. Смирнов вообще очень подробно описывает эту песню, ее ритуальный характер, место возможного прежнего бытования варианта: «В селениях на Колыме и Енисее давно уже привлекает внимание исследователей такое самобытное явление, как исполнение во время рождественского обхода дворов песен эпического содержания в качестве обрядовых с традиционным припевом “Виноградье красно зеленое”. На Колыме это песня исторического содержания об отравлении Скопина-Шуйского (№ 194)» [РЭП, 1991]. Текст записан Е.П. Поповым в 1905 г. и, как отмечает Ю.И. Смирнов, носит двойственный характер: историческая и величальная песня. Он пишет: «Во всех случаях, когда там записывали песню с голоса, оказывалось, что она поется как особая величальная песня, которую в народе по припеву называют виноградьем» [Там же, № 193].

Есть вариант песни, записанный Т.С. Шенталинской в пос. Черский Нижнеколымского района в 1982 г. Татьяна Сергеевна ссылается на тра-

диционный характер музыкального исполнения данных произведений и отмечает «факт поглощения эпической песни сферой ритуального акта» [Там же, № 434].

Более того, существовали два вида виноградья: «“домашнее” виноградье (как тут называют) в отличие от “надворного”, которое пелось на улице возле дома)» [Там же, № 434].

Здесь представляет интерес то, что эта песня исполнялась на европейской территории России только в бывшем Великоустюжском уезде (ныне Вологодская обл., песня о Скопине, «Сокол-корабль») как историческая и одновременно величальная – «факт локально специфический» [РЭП, 1991, с. 53]. И это позволяет говорить о связи русского фольклора на европейском Севере России и в Якутии [Строгова, 2014, с. 150].

Современное двуязычие в фольклоре часто встречается в селах вдоль Иркутско-Якутского тракта по р. Лене, где издавна говорят на якутском языке и якуты, и русские, а русские поют песни на русском языке. Нам важно рассматривать фольклорные произведения как объект, где наиболее ярко отражены различные возможности сохранения родного языка и характерные особенности влияния иного (якутского) языка [Чарина, 2010б].

Как показывают примеры использования двуязычия в эпических жанрах, здесь оно выступает как прием, который направлен на то, чтобы вовлечь в процесс сказывания собеседника, также к этому приему прибегают в тех случаях, когда невозможно не произнести слова на другом языке. Второй факт зачастую связан не только с первоначальным значением слов, но и с тем, что в якутском языке эти слова являются условными знаками, связанными с мировоззрением, которое также усваивается пришельцами. Примеры использования русизмов в текстах якутских олонхо обусловлены теми же причинами. Ряд примеров взаимовлияния в традиционных жанрах русского и якутского фольклора показывает живой процесс бытования устного творчества, отсюда – насущную необходимость дальнейшего изучения вопросов, появляющихся в связи с этим.

Вопросы взаимовлияния в духовной культуре соседствующих этносов в северо-восточных районах Республики Саха (Якутия) следует связывать с временем заселения и опытом совместного проживания русских, с одной стороны, и якутов, эвенов, эвенков, юкагиров и других народов, населяющих Якутию, – с другой.

Литература и источники

Богораз В.Г. Областной словарь колымского русского наречия / собрал на месте и составил В.Г. Богораз // Сб. ОРЯС. – СПб., 1901.

Васильева Р.И. Этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия) (на материале взаимодействия якутского и русского языков в Приленье). – Saarbrucken, Германия: Lambert Academic Publisching, 2012. – С. 149.

Дружинина М.Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2007.

Дьяконова Ю.Н. Русско-якутские фольклорные связи // Русская литература. – 1983. – № 2.

Кляус В.Л., Супряга С.В. Песенный фольклор русскоустьинцев Якутии и семейских Забайкалья: материалы к изучению бытования в иноэтническом окружении. – Курск, 2006. – 213 с.

Ларионова А.С. Музыкальный фольклор русских старожилов Приленья // Россия и Якутия: сквозь призму истории. – Якутск, 2007. – С. 266–271.

Лебедева Ж.К. Песенное наследие потомков казаков-землепроходцев Чукотки // Фольклор народов РСФСР. – Уфа, 1985. – С. 133–138.

Меликов Д.И. Путевые записки в Гижигу через Колымск. 1893 // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп.18. Ед. хр. 2. Л. 202–212.

РЭП – Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / сост. Ю.И. Смирнов. – Новосибирск, 1991. – 524 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Скрыбыкина Л.Н. Былины русского населения Северо-Востока Сибири. – Новосибирск, 1995.

Соктоев А.Б. Фольклорные контакты русского старожильческого населения коренных народов Сибири // Славянская культура и фольклор славянских народов.– М., 1998. – С. 455–464.

Строгова Е.А. Истоки культурной традиции русских старожилов Нижней Колымы по данным комплексного исследования // Арктика и Север. Электронный журнал. – 2014. – № 16. – С. 144–152.

Тихонова Е.Л. Русская историческая проза: миф ws история // Вестник Бурят. гос. университета. – Вып. Филология. – 2014. – № 10. – С. 98–101.

ФРУ – Фольклор Русского Устья / сост. С.Н. Азбелев, Г.Л. Венедиктов, Н.А. Габышев и др. – Л.: Наука, 1986.

Чарина О.И. Русские песни Приленья. – Новосибирск: Наука, 2009.

Чарина О.И. Историческая песня «Об отравлении Скопина-Шуйского» на Колыме в записях разных лет // Народная культура Сибири: матер. XIX науч. семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. – Омск, 2010а. – С. 125–129.

Чарина О.И. Фактор билингвизма русского и якутского языков в русском фольклоре в Якутии // Русский язык в диалоге культур: матер. Междунар. науч. конф.: в 3 ч. – Ч. 2. – Воронеж: ВГАСУ, 2010б. – С.184–190.

Чарина О.И. Освоение русскими старожилами нового пространства на Севере Якутии // Поволжье и Приуралье как регион взаимодействия культур: исторический опыт и современное состояние: матер. Всерос. науч. конф. 23–24 октября 2012 г. – Саранск, 2012а. – С. 334–344.

Чарина О.И. Русский календарный обряд в Якутии на Лене и в бассейне рек Индигирка-Колыма // Сибирская деревня: История, современное состояние, перспективы развития: сб. науч. тр. – Омск, 2012б. – Ч. 2. – С. 125–128.

Чарина О.И. Записи фольклора, произведенные Д.И. Меликовым в Нижнеколымском крае в 1893 г. // Из истории русской фольклористики. – Спб.: Наука, 2013. – Вып. 6. – С. 419–437.

Чикачев А.Г. Русские в Арктике: полярный вариант культуры: историко-этнографические очерки. – Новосибирск, 2007. – 303 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 12).

Шенталинская Т.С. Андыльщина – местный песенный жанр русских колымчан // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. – М., 1995. – Вып. 6. – С.140–151.

Шуб Т.А. Былины русских старожилов низовьев Индигирки // Русский фольклор: Материалы и исследования. – Т. 1. – М.; Л., 1956.

Шуб Т.А. Исторические песни из Русского Устья // Русский фольклор: Материалы и исследования. – Т. 3. – М.; Л., 1958.

O.I. Charina

The study of Russian folklore of the North-East of Yakutia at the beginning of the XXI century

The article examines the main issues associated with the study of important folk heritage of Russian veteran Lena region and the northeast of Yakutia: the reflection of the realities of everyday life XVII–XIX in effect the language and folklore of neighboring peoples, Yukagirs, Yaruts.

Keywords: folklore, expedition, mythological images, epics, songs, fairy tales, andylshina, interference, bilingualism.

УДК 784.4:398.22(=512.157)

А.С. Ларионова

Певческие традиции олонхо (диахронический аспект)

В статье исследуется диахронический аспект эпического пения якутов. Особенности исполнения в *олонхо кылысаха* соотносятся с пением сибирских тюрков, и он является древним субстратом в якутской народной песне, который сохранился в лено-вилюйской традиции пения якутов. Другие традиции якутского пения сформировались в более позднее время. По мере удаления от центра Якутии *кылысах* заменяется форшлагом. Распевы слогов тоже заменяются краткими, либо, например, в Верхоянской традиции, на один слог приходится один звук.

Ключевые слова: песенные традиции, олонхо, региональные особенности, диахроника, распевы слогов, стили пения, специфика звукоизвлечения.

Обязательным компонентом напевов *олонхо* в стиле *дьиэрэтии ырыа* является *кылысах*. Напевы стиля *дьиэрэтии ырыа* принадлежат к древнему пласту якутского фольклора и относятся к древней форме поющегося стиха. Думается, что особая роль тембровых украшений в песенной традиции якутов и других тюркских народов связана с более ранней стадией развития музыкаль-

© А.С. Ларионова, 2015

ной культуры, когда еще не установились четкие формы ладовых структур и, возможно, на первый план выходил именно тембр, который зачастую служил дифференцирующим признаком в фольклорной жанровой системе. Последние работы, в которых уделяется внимание тембровым характеристикам фольклорных напевов, основаны на осознании факта особой важности данного явления в традиционной культуре народов Сибири.

Якутский *кылысах*, по-видимому, возник в период тесных этнических контактов праякутов с другими тюркскими племенами. Горловое пение многих тюркских этносов имеет много общего и, в частности, демонстрирует один тип артикуляции – глоттализацию, «то есть быстрое сближение или соударение голосовых связок ... С высокой степенью достоверности можно определить казахский тембровый маркер как напряженную непредельную глоттализацию, южно-алтайские песенные “ларингализованные” сегменты – как ее ненапряженный аналог в сочетании с фарингализацией и подъемом гортани, теленгитские инъективы – как разновидности очень краткой ненапряженной (или даже вялой) предельной глоттализации в сочетании со сдвигами гортани, фарингализацией различных видов и, возможно, узкощелевой фонацией. Тофаларские “преларингализованные” занимают промежуточное положение между южноалтайской песенно-заговорной преглоттализацией и алтайско-казахскими маркерами. Что касается якутской традиции, то в ней *кылыһах* допускает комбинации едва ли не с любым тембром, оставаясь в своей основе непредельной глоттализацией либо однократного, либо тремолирующего типа» [Кондратьева, Мазепус, 2002, с. 112–113].

Кылысах основан так же, как тувинский *хоректээр* и башкирский *узляу*, на раздвоении человеческого голоса в пении. Такое раздвоение голоса в виде основополагающего выразительного средства преимущественно свойственно музыкальным культурам тюркских этносов. Один из видов якутского *кылысаха*, именуемый в народе *диннээх кылыһах* (‘настоящий *кылысах*’), в исполнении которого, по словам носителей фольклора, участвуют грудь и диафрагма, также имеет достаточно прямые аналогии с тувинским *хоректээр*. Думается, что *диннээх кылыһах* является тюркским компонентом музыкальной культуры якутов. Этот вид *кылысаха* в период миграции якутов в Прибайкалье уже должен был осознаваться как национальный элемент якутской песенности, который впоследствии сознательно сохранялся без изменений на протяжении многих столетий. Поэтому можно предположить, что якутский *кылысах* мигрировал в более древнее время, чем якуты прибыли в Прибайкалье. Известно, что якуты появились на современной территории в XIV в. До этого времени они проживали достаточно долгий период в Прибайкалье, оставив там большое количество археологических артефактов.

Якутский *кылысах* имеет характерные особенности звукоизвлечения, чаще всего связанные с региональной стилистикой исполнения, а также с индивидуальными возможностями певцов. *Кылысах* исполнителей центральных регионов Якутии в слуховом отношении воспринимается как параллельный основному тону призвук, и именно он относится к собственно горловому пению и демонстрирует более древнюю исполнительскую традицию. В диахроническом плане особенности его исполнения характеризуют, к какому периоду относится то или иное олонхо: к раннему или более позднему этапу его создания. Показателем более поздней или более древней певческой традиции исполнения *олонхо* служат и распевы слогов, являющиеся характерной особенностью напевов *дьиэрэтии ырыа*. Особенности их использования в пении связаны с тем, к какому региону принадлежит напев. В отношении формирования локальной специфики пения музыкальных фрагментов якутского героического эпоса можно сказать, что он, безусловно, имел определенный древний источник. В процессе исторического развития отдельные элементы проникали в якутское пение как в более древний период, когда якуты контактировали с тюркскими племенами, так и в более позднее время, когда они стали сосуществовать с тунгусо-маньчжурскими, что и создало возможности для формирования региональных стилистик исполнения *олонхо*.

Так, формирование культуры северных якутов обусловлено различными факторами. Один из них заключается в том, что предки северных якутов, как показывают исследования этнографов, пришли на территорию Якутии с первой волной переселенцев, поэтому у них, с одной стороны сохранился автохтонный субстрат, а с другой – они в большей степени испытали многостороннее влияние северных этносов, что проявилось во многих чертах, например в одежде. Кроме

того, хозяйственная деятельность северных якутов имеет свою специфику. Основное их занятие – оленеводство, в отличие от скотоводства, которым занимаются саха более южных территорий Якутии. Все это могло прямо или косвенно отразиться и на музыкальном фольклоре, который резко контрастирует с другими региональными якутскими традициями. Северный стиль пения сложился у яно-индигирско-колымских якутов не без влияния коренных жителей края, прежде всего эвенов, т.е. в формировании локальных стилей *дьиэрэтии ырыа* определенную роль сыграли иноэтничные влияния.

Специфика пения в каждом улусе Якутии отмечалась исследователями с самого начала изучения якутских народных песен. Так, региональные особенности метроритмической структуры песен *дэгэрэн ырыа* Олекминского улуса впервые отметил В.М. Беляев в своей статье «Якутские народные песни», вышедшей в журнале «Советская музыка» в 1937 г. [Беляев, 1937]. Фольклорные записи М.Н. Жиркова отражают существование региональных песенных традиций. Им выделяются песни вилюйского и приленских районов. Приленский район представлен записями усть-алданских и амгинских *осуохаев*. Позже Э.Е. Алексеев вилюйское пение обозначает термином *этэн ыллыыр* (поет, четко выговаривая), а приленское – *тардан ыллыыр* (поет с распевами) [Алексеев, Николаева, 1981]. Ю.И. Шейкин выделяет три локальных стиля: лено-алдано-вилюйский (ЛАВ), яно-индигиро-колымский (ЯИК), оленеко-анабаро-хатангский (ОАХ). Он рассматривает региональные стили, укрупняя диалектные образования по территориальному признаку, обозначая территории, расположенные по крупным рекам Якутии [Шейкин, 1996]. Эти региональные особенности исполнения находят отражение и в *олонхо*, где песни играют основополагающую роль в сказаниях якутов.

Наиболее изученными являются центральная (приленская), вилюйская исполнительские традиции, которые представляют обширные регионы. Так, в центральную группу улусов Якутии входят Амгинский, Намский, Хангаласский, Мегино-Кангаласский, Таттинский, Усть-Алданский, Горный и Чурапчинский улусы; в вилюйскую – Вилюйский, Верхневилюйский, Нюрбинский и Сунтарский улусы, расположенные по р. Вилюй. Эти улусы включают города Вилюйск, Нюрба, поселки и села Верхневилюйск, Сунтар, Малыкай, Эльгяй, Арангастах и др. В то же время традиции исполнения песен в центральном (приленском) стиле пения имеют различия в зависимости от улуса. Так, стилистика исполнения *олонхо* Хангаласского и Горного улусов иногда разительно отличается от пения в Амгинском и Намском улусах. Таким образом, можно говорить и об улусных исполнительских традициях. Из улусных стилей пения в настоящее время наиболее изученной является верхоянская стилистика пения якутов. Так, В.С. Никифорова изучила эпические традиции пения верхоянской локальной стилистики [Никифорова, 1995]. Что касается песен центральной (приленской) региональной стилистики исполнения, именуемых *тардан ыллыыр*, то из них наиболее изучены традиции пения Амгинского и Намского улусов. Певческие традиции других улусов данного региона изучены в меньшей степени.

Напевы центральной (приленской) традиции пения стали той основой, на которой формировались остальные региональные стили пения, и процесс проникновения якутской традиционной песенности происходил постепенно, перемещаясь из центральных регионов Якутии на ее периферию. Термин *тардан ыллыыр* характеризует особенности исполнения певцов данных регионов, в которых преобладают разнообразные распевы практически каждого слога. Для приленской стилистики исполнения свойственна в *дьиэрэтии ырыа* цветистость, характеризуемая обилием мелизматики и разнообразием мелодикоинтонационного и ритмического контуров.

Стилистические особенности диалектов наблюдаются на всех уровнях. Локальная специфика пения в стиле *дьиэрэтии ырыа* связана с наличием или отсутствием распевов слогов, с мерой их ритмического и звуковысотного разнообразия, и распевы слогов в напеве зависят от принадлежности фольклорного образца к той или иной региональной стилистике исполнения. Подчеркнем, что во всех диалектных группах в пении происходит постепенное исчезновение распевов по мере отдаления от центральных регионов Якутии. При этом центральная стилистика характеризуется разнообразием распевов как в мелодико-интонационном, так и в метроритмическом отношениях. Так, в *олонхо* «Дева богатырь Джирибина Джирылатта» П.П. Ядрихинского из Намского улуса в песне коня [Алексеев, Николаева, 1981, с. 34] преобладают распевы триолями в

виде восьмых в самых разнообразных звуковысотных комбинациях с преобладанием большетерцовых и большесекундовых мелодических ходов. Мелодика песни Хачылаан Куо из *олонхо* «Юрюнг Уолан» в исполнении известного олонхосута У.Г. Нохсорова из Амгинского улуса в стиле *дьиэртии ырыа* основана практически на постоянных распевах гласных фонем. В то же время хангаласский стиль якутского пения характеризуется, при всей общности ладоинтонационных и метроритмических основ с якутскими народными песнями других традиций, стилистическим своеобразием. В песнях данного улуса отсутствуют пространные распевы, преобладающие в других улусах. Самым протяженным у них является распев слога четырьмя музыкальными звуками.

В вилюйском и горном диалектах преобладают распевы слога двумя восьмыми, перемежающимися *кылысахом*. Так, вилюйская стилистика исполнения якутских народных песен, именуемая *этэн ыллыыр*, активно сохраняет свои традиции вплоть до наших дней. Данная исполнительская традиция во многом близка центральной (приленской) стилистике пения по соотношению слова и музыки, по форме, по ладозвукорядной структуре, по использованию целотоновых ходов и интервала тритон в мелодии, а также по звучанию *кылысахов*. Поэтому некоторые исследователи объединяют эти две стилистики исполнения и относят их к одной лено-амгино-вилюйской традиции пения. Тем не менее, эти два музыкальных диалекта все же имеют и ярко выраженные отличия. Краткие распевы в вилюйской стилистике исполнения представлены в виде постоянно пульсирующей двумя восьмыми, перемежающимися *кылысахами*. Обнаружено, что в этом регионе распеваются в большей степени последние слоги слова и преобладают вокализованные распевы каденционного типа.

Верхоянская традиция исполнения якутских народных песен совершенно отличается от пения якутов тех улусов, которые располагаются по рекам Лена и Вилюй, по многим параметрам. Так, в *олонхо* песни характеризуются отсутствием вокализованных распевов и *кылысахов*. Чаще в верхоянских олонхо один словесный слог пропевается одним музыкальнвм звуком.

У северных якутов отмечается частое отсутствие распевов слогов. Отсутствие пространных распевов у них, по-видимому, связано с тем, что они редко используют в пении *кылысахи*. В этом отношении в центральных регионах в большей степени употребляют практически постоянный распев слога, а на географической переферии Якутии разнообразные и протяженные распевы постепенно исчезают. Здесь соблюдается такая закономерность: чем дальше от географического центра находится регион и чем богаче речевая интонация, тем меньшему распеву подвергаются слоги слов в пении.

Региональная специфика якутского традиционного пения в олонхо прямо зависит от тембровой разновидности *кылысаха*. *Кылысах* исполнителей центральных регионов Якутии в слуховом отношении воспринимается как параллельный основному тону призвук, и именно он относится к собственно горловому пению. Они у П.П. Ядрихинского из Намского улуса бывают разнообразных видов и типов, например, мелодия «Песни богатыря Тойон Джеллюса» из *олонхо* «Дева богатырь Джирибина Джирылатта» богато орнаментована. В *кылысахах* Е.И. Кардашевского фальцетные призвуки *кылысаха*, подобные флажолету, звучат на октаву выше основного тона. Так, *кылысах* одновременно сочетает форшлаг и флажолет. Взятый как форшлаг на октаву выше основного тона, он продолжает свое звучание с основным тоном в виде флажолета, но в более низкой интонационной позиции. Этот вид *кылысаха* у Е.И.Кардашевского в напевах *дьиэрэтии ырыа* представлен практически в каждой строке напева в своеобразном сопровождении нижнего опорного тона. У олонхосутов других стилистик пения фальцетный призвук звучит несколько уже ч.8, чем в хангаласской традиции.

У олонхосута из Горного улуса Н.М. Тарасова, представителя приленской традиции, встречается другой вид *кылысаха*. У него флажолетные призвуки, звучащие параллельно основному тону, появляются лишь эпизодически. Остальные *кылысахи* в его исполнении напоминают форшлаг, так как их звучание прекращается почти сразу, после того как вступает основной тон. Такую же манеру мы наблюдаем в исполнении *кылысаха* у представителя вилюйской манеры пения В.О. Каратаева. Таким образом, *кылысах* в напевах певцов, принадлежащих к вилюйскому и горному музыкальным диалектам, имеет прерывистый характер.

Резко контрастирует в сравнении с остальными локальными стилями исполнение *кылысаха* северными якутами. Так, для северной манеры

пения, яркой представительницей которой является Д.А. Томская из Верхоянского улуса, при фарингальном звукоизвлечении характерна назализация, и кылысах встречается в виде легких форшлагов. Встречается и мелизаматика в виде соскальзывания. Отличие среднеколымской исполнительской традиции от верхоянской и других стилистик пения также наиболее ярко обнаруживается в звучании *кылысахов*. В среднеколымской манере исполнения *кылысах* звучит как вибрато или трель в отличие от двухголосного призвука, сопровождающего основную мелодию, свойственную центрально-приленскому, вилюйскому, верхоянскому стилям. Так, в «Песне богатыря Среднего мира» из олонхо Ивана Петрова «Дитя Сиротина» [Алексеев, Николаева, 1981, с. 21–22] *кылысахи* представлены в виде вибрато малотерцовой интонации h-d на протяжении всего напева. Близкую данному виду *кылысаха* орнаментику можно наблюдать в долганских олонгко и эвенкийских нимнгаканах. *Кылысахи* в виде вибрато или трели, видимо, использовались среднеколымским исполнителем под влиянием сказителей других этносов Якутии.

Таким образом, при сравнении особенностей *кылысахов* с тюркскими тембрами и спецификой тембровых украшений в пении *олонхо* в различных ареалах Якутии можно установить некоторую относительную хронологию исследуемого факта: более древнего происхождения двухголосные *кылысахи* центральных (приленских) регионов и более поздние *кылысахи* типа форшлагов и вибрато северных певческих диалектов. Процесс эволюции напевов олонхо сопровождался качественными и количественными изменениями средств выразительности, когда в количественном отношении по мере продвижения к северу Якутии уменьшается количество звуков в распеве слога, приводя к преобладанию отсутствия распевов в пении северных якутов, при одновременном изменении качественных характеристик *кылысахов*.

Литература

Алексеев Э., Николаева Н. Образцы якутского песенного фольклора. – Якутск: Кн. изд-во, 1981. – 100 с.

Беляев В.М. Якутские народные песни // Сов. музыка. – 1937. – №9. – С. 11–26.

Кондратьева Н.М., Мазепус В.В. Артикуляционно-акустическое определение некоторых сегментных тембров в музыкальных культурах сибирских народов // Музыкальная культура как национальное и мировое явление: Матер. междунар. науч. конф. – Новосибирск, 2002. – С. 111–113.

Никифорова В.С. Локальные традиции в музыке олонхо: автореф. дис… канд. искусствовед. – СПб., 1995. – 18 с.

Шейкин Ю.И. Музыкальная культура народов Северной Азии. – Якутск: РДНТ, 1996. – 123 с.

A.S. Larionova

Singing traditions of Olonkho (diachronic aspect)

In article is investigated the diachronic aspect of epic singing of Yakuts on the basis of consideration of regional specifics of execution of tunes in Olonkho. It was revealed that in traditional singing of the Siberian ethnic the timbre was the differentiating sign of genres. In the Yakut epic singing is a kylysakh. Features of its execution correspond to singing of the Siberian Turkic peoples and the kylysakh is an ancient substratum in the Yakut national song which remained in Leno-Vilyuysk tradition of Yakuts' singing. Therefore, other traditions of the Yakut singing were formed in later time. In process of removal from the center of Yakutia the kylysakh is replaced with a grace note. Singsongs of syllables too are replaced short, or, for example, in the Verkhoyansk tradition, one sound is the share of one syllable.

Keywords: song traditions, Olonkho, regional features, diachronik, singsongs of syllables, styles of singing, specifics of sound extraction.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акеров Табылды Абдраманович – канд.ист. наук, директор Института этнологии Международного университета Кыргызстана.

Бравина Розалия Иннокентьевна –д. ист. наук,профессор, завсектором археологии ИГИиПМНС СО РАН, bravinari@br.ru

Бурцев Анатолий Алексеевич – докт. филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета СВФУ, aa.bursev@s-vfu.ru

Бурыкин Алексей Алексеевич – докт. филол.наук, докт. ист. наук, в.н.с. ИЛИ РАН (СПб). albury@rambler.ru

Ван Гоуин – *доцент Центра международного культурного обмена, Центрального университета финансов и экономики. daalekce@126.com*

Варламова Галина Ивановна – докт. филол. наук, завсектором эвенкийской филологии ИГИиПМНС СО РАН, с. тел.: (4112)360197

Дьяконов Виктор Михайлович – канд. ист. наук, н.с. сектора археологии ИГИиПМНС СО РАН. dyakonov_vm@rambler.ru

Жукова Людмила Николаевна – канд.ист.наук, с.н.с. палеоазиатской филологии ИГИиПМНС СО РАН, zjukova@mail.ru

Иванов Спиридон Алексеевич – докт. филол.наук, с.н.с. сектора грамматики и диалектологии якутского языка ИГИиПМНС СО РАН. spiridon_ivanov@mail.ru

Иванова Ирина Борисовна – канд.филол.наук, м.н.с сектора грамматики и диалектологии якутского языка ИГИиПМНС СО РАН. imenaotglagola@rambler.ru

Илларионов Василий Васильевич – докт. филол.наук, профессор, заведующий кафедрой фольклора и культуры ИЯиКН СВ РФ СВФУ. illarionov_v_v@mail.ru

Кирьянов Николай Семенович – аспирант ИГИиПМНС СО РАН. ns.kiryanov@br.ru

Курилова Самона Николаевна – канд. филол.наук, н.с. сектора палеоазиатской филологии ИГИиПМНС СО РАН. samonak@rambler.ru

Ларионова Анна Семеновна – докт. искусствоведения, завсектором якутского фольклора. degeren@mail.ru

Молодин Вячеслав Иванович – докт. ист. наук, профессор, академик РАН, замдиректора по научной работе ИАЭТ СО РАН. molodin@archaelogy.nsc.ru

Непомнящих Наталья Алексеевна – канд. филол. наук, с.н.с. Института филологии СО РАН. rainbow_miracle@mail.ru

Николаев Егор Револьевич – аспирант ИГИиПМНС СО РАН, 1953307@mail.ru

Павлинская Лариса Романовна – канд ист. наук, в.н.с. отдела этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунскамера). Lapal@kunstkamera.ru

Прокопьева Панна Егоровна – канд. пед. наук, завсектором палеоазиатской филологии ИГИиПМНС СО РАН. pproe@yandex.ru

Самсонова Екатерина Максимовна – канд. филол. наук, м.н.с. сектора грамматики и диалектологии якутского языка ИГИиПМНС СО РАН. samsonova_em@mail.ru

Слепцов Петр Алексеевич – докт. филол. наук, проф., г.н.с. сектора лексикографии ИГИиПМНС СО РАН, petr.slepcov@mail.ru

Чарина Ольга Иосифовна – канд. филол. наук, доцент, с.н.с. сектора якутского фольклора ИГИиПМНС СО РАН. ochar@list.ru

Шарина Сардана Ивановна – канд. филол. наук, завсектором эвенской филологии ИГИиПМНС СО РАН. sarshar@mail.ru

Шуньков Михаил Васильевич – докт. ист. наук, директор ИАЭТ СО РАН. shunkov@archaeology.nsc.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Akerov Tabyldy Abdramanovich – PhD in History, Director of the Institute of Ethnology, International University of Kyrgyzstan.

Bravina Rosaliya Innokentevna – PhD in History, D.Sc. Professor, Head of department of Archeology Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, bravinari@br.ru

Burtsev Anatoly Alekseevich – PhD in Philology, D.Sc., Professor of the Russian and Foreign Literature of Philological Faculty, North – Eastern Federal University, aa.bursev@s-vfu.ru

Burykin Alexey Alekseevich – PhD in Philology D.Sc., PhD in History, D.Sc. Leading Researcher, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg), albury@rambler.ru

Van Gouin – Associate Professor of the Center of International Cultural Exchange, Central University of Finance and Economics, daalekce@126.com

Varlamova Galina Ivanovna – PhD in Philology, D.Sc. Head of Evenk Philology Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, tel: (4112)360197

Dyakonov Viktor Mikhailovich – PhD in History, Research Fellow, Archeology Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, dyakonov_vm@rambler.ru

Zhukova Ludmila Nikolaevna – PhD in History, Senior Researcher, Paleoasian Philology Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch of the Russian Academy of Science, zjukova@mail.ru

Ivanov Spyridon Alekseevich – PhD in Philology, D.Sc., Senior Researcher, Grammar and Dialectology of Yakut Language Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, spiridon_ivanov@mail.ru

Ivanova Irina Borisovna – PhD in Philology, Research Fellow, Grammar and Dialectology of Yakut Language Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, imenaotglagola@rambler.ru

Illarionov Vasiliy Vasil'evich – PhD in Philology, D.Sc., Professor, Head of the Department of Folklore and Culture, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East, Russian Federation, North – Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, illarionov_v_v@mail.ru

Kiryanov Nikolay Semenovich – graduate student, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, ns.kiryanov@br.ru

Kurilova Samona Nikolaevna – PhD in Philology, Research Fellow, Paleoasian Philology Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, samonak@rambler.ru

Larionova Anna Semenovna – PhD in Art History, D.Sc., Head of the Yakut Folklore, degeren@mail.ru

Molodin Vyacheslav Ivanovich – PhD in History, D.Sc., Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director on scientific work of the Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, molodin@archaelogy.nsc.ru

Nepomnyashikh Natalia Alekseevna – PhD in Philology, Research Fellow, Institute of Philology Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, rainbow_miracle@mail.ru

Nikolaev Egor Revolievich – PhD student of the Institute of Humanitarian Research and Indigenous Peoples of the North, the Northern Branch of the Russian Academy of Sciences, ***1953307@mail.ru***

Pavlinskaya Larisa Romanovna – PhD in History, Leading Researcher, Ethnography of Siberia Department, Museum of Anthropology and Ethnography named after The Great Peter (Kunskamera), Lapal@kunstkamera.ru

Prokopyeva Panna Egorovna – PhD in Pedagogy, Head of Paleoasian Philology Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, pproe@yandex.ru

Samsonova Ekaterina Maksimovna – PhD in Philology, Research Fellow, Grammar and Dialectology of Yakut Language Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, samsonova_em@mail.ru

Sleptsov Petr Alekseevich – PhD in Philology, D.Sc., Professor, Senior Research, Lexicography Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, petr.slepcov@mail.ru

Charina Olga Iosifovna – PhD in Philology, Senior Researcher, Yakut Folklore Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, ochar@list.ru

Sharina Sardana Ivanovna – PhD in Philology, Head of Evenk Philology Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, sarshar@mail.ru

Shunkov Mikhail Vasilievich – PhD in History, Director of the Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. shunkov@archaeology.nsc.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись должна быть напечатана на отдельных листах формата А 4 через 1,5 интервала (шрифт Times Sakha или Times New Roman, размер — 14) с полями: снизу, сверху и слева — не менее 2 см, справа — не менее 1,5 см. Переносы, автоформат и табуляция в статьях не допускаются.

Объем статьи, включая иллюстративный материал и список литературы, должен составлять 10—12 страниц, краткие сообщения — 3—6, хроника − 1−2 страницы. Статьи должны быть хорошо отредактированы и тщательно проверены.

Принимаются к печати статьи, содержащие не опубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения, а также статьи методического и хроникального характера, рецензии и др. в печатном и электронном виде. Обзорные статьи и материалы по истории наук к печати не принимаются. Не принимаются к печати работы, представленные или принятые для публикации в другие печатные издания или электронные средства массовой информации.

Могут быть приняты к рассмотрению статьи, опубликованные ранее в виде материалов научной конференции (обычно в форме тезисов).

Аннотация статьи на английском и русском языках (2 экземпляра). В конце аннотации — ключевые слова (не менее 10). Аннотация не должна содержать ссылок на разделы, формулы, рисунки, номера цитируемой литературы. Она должна отражать главные моменты работы, а не говорить просто о чем статья, т.е. быть краткой, но содержательной. На английском языке то же. Статьи в разделы «Хроника» и «Рецензии» предоставляются без аннотаций. В заголовке «Аннотации» сначала даются инициалы и фамилия(и) автора(ов), затем название статьи.

Никакие сокращения, кроме общепринятых, в тексте и таблицах не допускаются. Все таблицы должны иметь заголовки и сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, без знака № (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращенно (табл. 1). Текст таблицы должен быть напечатан через два интервала; содержание таблиц не должно дублировать текст.

Таблицы следует набирать в книжном формате, шрифтом Times New Roman размером не более 10 и не менее 8. Объем таблицы не должен превышать одной страницы (вместе с заголовком, возможными сносками и примечаниями).

Рисунки следует оформлять в программе Photoshop или файлами с расширением jpg. Фотографии должны быть в оригинале хорошего качества. Разрешение изображения на цифровых и отсканированных фотографиях должно быть не менее 300 dpi.

Подрисуночные подписи не должны входить в рисунок. Их набирают отдельным списком с указанием номера рисунка.

Литература и источники, использованные при написании статьи, приводятся после текста отдельным списком. Ссылка на литературу в тексте должна даваться в квадратных скобках **на название работы** или **на фамилию автора и год издания** с указанием конкретной страницы, если приводится цитата [Иванов, 1991, с. 3]. Если авторов с одинаковой фамилией несколько, в скобках приводятся и инициалы. Если использовано несколько работ одного автора, изданных в один и тот же год, при ссылке в тексте и списке около года ставится буква: Петров, 1996а,б.

Авторы после текста обязаны указать следующие сведения: фамилию, имя, отчество, почтовый и электронный адреса (для переписки), место работы, занимаемую должность, ученую степень, ученое звание, номер телефона (служебный, домашний или сотовый).

Редакция имеет право вносить редакционные изменения, не искажающие содержание статьи.

Электронный вариант статьи представляется на диске, флешке стандартного формата, на которые заносятся текстовые файлы редактора Word (95, 98, 2000). Дать файлу понятное название, указать на наклейке диска формат и название файла, а также информацию о программном обеспечении.

Перед названием статьи обязательно **указать УДК**.

Все статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. Оригиналы статей авторам не возвращаются.

Рукописи в печатном и электронном виде направляются по адресу: 677000, г. Якутск, ул. Петровского, 1, каб. 412. Тел. 35-43-40.

Электронный адрес редакции: igi@ysn.ru, annanikstep@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-50537
от 06 июля 2012 г.

Адрес издателя и редакции
677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
каб. 412 (тел. 35-43-40). Электронный адрес издателя, редакции и редколлегии: igi@ysn.ru, svgv2010@mail.ru

Подписано в печать 18.12.2015. Дата выхода в свет 13.01.2016.
Формат 60x90 1/8. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. п.л. 16,75. Уч.-изд. л. 15,94. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИГИиПМНС СО РАН
677006, г. Якутск, ул. Сосновая, 4, тел. 35-68-69